

10
1967

У Р А Л Ь С К И Й
СЛЕДОПЫТ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР СВЕРДЛОВСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ И СВЕРДЛОВСКОГО ОБЛАСТНОГО ВКЛЮСА

Приключения и фантастика

Рассказы бывалых людей

Мечты современников

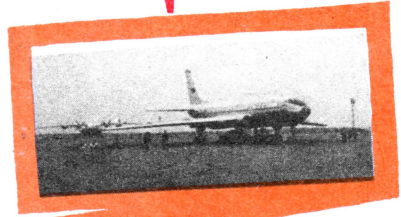
Занимательное краеведение

Следопытские дела

Дает адреса романтикам

О подвигах, о доблести, о славе

ПОЛВЕКА
ВЛАСТИ
СОВЕТОВ

СЛЕДО-
ПЫТСКИЕ
ДЕЛА

откуда
это
слово

ОБЛАКАТ

Сказ о ходоке

П. САЛЬНИКОВ

Рисунок Н. Костиной

Сапоги. Яловые, с подковами. Ежели наярешь ваксой, словно у жандарма лоснятся. Полдеревни женихов свадьбы свои сыграли в них, а все как только из лавки. Держал и наживался на них кулак Борков. И на этот раз за немалую мзду пришлось брать их у него, обманув — будто по свадебной надобности.

В эти-то сапоги и нарядили ходока Облаката, которого на сходке общим голосом решили послать к Ленину в Смольный.

— Срамота! — орали тогда мужики на Облаката, который собирался идти в лаптях.

— К самому Ленину ведь...

— Не за жалостью к царю авось, а по делу крестьянскому...

Нашли и поддевку поисправнее. Всей деревней своего ходока собирали. У самого-то его и фамилии не было, не токмо обувки с одежей. Мечтатель — вся цена ему. Все мечтал: как бы за деревню свою заступиться. Потому Облакатом и прозвали.

Горький и храбрый был мечтатель. Смелее и не найти было для посылки к Ленину...

Питер в ту пору ходуном ходил. Не сразу было понять деревенскому мужику — кто здесь делает революцию... Поток течет всякий люд, ровно в половодье. Мутными и светлыми ручейками растекается по городу, шумно, без разбору мечется этот люд в непонятной заботе.

Растарашился на все Облакат. Где с оглядкой, где, не помня себя, заметался туда-сюда по улицам и переулкам. Ерзает за спиной котомка с дорожными пожитками, греет слегка лопатки. Спросить — короче бы путь оказался. Да нет, самому захотелось, чтоб без подмоги всякой, интересу больше.

Но когда добрался до Смольного, растерялся.

— Мил-человек, тут эта самая революция находится, а! — с бухты-барухты спросил Облакат часового-красногвардейца.

— Здесь. А тебе что!

Ворочал, ворочал всю дорогу в голове слова наказа сельчан, а тут словно колом вышибло. Заморгал, залопотал несвязно Облакат:

— Я к гражданину Ильичу Ленину. К самому я, чтоб самолично убеждение получить насчет земли...

Расталкивая солдат и матросов, стал подниматься вверх, к дверям, стуча подковами сапог по ступенчатому камню. У входа солдат преградил винтовкой дорогу.

Уговорил Облакат солдата-латыша из охраны, в общей суете пробрался в приемную, в большую несуразную комнату. Два резных дивана из редкого дерева неровно делили эту комнату на прихожую и проходную части. В первой — столик на худых ножках. За ним — барышня с красной повязкой на рукаве: записывает в книгу толстенную, кто по какому делу к товарищу Ленину. Красногвардеец при этой барышне. На вид бравый, на слова остер. Говорит — как пряники жует. Это с ней, с барышней. С Облакатом обошелся иначе:

— А тебе что здесь надобно, папаша! По сапогам-то видать — имущий! — строго так гаркнул, а глазами, как палашом турецким тесанул.

А когда все выяснилось, упрекнул:

— Поначалу с буржуями да с капиталом разделаться надобно.

— Землю осиротит наш Борков, мужика стонит с нее, пока череду дождешься! Борков — это огонь-кулак. Он и революцию твою слизнет — закурить не успеешь.

— Разбираться надо, папаша, что главнее сейчас: ты или революция! — урезонивал ходока солдат.

Сник Облакат. «В самом деле, — подумалось ему, — нельзя же без разбору пользоваться таким человеком, как Ленин. Займись Ильич одним мужиком, темным Облакатом, — общую революцию прозевать можно...» Подумалось и

другое: ни с чем ему тоже нельзя никак возвращаться в родную деревню. Ждут его, Облаката, ждут со словом от самого Ленина... Так и эдак прикидывал, а решить ничего не решился. Пошел пока побродить по площади перед Смольным. Может, освободится минутка у Ленина и для Облаката. На всякий случай предупредил красногвардейца:

— Ты, мил-человек, меня как своего теперь знай. Я ведь еще возвернусь!

На площади костры горят. Греются возле них и солдаты, и такие же, как Облакат, пришельцы из дальних губерний. Все кучками. Каждая кучка о своем шумит-поговаривает. К какой пристать — растерялся. К солдатам пошел Облакат. Они больше знают и о войне, и о революции. И о земле крестьянской им разговор ближе.

Но и солдатского люду столько, что не скоро поймешь, кто о чем говорит. Однако быстро освоился Облакат, пристрав к одной группке. Не вступая пока в разговор, он грелся чайком из солдатского котелка. Солдаты уступали свои скудные пайки ходокам из деревни, неуклюже выражая свое уважение к мужикам только что от земли.

Сами же солдаты принялись за дележку меж собой немолотого зерна. Кто и откуда притащил ядерной пшеницы — никого не интересовало. Котелками, кружками, просто руками лезли в мешок и брал каждый столько, сколько удавалось загрести.

Это занятие так увлекло солдат, что не заметили, как к ним, в сопровождении двух солдат, подошел штатский. Он в легком пальто нараспашку, хотя было прохладно, темно-серый костюм под пальто. Рукой одной за кармашек пиджака держится, а другой висок потирает. Остановился, глядит. Лукавинка в глазах просветлилась, сказать что-то хотел. Облакат, не участвовавший в дележке, тербил его как давно знакомого:

— Делят вот, шутють, а небось серд-

це екает: в землю бы такую благодсть ядреную, под дождик весенний — до сытного достатку дожить можно было бы.

Говорит Облакат, а у самого глаза голодные, горят-мечутся, как на ярмарке хлебной.

— А что, плохо с хлебом! — как свой у своего, спрашивает штатский.

— Ни-и-куда! Солома одна: пуд корове, полпуда себе на мешанку — вся жратва...

Будто прорвало Облакату, зашепшил в обиде:

— И откуда ж ему, хлебушку, быты! Семян — у воробья в зобу больше. Тягла нет, инвентаря тоже нехватка... К тому же, Борков, Слюнятиков да Ежихин, купачье наше, забивают здорово. Воли-то им, вроде, больше досталось после этого самого Декрета: в батраки зовут, а землей не хотят поделиться. А судьба, милая, что беднячья, что батракова — у всех одинакова...

Слово в слово выговаривал свою мужицкую нужду Облакат.

— Будет тебе душу-то корябать! — не стерпел солдат с кружкой. Повернулся к Облакату. — На! Пшеничка не хрен тебе с квасом, она по выбору кормит, а соломка да рожь — всех бедняков сплошь.

Сыпанул кружку, вторую зерна с верхом в шапку мужику и только тут взглянул на человека, стоявшего рядом с ходоком. Зарозовел.

— Мы тут, Владимир Ильич...

Сбилса солдат, умолк, смутив и своих товарищей.

А с Облакатом так вышло. Стоит ошалелый с шапкой, будто еще просит. Взял Ильич горсть хлеба из мешка, бросил два-три зернышка в рот — кто не любит помять на зубах сладкую пшеничку! — остальное в шапку ходоку.

— Под жернова бы, в размол ее, да пельмешек, по-сибирски сочинить, а! — засмеялся Ильич.

Засмеяться засмеялся, а в глазах боль. Знакомая эта боль мужику. И вот

первый раз в жизни полегчало Облакату: делит сам Ленин и боль и хлеб с мужиками. И рад, и поражен Облакат.

Позвал Ильич за собой ходока. Так и пошел тот, неся в шапке и солнце, и лето, и горе свое — хлеб.

А вечером на выбитой площади перед Смольным Облакат снова грелся с солдатами у костров. Грелся дымком, разговорами о войне, о Ленине, о деревне, грелся пареной пшеничкой из прокопченных котелков. Трунили над мужиком солдаты, стыдили за бабью жадность, но Облакат так и не отдал свою долю на запарку.

— У меня дорога обратная с полсвета длиной, — отговаривался Облакат, приберегая кисет с зерном за пазухой...

Разгуливала поздняя осень по улицам и площадям Петрограда. Жал небесный свет на земную тьму. А к полуночи ноябрь начал крыть город снегом. К утру выбелил его, зазвонил первым хрупким морозцем.

И представилось дальнему мужику, что и ноябрь, и Петроград, и революция собираются забурнить по-настоящему, круто и бурно...

Переобулся Облакат, высушив над костром портянки, кипятком на дорожку заправился, закурил солдатского табачку и — в путь.

Вернулся-таки Облакат из Питера. Вся волость сошлась у церковной оградки. За десятки верст на клячонках своих притащились за словом живым вымотанные работой люди. Не верится, что в самом деле человек у Ленина был. И каждый норовит спросить свое у Облакату, руку пожать. На всякий вопрос ответа требуют, да строго так, ровно долг спрашивают:

— Видел!

— Видел.

— Говорил!

— Говорил.

— Врешь!

— Ей-богу, — оборачивается Облакат

на колокольню и крестится, ухмыляясь в бороду.

— Ядрена твоя болячка! — мужичишка из соседней деревни сдернул с головы шапку, зашебаршился, синими озябшими губами в бороду Облакаты лезет:— Сказывай начистую, что говорил он. Сказывай всю его правду!

— Пстой, пстой! — кулак Митюха Борков, работая локтями, пролез к ходоку.— Мы правду тоже кусали, знаем, на каких зубах хрустит.— Подошел и в шутку или не в шутку за грудки Облакаты и во всю глотку: — Показывай бумагу!

— Какую тебе бумагу!! — стемнел Облакаты, отводя от себя руки Митюхи.

— А такую...— с издевкой задвигал туда-сюда тяжелой, словно уют, челюстью.— Мужики! Доподлинно знаю, что управитель большевиков Ленин тому, кто у него бывал, с красным штемпелем бумагу выдает, чтоб без самозванства всякого и протчего. А то «видел», «говорил»... С ярмарки, что ль,— на копейку наслушал, а на целковый брехать собрался. Раз из Питера — выкладывай и бумагу по чести!

У Облакаты в глазах перекаленный огонь. За ворот полушубка притянул Боркова к себе.

— Хошь, штемпель во всю харю припечатаю!!

— Для близиру же я, дура,— забормотал, отпрянув, Митюха.

— Для «близиру» пока и я свое скажу. Граждане-товарищи мужики! По части этой сволочи мародерской сказ один получил: сгонять прочь с земли, раз эта земля общественной стала, и распоряжаться ею мужик-бедняк должен, потому как по Декрету определено так...

Путался Облакаты в новых словах. Сбитый с толку, он и впрямь забеспокоился:

поверят ли ему сельчане после того, как Митюха взбаламутил сходку? Затоптался в забывчивости. Но ненадолго. Шахтер Жуланов, что надоумил идти к Ленину, помог:

— Ты, дядя, со своего не сбивайся. Правда, она без бумаги пути найдет.

Вспомнил, просиял Облакаты. Полез за пазуху, вынул кисет с пшеницей. С фунт всего-то, а словно глыбу золотую из-под земли выворотил. Ахнула толпа, когда сказал ходок, что горсть хлеба этого самолично Ильичем дадена.

— С этой капельки зачнем сил набирать на вас,— покосился на кулака Облакаты.

Борков жевал губы. Но что-либо сказать в ответ не решался. Жилы вздулись на шее. Потом все-таки не стерпел, взорвался:

— Скидай мои сапоги, голь беспортошная!

Облакаты словно обрадовался такому расчету. Сел на снег, разулся и шмякнул оземь хрустящую пару.

Договорил ходок свою речь, стоя в портянках на снегу...

Весной на исхудалом клочке собственной земли посеял Облакаты привезенную пшеницу. С краешку, на косячке в один сажень уместилась вся. По зернышку клал, не горстью сыпал. Потому, может, так ярко запылал изумрудный клинышек после первого дождика. Вся делянка украсилась этим клинышком. Так, по крайней мере, казалось Облакаты.

В первую же цветень понеслась пыльца через межи, не различая ни своего, ни чужого надела, равно всякому колоску вкладывая по сердечку для новой заязи...

Это вам, романтики!

АЛЕКСАНДРОВСКИЙ ДНЕВНИК

1965 ГОД

19 февраля. В шестиметровом «кабинете» начальника участка Г. Н. Ярыгина главное — рации. Их две. Одна — связь с буровыми, другая — с экспедицией в Александровском. На столе у Геннадия Николаевича листки бумаги. На них короткие записи, только что принятые по рации.

«Р-22. Бензин, карбид 10 килограммов, кислород 1 баллон, бульдозер, дрова».

«Р-4. Исследование нефтеносного горизонта».

«Р-28. Автоген. Сварщика».

«Р-21. Бурение».

«Р-34. Подготовка к испытаниям».

Буквами «Р» здесь обозначают буровые вышки.

Утром к Ярыгину не пробиться. Мастера, бурильщики, свободные от вахты геологи, шоферы. У каждого свои проблемы. Те, кто не умещается в «кабинете», греются за перегородкой у «буржуйки». На раскаленном боку ее четыре крупных известкой буквы: «МАМА».

Полдесятого. Все разъезжаются. До вечера.

На буровых работа идет круглые сутки. Каждый восемь часов — смена вахты. Восемь часов отдыха. И снова работа. Иначе нельзя. Буровая не станок, не остановишь. Погода изменить этот ритм тоже не властна. Все по той же причине. И так — все четверо суток. Потом вертолет привезет смену.

Вот тут погода сможет отыгаться. Метель, облачность, туман... И если все соберется вместе, вполне возможно, что смены не будет.

Пока погода милостива. Смена прилетела. Вездеходы уходят на буровые.

20 февраля. Старшему геологу участка Николаю Некрасову надо найти «точку» для новой скважины. Вездеход будет пробиваться сколько сможет, а потом Некрасов уйдет дальше на широких охотничьих лыжах. Некрасов — томич. Окончил институт. Работал. Женился. И стал александровцем. Видимо, навсегда.

В то время, когда он учился, о сибирской нефти еще спорили и было больше «против», чем «за». В Западной Сибири вообще, и в Александровском районе в частности, Некрасов работать не собирался.

Конечно, он знал, что в Назине в пятьдесят шестом была получена нефть, но нефти этой было так мало, что ее черпали ложками. Как суп.

И все-таки он попал не на Сахалин, как мечтал, а именно в Западную Сибирь. И не в поле-

вую геологию, а в нефтеразведку. В нефтеразведку их приехало двое — Некрасов и его друг Саша Внуков. Двух геологов поставили работать... замерщиками. Работа, которую могут выполнять и выполняют, кстати, десятиклассники. Другой работы разведка в то время предложить не могла.

Таскать ведерки с раствором, имея в кармане диплом?! Конфликт между мечтой и производственной необходимостью закончился так: Некрасов остался, Саша Внуков уехал в Северо-Забайкальскую экспедицию. В полевую геологию.

— Внуков не выдержал, — сказал мне человек, авторитет которого для меня так же высок, как и для Некрасова. А Некрасов не согласился: — Саша работает сейчас в условиях, может, потрудней наших...

23 февраля. На буровой вышел из строя котел. Беда, страшнее которой трудно придумать.

Разобрать обмуровку, подобраться к водяным трубам и заварить течь было сравнительно несложно. Главное — люки. Их сорок восемь. И все надо было вскрыть, промыть трубы и снова закрыть. Люк небольшой, подобраться к нему можно было только голыми руками. А мороз под пятьдесят. Инструмент обжигал пальцы. За двое суток кочегары Высоцкий и Ситников, сварщик Финогенов, механик Сильченко ликвидировали аварию. Именно суток, потому что работа не прекращалась и ночью.

24 февраля. Трос метров сто. Замело. Концов не отыскать. А середина — вот она, на проматой гусеницами дороге. Бригада испытателей и водитель тягача вязнут в снегу, метр за метром выдирая трос из плотного снежного пласта. Водитель наблюдает, ежась от стервенеющего ветра. Наконец не выдерживает:

— Рубите посередине! А то я поехал.

— Ты совесть имей, нам троса-то десять метров надо! — взрывается один из испытателей.

Только нефтеразведчики знают, что такое на севере трос.

25 февраля. Над испытательной вышкой на буровой бьется на ветру флаг. Если приглядеться, можно увидеть на красном полотнище темные пятна. Однажды взбунтовалась нефть. Вырвалась, ударила вверх. Ее укротили, но на флаге она оставила свой «автограф».

Неподалеку от вышки — балок. Жить в балках невероятно трудно, и живут здесь испытатели. Боря Дразнилов и Юра Золотарев.

Лица чумазые, полущубки в пятнах — не то солярка, не то нефть; не выпавшиеся — ночью шли испытания, по обоим парикмахерская скучает.

Каждый в нефтеразведке считает свою работу трудной. И все вместе соглашаются, что все же труднее всех испытателям. Они никогда не могут сказать, что произойдет на скважине завтра. У каждой скважины свой «характер».

Спрашиваю у парней то, что уже спрашивал у десятков людей: «Почему вы здесь?»

Первый, после молчания, начинает Золотарев.
— Приключение все.

Оказывается, это серьезно, про приключения. Работал Юра на заводе. То ли в газете прочел, то ли по радио про нефть услышал. Прилетел в разведку. Первое время по ночам дом снился. Но не уехал. Наоборот, всю семью в Александровск переманил. Борис рассказывает мне, что на распределении в техникуме была возможность попасть в теплые края, в Белоруссию.

— Ну, и?..

— Понимаешь, там в смысле геологии все изъезжено.

Интересно, о чем они думают, что их волнует? Ну хотя бы вот в эту минуту? Дразнилов будто подслушал меня:

— Что мне сейчас надо,— бульдозер на полчаса.

— Зачем?

— Снег подгрести к балку — теплее будет.

26 февраля. Завтра иду к начальнику разведки Роману Владимировичу Требсу. Говорят, Требс — тонкий, остроумный собеседник.

Сорокалетний начальник разведки посвятил геологии всю сознательную жизнь. Три последних года отданы Александровской экспедиции. Люди, с которыми он начал работать, с которых требовал, «сидели» по буровым на порядочном расстоянии от конторы, и друг от друга. Поэтому ему приходилось мотаться по этим буровым, а он не привык ничего решать и делать наскоком.

Случались аварии. И Требс срочно летел на место, потому что это были уже его буровые и потому, что он уже был опытен и грамотен в своей профессии. И, наверное, есть немало людей, которые выросли рядом с ним, для кого он, сам того не зная, был инженером-учителем. Наконец, были моменты, когда начальник шел первым, чтобы подтвердить свое право командовать этими людьми. Это не всегда безопасно, но это можно по-человечески понять. Однажды, например, он сел за рычаги вездехода и провел его через Обь. Случай, в котором нет ничего необычного, но если учесть, что «водитель» вездехода был первым в ту зиму, кто проскочил через недавно ставшую Обь, то можно и удивиться. Однако сам Требс о таких случаях вспоминать не любит, зато другие рассказывают о нем охотно.

Год назад в Александровске встречали автоколонну, пробившуюся через болота и тайгу из Новосибирской области. В начальнике колонны Роман Владимирович узнал брата, которого потерял во время войны.

И еще одна любопытная история. Это было в те дни, когда Ганзелка и Зикмунд добрались, наконец, до александровской земли. Гостям был предоставлен катер, и они деловито любовались местными красотами: щелкали фотоаппаратами, трещали кинокамерами. Их познакомили с людьми, с буровыми, приглашали в белки — в балки они не зашли, деликатно возразив, что это, мол, частное жилище. В заключение утомленные путешественники — перед их глазами еще стояли две-три последние страны — попросили показать фонтан и приготовились к съемке. Не знаю, кто открыл задвижку, но фонтан был так себе. Чехи уже опустили камеры, снова деликатно заметив, что такое они уже видели, когда начальник разведки полез к задвижке сам. И александровская земля показала, на что она способна... Чехи долго не могли ничего сказать, припали к камерам: такого они еще не видели.

27 февраля. Требса еле удалось «поймать». Ему звонили, его беспрестанно отвлекали, куда-то звали, он извинялся и то и дело исчезал на полчаса, час. Разговор начался поздно вечером. Роман Владимирович устало рассказывал о запасах, о площадях, о буровых и людях. Чувствовалось, что все это он рассказывает уже в двадцатый раз (корреспондентов наехало — тьма!) и только джентльмен в нем не позволяет ему выставить меня за дверь. У меня слетело с языка слово «романтика». И тут начальника разведки, что называется, взорвало:

— Я могу поднять ночью сварщика, шофера и сказать: «Езжайте». И они поедут, и никаких жалоб в профсоюз. Так ведь и меня могут поднять, и мастера... Все понимают, что это не от капризов

наших, а нужно. Какая это романтика, когда люди в грязь и снег по пояс проваливаются? Я сам пятьдесят раз проваливался и не считаю, что это романтика, считаю, что глупость. Романтика — это взял машину, проехал по Александровску, а потом сел в самолет — и рассказывай чудеса!

2 марта. «Сидел» на Р-211, на Таежной площади. Там шли испытания. Буровая испытывалась на газ. Увы, неудача. Прилетел на 211-ю с геологом Петей Коневским. Петя всего полгода назад кончил техникум и еще моложе меня. Мастер поглядел на нас, когда улетел вертолет, и спрашивает: «Кто из вас геолог?» Петр назвался. Мастер только хмыкнул и пошел к себе в балок. Петя, по-моему, понимает свой «дефект» и потому держится очень солидно.

4 марта. Лечу в самолете. Черные пирамидки буровых растворились в тайге. В моем рюкзаке — осторожно держу его на коленях — бутылка с нефтью из четвертой скважины. Коля Некрасов очень серьезно наклеил на нее бумажку и написал, откуда и когда она взята. Все по науке. Я спросил у него, сколько этой нефти лет.

— Что-то около шестидесяти миллионов, — небрежно ответил Коля.

1966 ГОД

16 февраля. Ровно год, как я не был здесь. Первое впечатление — все как прежде. На летном поле знакомая фигура человека в красном полушубке. Диспетчер нефтеразведки — «князь Меньшиков». С утра и до конца летного времени он царствует здесь среди нагроможде-

ний ящиков, бочек, труб, запчастей и продуктов. Распихивает все это по вертолетам и самолетам, цепко держа в голове требования и просьбы буровых экспедиций. Меньшиков — это его фамилия, а имя такое же, как у сподвижника Петра Великого: Александр...

Зал ожидания аэропорта. Звучит громко. На деле — комната в двадцать квадратных метров. Пассажиры. Буровики. Испытатели. Монтажники. Летят «на номер». Промасленная спецодежда. Душно. Накурено. Потолкаться здесь минут десять — наслушаешься былей и небылиц.

Узнал, что Коля Некрасов стал уже старшим геологом цеха бурения, а Ярыгин — начальником цеха. Мне рассказали, как перетаскивал машины и трубы мощный «МИ-6», как долгое время «не шла» первая в управлении экспериментальная буровая «Р-43» с дизель-электроприводом, а на 47-м номере, наконец-то, получили фонтан. Познакомился с ребятами из конторы бурения. Год назад конторы не было и в помине.

Райком комсомола. Трое парней с комсомольскими путевками. «Мальчики» обросли, без гроша в кармане. Бросили институт: не по вкусу специальность. Честно признаются: «Мы года на два. Потом в институт. В нефтяной». Заместитель начальника нефтепромыслового управления Николай Михайлович Тимаков кричит в трубку: «Куда я их дену? У меня план по труду — двадцать пять человек на первый квартал, а я уже сорок принял. У меня спецовок нет, а они ж как на танцы приехали».

Уговорили. Принял.

В гостинице командированный геолог на бумаге и на пальцах объясняет женщине, почему александровская земля под землю не провалится, если даже из нее выкачать всю нефть.

Столовая. За столиком три парня с красными лицами. По-видимому, рабочие из конторы бурения. При появлении худого, высокого человека, как в фокусах Кио, исчезает со стола бутылка. На щеках худого катаются бугры желваков.

— Ну, вот что... Я работаю с вами первый день, — на «первый» он делает ударение, — мне очень неприятно, что я должен говорить вам об этом в первый день. Вечером зайдите ко мне.

В райкоме комсомола мне показали солдатское письмо. Солдат раньше работал в райкоме. «Очень рад, даже восхищен теми новостями, которые узнал из вашего письма. Ведь то, что сейчас происходит и будет происходить в дальнейшем в нашем районе, поистине грандиозно и здорово. Этак приеду в Александровское и не узнаю его. Молодцы, просто молодцы! Мы здесь часто спорим из-за того, чей край имеет большее значение. Ведь в батарее собрались парни из разных уголков страны. У многих, особенно тех, кто лишь по книгам да газетам узнал про наш край, жил за Уралом или в Средней Азии, представление о нем самое что ни на есть примитивное и ошибочное. Они думают, что у нас до сих пор процветает глухомань, так что письма, подобные этому, — хороший козырь для меня в тех спорах, которые приходится вести здесь...»

19 февраля. Мы шли по вечернему Александровску. Вадим Арбузов, Юра Золотарев и я. Вадим басил:

— Мне нужна первая скважина на новой площади и первый фонтан. Ведь нефть вот она, почти что у нас в лапах, ее взять только надо. Вот это романтика!.. Правда, Юра?

Я напросился к Арбузову в гости. Едва мы переступили порог, к Вадиму подкатился глазастый, большелобый крепыш, в котором уже угадывались черты отца. Крепыш оказался Аленкой. Говорят, имя это исконно русское и пошло из древней Руси. Но я теперь знаю, почему Арбузов дал дочери такое имя.

...Есть у геологов в отделе журнал — что-то вроде хроники экспедиции. Ученическая тетрадь, 12 листов в клеточку, домашняя такая, с промокашкой. Пишут в этой тетрадке все, кому захотелось «публично» поспорить с коллегой. Скажем, доказать свою гипотезу насчет нефтеносности или о перспективах края, площади, скважины... Записи полушутливые, серьезные, дерзкие. И тут же газетные вырезки: на скважине такой-то ударил фонтан. Так сказать, печатное посрамление одних и триумф других.

Так вот, в этом журнале есть строчки: «Природа — загадка. Техника не достигла должного совершенства (имеется в виду сейсморазведка). Поэтому о перспективах Аленкинской площади судить трудно». А ниже слова Арбузова: «На Аленке нефть есть, без сомнения!»

Когда на Аленкинской площади ударил первый фонтан — Вадим там, конечно, был, как же он мог такое пропустить, — в семье Арбузовых родилась дочь. Так что он не маялся проблемой, как ее назвать. У Арбузовых еще одна дочь, семилетняя Маринка. Вадим говорил мне о дочерях:

— Они знают: папа геолог — это значит трудно. Значит, папа прилетит замерзший. Папа не будет с ними разговаривать, а сразу ляжет спать и будет спать долго. И надо не шуметь.

...Вадим знакомит меня с женой, потом с пожилой женщиной и громко шепчет: «А это наша бабка-герой!».

Баба, оказывается, приехала с Украины и по началу все удивлялась: «Как вы живете? Воды нет! Свету нет! Еду обратно».

— Теперь освоилась,— продолжает шептать Вадим.— Только командует: «Вадим, за водой!». Он заразительно хохочет, а глядя на него, смеемся и все мы, включая бабу-героя.

У Арбузовых хорошо, уютно. Стеллажи, современный интерьер... И Вадим доволен, что мне у них нравится: почти все сделано им самим.

Вадим мечтает создать эстрадный оркестр. Остановка за малым: нет ударной установки и саксофона.

20 февраля. Вадим Григорьев тоже геолог. Не молод, но на вид больше тридцати не дашь. За лыдинками-стеклышками очков — живой, цепкий взгляд. Об этом человеке рассказывают множество невероятных историй. Вот одна. Однажды в маршруте он увидел недвижимый трактор. Оказалось, тракторист вез в больницу жену и сам дорогой заболел. Образование у Вадима, как вы уже знаете, далеко от технического, а за рычаги трактора он и во сне не садился. Как Вадим вел 90 километров этот трактор, уму непостижимо. Но он мне сам подтвердил: вел.

Или Леша Овчинников — командир вертолета, развозит геологов. К Леше я просто не успел. Прошлой зимой познакомился с ним и все думал: приеду еще раз и напишу. И трудно было поверить мне, что уже осенью Леша не стало. Высокий, красивый командир вертолета был отличным человеком и верным другом. Он и погиб таким, хотя погиб нелепо. Поехал с товарищами на рыбалку и на крутом повороте дюралева лодка опрокинулась. Леше удалось уцепиться за лодку, а двое других барахтались в воде, когда из-за поворота показалась моторка. Он был неплохим пловцом и, видимо, надеялся на себя: крикнул, чтоб сперва взяли тех двоих. Хозяин моторки так и сделал, а летчика спасти не успели: вода в Оби была очень холодная.

25 февраля. Обнаружил в записных книжках десять любопытных ответов на вопрос: «Почему ты здесь?»

Владимир Тарасенко — начальник механического цеха: «Где работа, там есть и смысл оставаться, иначе ведь пролетаешься».

Николай Крицкий — геолог: «Геолог я, а здесь — нефть».

Галина Тарева — врач: «Нужно познание, нельзя терять время. Здесь все условия, чтобы приобрести первое и не терять второе».

Александр Косов — сварщик: «Ребята говорят, я из-за романтики. Может, и верно».

Борис Дразнилов — испытатель: «Совесть надо иметь, ведь учили нас».

Антон Березовский — геолог: «Направили меня сначала в партию по геологической съемке, я попросился сюда. Мне нравится нефть, так зачем же отвлекаться».

Дмитрий Щетинкин — буровой мастер: «Интересно, как нефть добывают, как ищут».

Леонид Сильченко — механик: «Здесь техника новая появляется, надо успеть узнать ее».

Роман Петров — взрывник: «Сибирь осваивается на патриотизме. Ну что материальные ценности? Я здесь получаю 170 рублей, а в городе буду получать 140—150, так там купить можно, чего здесь нет, и отдохнуть есть где, цивилизация все же. Нет, Сибирь осваивается на патриотизме».

Он философ, Роман.

6 июня. В Колпашевской гостинице геолог из

Новосибирского управления махнул рукой: «Все залило. Четыре скважины под водой. Вода прибывает и стоять будет долго. Событие,— он имел в виду первый, с первой томской нефтью танкер,— не раньше августа».

...От Колпашева до Александровска — 2 часа 30 минут. Два часа двадцать минут — минус взлет и посадка. Внизу вода. Разгулялась Обь.

Последние метры перед посадкой самолет тянет над водой. На аэродроме несколько вертолетов, только им одним сейчас «климат». «Амфибия» вывозит с затопленного склада мешки с цементом. Ночью, наверное, затопило. Мешки сухие, видимо высоко лежали.

Начальник лесостроительной партии Кирилл Капитонович Станков отправляет людей в тайгу. Другой начальник, Феликс Лопата, всю ночь доставлял горючее.

Горючее здесь сейчас ценнее золота. Из Колпашева пришла в аэропорт телеграмма: «Склад с горючим затоплен, доставка средствами заказчиков». Вот Феликс и старался. Задержал самоходную баржу и всю ночь возил. Зато теперь: «Ни у кого нет, а у нас есть. 141-й топографический отряд на коленах стоял. Разведка просила». Справедливости ради стоит сказать, что и 141-му, и разведке Феликс дал, сколько нужно. Нефтеразведчики ему вертолетом помогли, а горючее придет — и топографы вернут.

Феликс чуть полноват, в очках, в нахлобученной на уши зеленой шляпе. Остаток ночи, утро этот человек вывозил своих рабочих с косы, а вот теперь мается, никак не может уснуть — «все перекипело».

В семь вечера прошу телефонистку дать квартиру главного инженера нефтепромыслового управления Мержи. Отвечают, что Мержа работает. К нему только что заехали. Дали кабинет. Действительно, Николай Филиппович работает. Воскресенье, семь вечера!

Он рассказывает о предпоследнем пусковом совещании. Обстановку усложнил паводок: место налива — под водой, трубы под водой, скважина тоже под водой. Чтобы сменить штуцер, надо лезть в воду. «Не представляю, как мы это будем делать».

— Вообще-то работ осталось минимум,— продолжает главный инженер.— Завтра в основном заканчиваем, послезавтра работаем с резервуаром: будем проверять керосином и мелом. Керосином мажут внутренние швы резервуара, снаружи — мелом. Если есть маломальская течь, мел станет коричневым. Чтобы налить баржу, надо наполнить резервуар — две тысячи тонн, а наливать придется без насосов.

В понедельник утром в управление сообщили: вода угрожает размывать обваловку резервуара. Нужен цемент. Пятьдесят тонн дает нефтеразведка. Пятьдесят обещает прислать главный инженер управления «Мегионефть» Георгий Самуилович Арнапольский из Нижне-Вартовска.

7 июня. На буровой Р-18 смотрят кино. На экране — город, асфальт, «легковушки», летние платья. На Р-18 вода подступила к порогам балков, в столовую пробраются только в болотных сапогах. Вода плещет в плакат, прибитый на столбе: «Граждане. берегите лес от пожара».

Вертолет покрутился над резервуаром и кое-как нашел сухое местечко. Сели. И здесь дождь, мелкий, нудный. Подбежал парень в зюйдвестке. Высокий, черноволосый, усики, болотные сапоги — прямо киношный гасконец. Оказался строителем.

Начальник участка. Зовут — Олег Ружников. Позже в трюме лихтера — здесь сухо и не дымит печка камбуза — он рисовал мне всю схему промысла.

Задача Олега здесь как специалиста — подогнать основание резервуара. На резервуаре давно заварен последний шов. А Ружников остался. То ли ему сейчас нет работы в Стрежевом, то ли на резервуаре нужен толковый руководитель работ. Второе вернее. Ружников в эти последние дни — комиссар. Накормить людей, организовать им ночлег — все Ружников.

— Возьмите у меня в папке бумагу, застелите полки под продукты, — кивает он бригадиру маляров, прибывших два часа назад, и уходит вместе с рабочими разгружать баржу с цементом, и отсюда, от резервуара, я слышу его голос.

На небольшом пятачке вокруг резервуара действуют сейчас шесть различных организаций. Видимо, поэтому вовремя не закончили обваловку, видимо, поэтому здесь остались без нужной техники, и только сегодня, 7 июня, появились веселая лодка и катера. Комиссар здесь просто необходим. До сегодняшнего дня водную преграду от незатопленного клочка берега, где пришвартован лихтер, приспособленный для жилья, до резервуара люди преодолевали на тракторе-болотнике. Сварщики в 8 вечера закончили на резервуаре последний шов. До 12 сидели перед водной преградой: не было лодки. Лихтер приспособлен для восьми человек, остальных надо возить ночевать на Р-18. Дело это тоже затягивалось до ночи: не было моторок. То ли все так потому, что организаций шесть и каждая считает, что другие должны заботиться о людях, то ли потому, что эти организации в основном тюменские и томская стройка их мало трогает. А люди, не считаясь ни с чем, работают по 12—14 часов.

...Резервуар постепенно теряет свою громоздкость: легкой серебристой краской покрывают его девчата и парни из бригады Николая Цветкова. Вода прибывает, но меньше. На берегу плотники мастерят щиты для приветственных лозунгов. Художник Костя Залозный приготовился нарисовать первую большую букву на резервуаре: «Принимай, страна, томскую нефть!». Через несколько часов начнется заливка нефти в резервуар.

8 июня. Вода подошла к обваловке резервуарной площадки настолько высоко, что самоходка и катер-метчик свободно проходят над трубой от резервуара на причал. Начали — в который уже раз! — дополнительно укреплять дамбу цементом. Это продолжается весь день и часть ночи. Нет рангов, званий. Рядом с монтажниками, строителями кидают землю, носят цемент секретари райкома партии, заместитель главного инженера главка, начальник отдела добычи нефти главка, главный инженер управления, зав. промыслом. Посмотрели отметку. Вода прибывала на тридцать сантиметров.

В 5 вечера девчата-маляры из бригады Николая Цветкова кладут последний мазок краски на резервуар. Через несколько минут монтажники доваривают укрепление грозозащиты, ставят смотровые люки и предохранительный клапан. Резервуар готов. В это же время операторы закончили проверку всех нефтесборных линий. Этими работами руководит инженер промысла Риф Исламович Смаков.

В 5 час. 30 мин. по трубопроводам до концевой сепарационной установки пущена нефть.

6 час. 30 мин. Устранены незначительные дефекты.

В 7 час. 45 мин. нефть стала заполнять резервуар. Кажется, всем можно вздохнуть и поздравить друг друга с началом промышленной эксплуатации... Беда! Коллектор длиной в 500 метров всплыл на быстрине около резервуарного парка. Будь это при нормальной воде, они — трубы — лежали бы на земле. Теперь трубы всплыли, угрожая сорвать крепежные болты. Тогда нефть пойдет не в резервуар, а в воду.

8 час. 00 мин. Начало аварийных работ. В ход идут фланцы, задвижки, трубы — все тяжелое, все, что имеет вес.

Грузы эти подвозит катер-метчик, дальше они совершают свой путь на плечах людей. Строители по пояс, по грудь в воде. Идут вдоль трубы, навешивая на нее тяжести. Одна рука занята: держится за трубу. Если не держаться — унесет. Так продолжается до трех ночи. Наконец труба опускается 9 июня. Уже 9 июня. Вода поднялась еще на 16 сантиметров. Резервуар заполняется нефтью.

10 июня. Все пока спокойно, хотя вода продолжает прибывать. Люди вывезены с восемнадцатой скважины, там все затопило, устраиваются в трюме лихтера, получают обед, спальные мешки, одежду.

13 час. 30 мин. Прорвало обваловку. За 10 секунд вся резервуарная площадка под водой. Вот как это произошло. Видимо, в основание дамбы попала еще весной глыба спрессованного, облепленного землей снега. От воды снег растворился, и часть обваловки осела. Вода ринулась в узкое отверстие и через секунду-другую расшвыряла несколько метров дамбы. Через десять секунд резервуарная площадка была под водой. К счастью, никого из людей на площадке не было. Спасти дамбу они не успели бы все равно, а несчастный случай мог произойти.

Приятного мало, конечно, хотя сейчас прорыв дамбы уже не имеет решающего значения. Резервуар заполнен метра на четыре, а это около пяти-шести тонн. Теперь не всплывет, нужно только смотреть за его основанием и проверять трубы. Из Колпашева и Нижне-Вартовска вылетели водолазы.

11 июня. Дождь. Сильный ветер. Так же холодно, как вчера и позавчера. В 8 утра в резервуаре 750 тонн, к вечеру, вероятно, перейдет за тысячу. Н. Ф. Мережа дал телеграммы в Тюмень, в главк, в Томск, в пароходство:

«ТОМСК. РЕЧНОЕ ПАРОХОДСТВО. ФРЕЙДИ-НУ. Прошу судно под первую томскую нефть подать к причалу сборного пункта Старицы 13 июня в 6 часов томского времени».

«ТЮМЕНЬ НАЧАЛЬНИКУ «ГЛАВТЮМЕНЬ-НЕФТЕГАЗ» МУРАВЛЕНКО.

Отправка первого судна с нефтью Советско-Сосниско-Медведевского месторождения назначена 13 июня 1966 года.

Прошу прибыть на налив нефти».

13 июня. Оператор по добыче нефти П. Молчанов несколько раз поворачивает штурвал. Все прикипают к шлангу. Корреспонденты радио и телевидения приставляют к шлангу микрофоны. Сейчас им нужен только один голос, голос нефти. Около шланга на барже группа рабочих.

— Пошла-а-а!..

— Ух ты, идет!..

— Сладкая-то какая!..

Это случилось 13 июня 1966 года, точно в 18 часов.

С. ВЫГОН, Александровск

НЕИЗВЕСТНОЕ ПОСЛАНИЕ УРАЛЬСКИХ РАБОЧИХ ПИСАТЕЛЮ А. СЕРАФИМОВИЧУ

Первый Пермский губернский съезд рабочих и солдатских депутатов, открывшийся 16 декабря 1917 года, знаменит тем, что его участники большинством голосов решили взять власть на Урале в свои руки. Среди многих резолюций съезда о неотложных делах холодного, голодного года лишь одна кажется не совсем обычной. Это решение съезда направить писателю А. Серафимовичу в Москву послание.

Зачем послание? И почему Серафимовичу?

На съезде один из депутатов упомянул в своем выступлении, что буржуазное Литературное общество в Москве изгнало с собрания и исключило из своих членов Александра Серафимовича. Причиной для этого послужило участие писателя в работе большевистских газет.

А как раз накануне открытия губернского съезда пермская большевистская газета «Пролетарское знамя» в номере за 14 декабря 1917 года тоже напечатала рассказ-быль Серафимовича «Как он умирал». В нем повествовалось о тяжелой судьбе солдата Ивана Науменко — сторожевого в царском имении Ливадия в Крыму. Правдивый рассказ, разоблачающий порядки старой армии, очень пригодился для пропагандистской работы большевикам Перми. Военный гарнизон города насчитывал тогда десятки тысяч солдат.

Вот почему, как только на съезде узнали об исключении писателя, депутаты решили немедленно выразить Серафимовичу свою поддержку. В тот же день было составлено и отправлено в Москву послание, единодушно принятое съездом Советов рабочих и солдатских депутатов Урала.

Но случилось так, что долгое время история этого послания, как и его содержание, не были известны широкому кругу читателей. И вот почему. Пермская большевистская газета «Пролетарское знамя», поместившая подробный отчет о съезде, не привела текста самого послания. Возможно из-за того, что газета была слиш-

ком перегружена другими материалами со съезда. Текст послания удалось найти в другой большевистской газете «Уральский рабочий» (в номере за 22 декабря 1917 года), издававшейся в Екатеринбурге. Но и здесь посланию не очень повезло. Оно напечатано без каких-либо комментариев. Поэтому история появления послания для большинства читателей газеты была не очень понятной.

Вот сокращенный текст послания:

«Товарищу А. Серафимовичу от пролетариата Урала.

Собрание писателей исключило Вас из своей среды за участие в пролетарской газете «Известия Московского Совета рабочих и солдатских депутатов». Народолюбивые писатели не исключают тех своих братьев, которые украшают своими произведениями продажную буржуазную печать вроде «Русского слова» или «Утра России»...

При таких условиях Вы имеете право гордиться, что Вас извергли из своей среды озлобленные враги пролетариата и тем самым засвидетельствовали вашу верность пролетарскому делу.

Губернский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов Пермской губернии, объединяющий 417000 пролетариев Урала, шлет Вам товарищеский привет, а писателям, обратившим свои таланты против народа, — глубокое презрение.

Мы рады, что в огне величайшей гражданской войны испепелились маски народолюбия, скрывшие подлинный облик господ литераторов, сделавших себе карьеру на жалостливом изображении «бедного народа».

Лучше открытые враги, чем мнимые лицемерные друзья, покидающие народ в самые тяжелые минуты его жизни.

Привет друзьям народа, остающимся на славном посту в дни тяжелой борьбы за освобождение!»

Александр НИКИТИН

СЛЕДО- ПЫТСКИЕ ДЕЛА

В 1919 году в башкирскую деревню Камеево из Бирска и Уфы приехали большевики. Они рассказали крестьянам, какая со-
здавалась политическая обстановка в стране, какая нужна помощь молодой республике. В ответ на это жители деревни собрали 200 подвод хлеба и отправили его голодающему Петро-
граду. Обоз вел начальник продотря-
да Эшкозы Бикамсович Бикамсов. Об этом событии он сам рассказал сле-
допытам местной школы.

Эшкозы Бикамсович сейчас пен-
сионер, живет, как и прежде, в род-
ной деревне.

Интересный материал собрали ре-
бята и о первомайских субботниках в
Мишкинском районе, когда под руко-
водством партячейки крестьяне на
своих лошадях обработали 135 гекта-
ров земли семей красноармейцев, во-
евавших на фронтах гражданской
войны. А стенд «Народ принимает ле-
нинский декрет» рассказывает о том,
как в деревне Камеево была органи-
зована в 1921 году сельхозартель
«Шабан».

К ремневый наконечник стрелы, грубо обрабо-
танный каменный нож, несколько украшений из ко-
сти нашли юные археологи Ленинграда совсем
близко от города. Особый интерес вызвал наконечник
стрелы. Он гораздо больше, чем наконечники, обнару-
женные при других раскопках. Это позволяет предпо-
ложить, что люди, чью стоянку открыли следопыты, охо-
тились на крупных зверей.

Ученые ленинградского отделения института археоло-
гии Академии наук СССР отнесли находки ребят ко
второму тысячелетию до нашей эры.

П о местам боев
Верхнекамск о го
полка Особой ди-
визии совершили поход
следопыты производст-
венно-технического учи-
лища — 51 Березников.
Они ориентировались в
пути по картам времен
гражданской войны, ко-
торые дал ребятам быв-
ший командир полка
Красных стрелков С. Пи-
чугов.

В юбилейном году все средние и семилетние школы Ниж-
него Тагила принимают участие в составлении календа-
ря-справочника «Знаменательные и памятные даты и со-
бытия в городе за пятьдесят лет». Следопыты 24-й школы пи-
шут сорокалетнюю историю рудника имени III Интернациона-
ла. Ребята собрали летопись поселков Евстюниха, Черемшан-
ка, Пионерский, Красный Камень. А в стенах школы № 1 име-
ни Н. К. Крупской, которая нынче отметит свое 120-летие, от-
крыт музей народного образования Нижнего Тагила. Почти
все экспонаты музея собраны следопытами.

Н есколько лет преподаватели и
студенты Пермского медици-
нского института вели переписку
с Военно-медицинским музеем в
Москве, с бывшими выпускниками —
участниками Великой Отечественной
войны. В прошлом году медики со-
вершили мотопоход по маршруту:
Пермь — Москва — Смоленск —
Брест — Пермь. Следопыты собрали
много интересных материалов для
Музея медицинской славы инсти-
тута.

С емиклассники школы № 5 города Каменска-Уральского
Свердловской области выпустили первый номер руко-
писного альманаха «Огни Урала». В нем несколько
разделов: «Лето», «Из прошлого Урала», «Зимушка-зима»,
«Из конкурсных работ», «Немного об искусстве», «Что мы чи-
таем». Но о чем бы ни писали ребята, — на все у них свой
взгляд, ко всему собственное отношение. Вот, например, от-
рывок из зимнего этюда Тани Бураковой.

«Зима, какая ты? С красивыми глазами и холодным серд-
цем? А может быть, только с холодными руками и теплым серд-
цем? Ты такая порывистая, — сразу не узнаешь! То ты улы-
баешься, щуря свои глаза с мохнатыми ресницами, то хмуришь
брови и смотришь сурово, холодно... Почему говорят: «За одно
лето пять зим отдал бы»? Неужели есть люди, которые не лю-
бят зиму с ее мудреными узорами на стекле, с ее меховыми
шубами на деревьях и крышах?..»

Альманах оформлен с большой любовью. Тут снимки го-
рода, исторических уральских памятников, пейзажные фото-
графии и выразительно выполненные рисунки. Все это делали
сами ребята.

К 50-летию Великого Октября следопыты готовят новый
специальный выпуск альманаха.

КОМСОМОЛЬСКИЙ БИЛЕТ

№ 22460467

«Что вы знаете о нем?» — так называлась заметка научного сотрудника Курганского областного государственного архива М. Мозина, напечатанная в газете «Молодой ленинец».

«Мы не знаем, как выглядел этот молодой воин,— писал автор,— был ли он светло-русый и голубоглазым или brunетом с волной непокорных кудрей. Нам известно только, что в боях на Одере в начале 1945 года осколок вражеского снаряда

пробил его сердце. В Курганском областном архиве хранится фотокопия комсомольского билета № 22460467. Посредине видна рваная пробоина...

Владелец билета Анашкин Александр Михайлович родился в 1925 году в городе Катайске. Отсюда он в марте 1943 года ушел добровольцем в действующую армию.

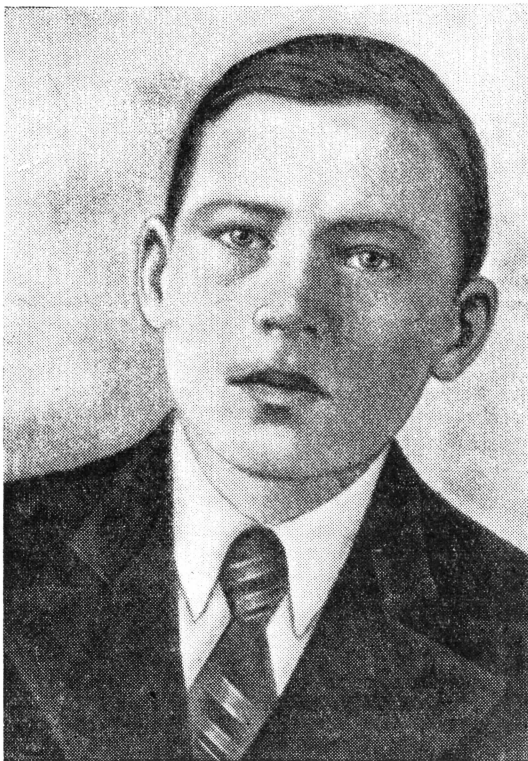
Некоторые сведения о боевой жизни восемнадцатилетнего воина сообщает капитан Чайников — помощник начальника политотдела по работе среди комсомольцев военной части, где служил Александр. В октябре 1944 года рядовой Анашкин вступил в ряды ленинского комсомола. А боевое крещение получил в боях за Шауляй. Будучи связным, он несколько суток под ураганным огнем противника обеспечивал бесперебойную связь полка со своей батареей, вместе с которой прошел по тылам противника от Вислы до Одера. В ходе войны он овладел специальностью радиста. При прорыве обороны противника на Одере, в труднейших условиях, связь на участке Александра действовала безотказно. Отважный связист был награжден орденом Красной Звезды и медалью «За отвагу».

Но Александру Анашкину не суждено было дойти до Берлина. В боях под городом Зеелов он был убит осколком вражеского снаряда. Пробитый комсомольский билет, как святыня, остался навечно в части, где служил герой.

Вероятно, на родине у Александра остались родные и близкие люди. Мы обращаемся к ним с просьбой дополнить облик скромного воина, отдавшего свою жизнь ради спасения Родины. Расскажите нам о нем».

И юные следопыты Катайского Дома пионеров отправились в поиск. На улице Матросова они разыскали дом № 27, где проживает восьмидесятидвухлетняя мать героя Мария Евгеньевна Анашкина. И вот что она рассказала следопытам:

Александр Анашкин.

Над портретом сына.

Фото В. Тверитина.

— Семья у нас была большая, семь человек, и один одного меньше. Саша рано начал работать. Летом в колхозе трудится, а с осени — в школу ходит. Бывало, прибежит зимой из школы: стук-стук по полу в мерзлых сапогах.

— Опять пимы не надел? Разувайся скорее, — говорю, — на печку полезай!

А он:

— Ничего, сегодня тепло, мама. Пимы пусть сестренка носит, она меньше. А мне и в кожаных сапогах хорошо.

— Ох, Саша, Саша... — сокрушаюсь я, а он улыбается:

— Ты лучше в дневник посмотри.

Открою дневник, а там одни пятерки. Старательный был, скромный.

Кончил пять классов, пошел на курсы трактористов:

— Помогать надо, доучусь потом.

Жить стало лучше, но тут началась война...

Я попросила Сашу, чтоб фотокарточку прислал в военной форме, а он мне пишет: «Зачем военную? Вот до Берлина дойдем, и домой вернусь с победой. Тогда с тобой и сфотографируюсь, мама!»

Война кончилась. Со всеми вместе радуюсь и я. И вдруг... похоронная. Как же так? Ведь война кончилась!

Нет, не поверила я, и до сих пор не верится, что он никогда не вернется ко мне. Как сейчас вижу его, коренастого, русоголового, голубоглазого моего милого сыночка...

А. ШАХОВ

СЛЕДО- ПЫТСКИЕ ДЕЛА

Это был один из первых походов. Ребята Ромашкинской школы шли вдоль оврага. В обвалившейся глыбе земли они обнаружили несколько каменных бусинок. Осмотрели место повнимательней и обнаружили древнее погребение. Тут были клочки грубой ткани, две серебряные монетки, бронзовый браслет, стеклянные и бронзовые бусы. Всего 117 различных предметов.

Находку следопыты передали в оренбургский областной краеведческий музей.

Десять лет создавался краеведческий музей в Новоорской восьмилетней школе Гайского района.

За это время ребята открыли стоянку древних скотоводов, собрали дореволюционные орудия труда крестьянина-бедняка, предметы его быта. Нынче музей пополнился интересными материалами об известных героях гражданской войны в Оренбуржье, о земляках — участниках Великой Отечественной войны.

Следопыты 20-й школы Оренбурга помогли геологам вести разведку полезных ископаемых на землях Адамовского и Светлинского районов. Ребята обнаружили крупные залежи асбеста. Геологические исследования следопытов отмечены почетной грамотой ЦК ВЛКСМ.

«Подтверждаю, что действительно... на участок фронта, занимаемого войсками 16-й армии, которыми в то время я командовал, прибыл отряд добровольцев, сформированный из числа работников милиции города Москвы.

По сведениям, поступавшим в армию, отряд, находясь в тылу врага до 28 апреля 1942 года, действовал успешно.

**Зам. министра Обороны СССР,
Маршал Советского Союза К. Рокоссовский».**

Первый раз Катин увидел живого немца при обстоятельствах необычных, буквально лицом к лицу: каких-нибудь два вершка отделяли Катина от сплющенного носа фашиста. Печь в доме не топилась наверное с того дня, как отсюда бежали хозяева, и потому оконные стекла были прозрачны. Минуту назад Катин, вслушиваясь в удаляющийся гул и лязг танков и осторожно выглядывая в окно на улицу, думал, что опасность миновала. Может быть поэтому он и не услышал, не почувствовал шороха за окном. Так и возникла перед пулеметчиком Катиным эта сплюснутая, но тотчас отпрянувшая, искаженная ужасом, гладко выбритая физиономия какого-то обер-а в кожаном черном офицерском пальто с белыми отворотами. В следующую секунду зазвенело стекло, и в комнату, где притаилась кучка бойцов, влетела, потрескивая и дымя запалом, ручная граната...

...Катин никогда бы раньше не подумал, что на эту войну ему придется ехать в автобусе. Он, старший сержант милиции, помощник оперуполномоченного МУРа, все эти тревожные летние месяцы сорок первого года просился на фронт. Ему отказывали, как и многим другим работникам милицеских служб. А враг уже докатился до Москвы. Настал день, когда Катин отправил в эвакуацию жену Марию Тимофеевну с шестимесячным сыном Валеркой.

В начале октября Катина вызвали и спросили, готов ли он пойти на выполнение особо важного задания. Вызывали и других сотрудников.

Отряд подбирали расчетливо. Были в нем и минеры, и подрывники, и разведчики, и группа прикрытия. Получили оружие, одежду, продукты и шелковые квадратики материи с паролем.

В обычный, с мелким летучим снежком октябрьский день от здания Управления московской милиции, что на Петровке, 38, отошел обычный автобус. Только маршрут был необычный — прямо к линии фронта.

А через неделю Москва была объявлена на осадном положении.

Дня четыре назад отряд, человек в тридцать, перешел линию фронта в районе Волоколамского шоссе, направляясь за Истру. Провожатый из Особого отдела 16-й армии довел их до леса, остановился. Сказал, сбиваясь на украинский говор:

А. МУРЗИН

О черн

Рисунки

Ю. Григорьева

— Ну, вот же ж вин и фронт. Три години от Москвы. Там, за лисом, нимци...

Сердце Катина стучало гулко и часто. Он со щемлящим чувством глядел на человека, который оставался здесь, на нашей еще земле. Прощались по-братски, молча. Дальше, за чертой почерневшего от осенних дождей, зазеленелого теперь краснотала лежала нейтральная зона, еще дальше — вражеский тыл, тревожный и неизвестный.

Цепочка партизан-новичков двинулась в лес. Двое суток провели в мокром лесу. Ночью шли, а днем отдыхали, спали на холодной земле, на ветках. Вражеские части сплошным потоком двигались навстречу, на восток. Катин впервые видел так много техники. Вдоль дорог все гремело, гудело, рычало, воздух был пропитан сизой бензиновой гарью. Звучала отрывистая немецкая речь. Потом стали попадаться пустые сожженные деревни с одними печными трубами. На пепелищах выли собаки.

На четвертый или пятый день командир отряда Колесов решил войти в одну из деревень, чтобы обогреть и накормить бойцов. Выслали разведчиков. Они вернулись и доложили, что деревня пуста.

Колесов с группой партизан занял один из двух уцелевших домов, в другой вошли остальные во главе с комиссаром Немцовым. Расположились прямо на полу. Через минуту кто-то уже вошел у печки, кто-то нес воду, другие развязывали мешки. Балагурил Саша Овечкин, пытаясь приспособить для варки мясного брикета ржавый, найденный под печкой угольный таз.

И вдруг издалека донесся гул моторов. В деревню с противоположной, сожженной ее стороны входила, видимо, резервная немецкая танковая часть. За ней двигались семитонные «мерседесы». Сердце Петра Катина бешено заколотилось. Ввязываться в бой с такими силами нечего было и думать. Только бы не заметили...

Колонна проследовала мимо. Петр вытер холодный пот и хотел уже было доложить комиссару, что немцы прошли, когда вдруг в окне неожиданно возникло лицо фашиста. Видно, гитлеровцы все же что-то заподозрили, и группа солдат с офицером вернулась осмотреть дом.

В то мгновение, когда граната коснулась пола, фашист, бросивший ее, уже был мертв: Немцов застрелил его в упор. Затем он схватил гранату и выбросил обратно в разбитое окно. Закричал что есть мочи, чтобы услышали в группе командира:

— Принимаем бой! Отходить мелкими группами!.. Сбор в лесу, на северной окраине!..

Партизаны прыгали в окна, выскакивали в двери. Стреляя по машинам, полным вражеских солдат, залегали за сараями, за черными обожженными срубками, за плетнями. Фашисты тоже прыгали с машин в мезиво из снега и грязи, разбегались, наскоро занимая оборону. В несколько секунд их машины опустели, и тотчас раздалась команда Немцова: открывать огонь лишь в том случае, если гитлеровцы пойдут в атаку.

Но немцы атаки не предпринимали. Они залегли, чего-то, видимо, ожидая и даже как будто не обращая внимания на корчившихся в желтом снегу раненых. И тут Колесов заметил, как уже за деревней, на взгорке, разворачивается последний, хвостовой танк. Фашисты рассудили верно: не рисковать отборной частью, идущей на фронт, а ударить по партизанам из орудий: два-три выстрела — и все будет кончено.

Только теперь Колесов дал команду бросать дымовые шашки и отходить в лес. В первые минуты боя отряд выкосил десятка два фашистов. Теперь партизаны скрылись в дыму, и танк мог бить по их позиции и домам только вслепую или идти в обход по ломкой, не замерзшей еще пашне. На стылую, не схваченную глубокой мерзлотой, землю падал хлопьями снег. Длуо секущий холодный ветер. Партизаны уходили огородами в лес. Их прикрывали пулеметчики.

Катин стрелял короткими очередями и опорожнил уже второй диск. В горле першило, глаза разъедало дымом. Петр почти физически ощущал, как в висках, во всем теле шумела кровь. Он ничего не видел ни впереди, ни сзади, только по временам чувствовал, что пора уходить: наверное свои уже достигли леса. И тут он заметил в редющем желто-зеленом дыму танк. Петр не успел даже крикнуть, он только бросил навстречу танку последнюю дымовую шашку, но и это было уже ни к чему: снаряд, выпущенный из танкового орудия, взорвался внутри дома, в котором находился командир с двумя бойцами...

Катин, Овечкин и их вторые номера Бибикив и Семенов уже были далеко от места боя, когда другой немецкий снаряд угодил и во второй, уже оставленный партизанами дом. Добравшись до опушки, они бежали долго, скользя и падая, разрывая одежду на лесных поторчицах, таща на плечах тяжелые пулеметы.

Быстро сгустились сумерки. Всю ночь партизаны лежали в снегу, забившись в ямы и овражки, и всю ночь по соснам и елям били немецкие минометы. Взлетали черные комья земли, сыпались срезанные осколками ветви, а сверху, укрывая землю и людей, падал и падал хлопьями снег подмосковной зимы сорок первого года.

* * *

Наши войска все еще отходили. В странном положении оказался отряд. Зброшенный в тыл, он должен был, как предполагалось, идти на запад, действуя в тылу отступающих немецких частей, нанося им удары в спину. Но отряд шел на восток, вслед за сжимающими подкову вокруг Москвы фашистскими войсками. И идти уже, собственно, было некуда: Москва вот она! Уже попадались деревни, речки, знакомые лесочки, куда по воскресеньям выезжали, бывало, на рыбалку, за грибами.

В лесу сидели мрачные, продрогшие. Из низких темных туч сыпало колючей крупой. Начинались настоящие холода. Скоро ударят и морозы. Но больше тревожила гнетущая, не военная тишина. Где же немцы, где фронт? На позывные почему-то никто не отвечал. Кончались запасы продовольствия.

Устроили засаду на лесной дороге. Первая добыча однако оказалась не из завидных: пять подвод да три убитых фрица. В развальных нашли продукты и розовый порошковый спирт. Долго не решались вскрывать консервы. Но голод — не тетка. Подкрепившись и захватив консервов про запас, двинулись дальше — назад, в сторону Москвы.

Однажды ночью вошли в какую-то деревушку. Одинокий старик сидел у фитилька в уцелевшей избе.

— А никого тут нет,— сказал он.— Бой большой был пятидневку назад, а люди еще раньше кто куда ушли.

— Немцы были?

— Денька три побыли, потом ушли. Они тут

по лесам все стреляли, искали кого-то. Да вот мне Настя вчера ска- зывала: повесили они в соседней деревне дво- их. Я было туда, к На- сте, собрался, сноха она мне, да боюсь: гарнизон там у них, говорит, сто- ит. А тут никого нет. Приехал какой-то офи- цер ихний, покричал, на машины всех своих уса- дил и укатили. К Москве, должно,— махнул ста- рик рукой на восток.— Может, уж смотреть ее, матушку нашу, поехали, а?..

— Ты, дед, про себя такие слова держи,— оборвал старика комис- сар.— Где та деревня?

— Версты три, вон как за селпо идти. Да вы не вздумайте туда. Не ровен час, поймают. Лю- туют шибко. Приказы у них развешаны...

Вдруг на крыльце за- топали, завозились, скрипнули половицы в сенцах, и дозорный Ев- гений Потапьев ввел в избу перепуганную жен- щину. Старик так и ах- нул:

— Настя?! Ты эт-то как? Откель?..

Настя заплакала.

— Ой, ро-о-дненькие, страшно-то как с ними! Третьево дни столкали нас к амбару и прина- родно повесили двух председателей — колхо- за и сельсовета. Сни- мать не велят, качаются они там уже третью ночь. А теперь, чую, вроде уходить собра- лись. Состирать все ис- поднее велели, а к утру баню топить наказали.

— Сколько их?

— Двенадцать на всю деревню и все — в моей избе. А вчера бить меня принялись. Началь- ник ихний наганом грозился. Почудилось ему, будто я в чугунок плюнула...

— А как же ты сейчас-то ушла? — спросил Немцов.

— Так дрова, говорю, чтоб баню-то топить, рубить некому. Пойду, мол, отца-старика позову. Мальчонка мой вроде как в залог остался...

— Вот что, Настя. Может, мы сейчас их на- кроем? — оживился командир. Но тут же спохва- тился, увидев, как побелело, задрожало в страхе лицо женщины.— Извини... Не подумал, что сы- нишка у тебя там. Ну, тогда вот что. Делайте все, как ни в чем не бывало. А мальчонку утром, когда они в баню пойдут, отправьте куда-нибудь по- дальше, хоть в лес, что ли. Как мы дадим сигнал, прячьтесь сами.

...К рассвету партизаны уже изрядно продрог- ли, лежа в снегу под плетнями на огородах. Жда- ли долго. Сначала в баню протопали два немца — наверное, ночные дозорные. Потом эти двое вы- шли и встали с автоматами у ворот и крыльца. И тут остальные немцы повалили в баню гурьбой, без кителей, в белых нательных рубахах. Выждав еще несколько минут, партизаны ударили из ав- томатов по часовым. Макар Перцев и Всеволод Се- менов бросились к дому, остальные стали бить из автоматов по закрытой двери баньки и тусклым ее оконцам. Убитых немцев и всю их амуницию бросили в предбанник, облили стены керосином и подожгли.

— Ну, бревна у баньки сухие, один пепел останется,— сказал удовлетворенно Немцов, видя беспокойство сгрудившихся вокруг сельчан, Насти и старика.— Если каратели придут, скажете, что были, мол, ваши да ушли. Никаких следов от них теперь в деревне нету. Живите спокойно.

Потом партизаны сняли с виселицы повешенных. Вырыли на окраине неглубокую могилу, засыпали трупы землей и снегом. Постояли, обнажив головы.

Уже у самого леса их догнала Настя. В мешковине она несла килограмма четыре свинины: как-им-то чудом сберегла от фашистов.

Они шли еще несколько дней. Выломали в одном месте рельсу, на железной дороге Москва — Волоколамск. В небольшой деревушке неожиданно взяли, напад на гарнизон, двух пленных. Хлопот прибавилось: пришлось тащить пленных по снегу на волокушах — как-никак языки все же! Вот только кому их сдать? Немцы попались настоящие, самоуверенные. Они требовательно кричали с волокуш:

— Эй, рус! Вы будет наш пленный. Москва унзер!

Катин, напрягая могучие плечи, обливаясь потом и ощущая голодную тошноту в желудке, отвечал:

— Я те вот прикладом, в случае чего. Унзер! Даже пулю на тебя тратить не стану. Ты глян, бесстыжий какой! Он же меня и в плен собирает к брату! — и, тараща бешеные глаза, наклоняясь к немцу, тихо хрипел сквозь зубы: — Москва — я! Я — понял? Ты — унзер, а не Москва, гад, мышь вонючая! Ты у меня тут в снегу заколеешь, тевтон проклятый, прости господи!

— К бо-о-ю! — услышал он вдруг напряженный, осиплый голос командира. И тотчас увидел будто из-под земли возникших всадников, услышал храп и фыркание лошадей. Партизаны мгновенно попадали в сугробы и заняли круговую оборону.

— Кто такие? — раздалось из глубины леса по-русски.

А через минуту конники уже спешились, и партизаны тискали их в объятиях. Это была часть из корпуса Доваторова.

Немцов подошел к пленному, поднес к самому его носу кукиш:

— Вот тебе «унзер Москва»! Ауфвидерзеен, ясно?

Доваторовцы однако сообщили, что бои идут уже на подступах к Крюкову и Нахабино. На юге и севере положение столь же тяжелое. Но Москва живет. Утром ожидается мощный удар наших войск у поселка Ленино. Немцы наверняка отступят.

— Мы ударим по ним кавалерией, — сказал командир конников Немцову, — погоним к лесу. И тут хорошо бы вам встретить их огнемком...

Наконец-то предстояло крупное дело!

Конники пополнили запасы отряда патронами, гранатами, забрали с собой пленных и попрощались с партизанами.

* * *

Катин провел мучительную, в тяжелых раздумьях ночь на окраине леса. Где-то впереди, не умолкая, глухо гудел фронт. Вдали, за полем, лежал поселок Ленино... Какой-нибудь месяц назад они проезжали его на автобусе, направляясь к переездовой. А весной вон туда, на Гучковский кирпичный завод, с шофером Сашей Овечкиным Катин ездил на оперативное задание. Интересное, запутанное было дело, да не удалось довести до конца. Вот теперь Овечкин тоже лежит с пулеметом у другого края леса, ждет.

Утром вдали загремело, заухало, сплошные разрывы снарядов слились в одну огненную линию, над которой повисла черная завеса земли...

2*

В несколько минут все было кончено. Сотни полторы немцев, вышедших из боя, попали под неожиданную атаку кавалерии. Отбегая к лесу, где лежали партизаны, и ничего не подозревая, немцы лихорадочно отстреливались от конников, держа автоматы под мышкой, дулами назад. И тут партизаны открыли по ним лобовой огонь!

Потом была страшная, холодная ночь. Оказалось, что немцы подтянули откуда-то резервы и начали укрепляться в том самом лесу, где находился отряд. Дороги назад не было, впереди лежало поле, усеянное трупами гитлеровцев и лошадей. Там, за полем, были наши. Но как к ним пройти? Все пространство хорошо простреливается. Пришлось ползком, по лесной кромке пробираться к разбитым цехам кирпичного завода.

Всю ночь просидели в нейтральной зоне, в огромных, холодных заводских печах, освещаемых ракетами с той и с другой стороны.

* * *

...Бой в Горюнах — теперь эта деревня называется Анино — запомнил Катину во всех подробностях. Врезалась в память и дата — девятнадцатое декабря: в этот день в другом бою, у деревни Палашкино, погиб Доватор.

Пройдя по заросшей кустарником долине, отряд расположился на окраине деревни длинной цепью, прямо в снегу. В разведку вызвались трое: Овечкин, Перцев и Жуков.

Ползли, зарываясь в сугробы до самой земли. Белые халаты, капюшоны. Даже автоматы обмотаны белыми бинтами. Двигались медленно, без рывков, изредка высовывая из снега лица — хлебнуть воздуха.

Две машины с радиостанцией и десятка два солдат возле них были обнаружены сразу в конце улицы. Ползти туда метров триста. Вернуться? Напасть всем отрядом? Но, может, в домах сидят еще немцы, и тогда сорвется все дело.

Фашисты глядели, приставив ладони ко лбу козырьком, куда-то за деревню, на взгорье. Когда до машин оставалось метров тридцать, над головой Овечкина что-то треснуло, огнем обожгло плечо, ногу. Рядом рухнула береза. Овечкин поднялся на колени, и из-за обрубка березового ствола заговорил его автомат. Стрелял, пока не опустел диск. Падали, зарываясь в сугробы, немцы. Вот уже возле машин заухали взрывы. Это Перцев и Жуков, поднявшись в рост, метали гранаты...

Партизаны из засады бросились в атаку. Катин прорвался к машинам, но теперь туда били немецкие минометы. Ничего не понимая, Катин метнулся в сторону, упал между двумя убитыми фашистами и стал стрелять вдоль улицы, по домам, из которых выбегали вражеские солдаты. Кончился диск, Катин потянулся за новым к тяжелораненому Бибикову...

Бой затих примерно через час. А еще через час в Горюны вошли танки Гусева. Полковник, глядя на заваленную трупами улицу, опрокинутые машины, разбитый штаб стоявший в деревне части, обнимал разведчиков, говорил:

— Вот они, Горюны-то! Ключ к Волоколамскому шоссе. Тут до вас, ребята, рота панфиловцев стояла. Захватила эту деревню и четверо суток на замке держала шоссе, не пускала их на Москву. А теперь вот вы. Спасибо, от всей танковой братии нашей спасибо!

* * *

Наступление развивалось. Двадцатого декабря был взят Волоколамск. Но велики ли силы врага там, на рубеже рек Ламы и Рузы? Какие

замыслы у немецкого командования? Удастся ли с ходу опрокинуть новую линию обороны врага?

Отряду было передано новое задание Особого отдела армии: добыть «языка», непременно офицера.

— Непременно офицера! — повторил связной, пришедший от Шилина.

Решено было разбиться на группы, идти в ночной поиск вдоль Рузы (немцы стояли за рекой), высмотреть подходящее место для осуществления операции. У деревни Захряпино, за речкой, всю ночь поднимались ракеты, а перед самым рассветом партизаны видели, как у дальнего стога на крутом берегу сменился патруль во главе с офицером.

День пролежали в снегу на опушке леса, наблюдая за противником. Деревня казалась вымершей, только в одном из дворов несколько немецких солдат кололи дрова.

Патрули в этот день больше не появлялись, но за стогом разведчики заметили в бинокль какое-то движение. Там у немцев явно был наблюдательный пункт: оттуда открывался хороший обзор нашего левого пологого берега. Лес от реки отделяла полоса метров в четыреста, но преодолеть ее было не так-то просто, и если бы не торчащие из снега, у самой реки, похожие на скворешни деревянные трубы овощехранилища... Короче говоря, это овощехранилище должно было сыграть решающую роль в задуманной операции.

К вечеру началась вьюга. Когда совсем стемнело, в деревне начали рваться редкие наши снаряды. Яростно работая локтями, разведчики поползли. Гитлеровцы почти непрерывно освещали речную полосу ракетами, а временами открывали минометный огонь. Загорелась на том берегу старая конюшня с сеном. Огромное пламя ярким факелом озарило всю белую ленту Рузы.

Когда конюшня сторела и берег реки на некоторое время погрузился в темноту, разведчики сбросили ватники и устремились к хранилищу. Почти сутки они сидели в холодном, с наростами куржака подвале, в сторожке напряженной тишине. Наверху было относительно спокойно. Лишь в той стороне, где остались на снегу ватники, из-

редка хлопали мины: видимо, немцы обнаружили «разведчиков» и били по ним.

К следующему вечеру закружилась белесая вьюга, наступила кромешная тьма. Пятеро бегом перешли реку, залегли у берега. Впереди было еще метров пятьсот открытого пространства. А там, у кромки леса, ходили немецкие патрули. Два патруля. Они встречались недалеко от стога, мину-другую о чем-то толковали и расходились в стороны. Когда они разошлись в очередной раз, трое — Кузнецов, Овечкин и Катин — двинулись к стогу. Тут и пригодилась Овечкину финка, выданная ему еще там, на Петровке, 38: ею он уложил солдата-связиста. Грузный Катин, оглушив офицера, огромными, крепкими, как клещи, пальцами сдавил фашисту челюсть, а Кузнецов всадил в хрипящий рот тугую кляп.

Теперь осталось только дожидаться патрулей. Их взяли легко, окликнув из стога по-немецки: они двинулись на зов, а Краснобаев с Немцовым налетели сзади.

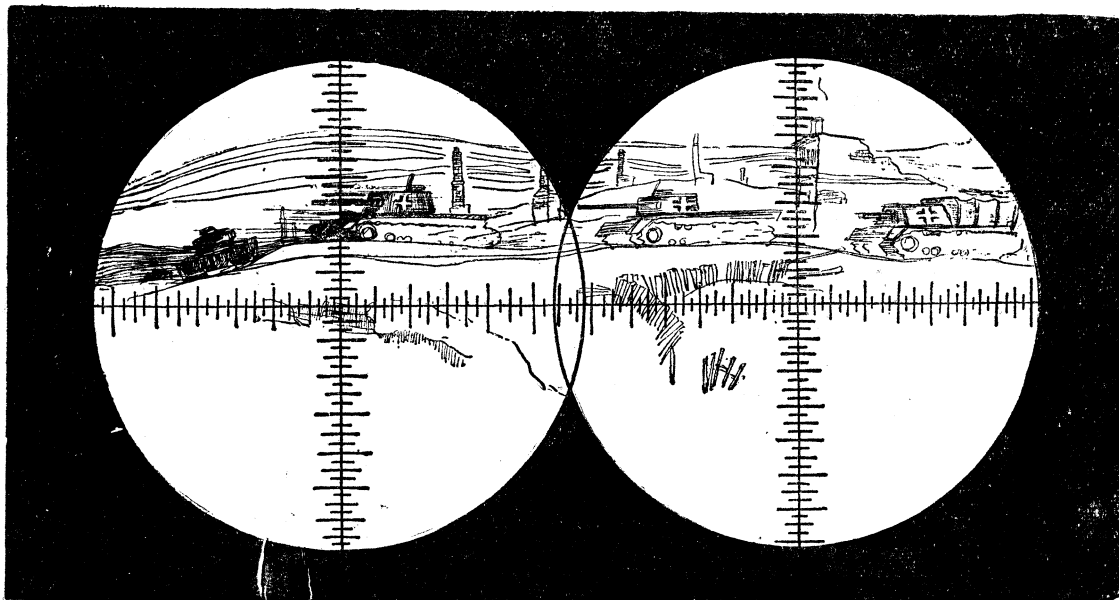
...Когда Шилин благодарил разведчиков за удачную вылазку, никто из пятерых не мог, как положено, встать перед полковником: у бойцов не гнулись оочевенвшие ноги.

Пленный офицер дал такие важные сведения, что разведчики получили сразу две благодарности — по армии и из партизанской ставки от генерала Журавлева. А следом поступил приказ: отряду перейти на Вяземское направление. Наступление наших войск продолжалось.

* * *

Не все они вернулись из этого рейда. В первой же схватке с фашистами пал командир отряда Колесов. А под Вязьмой, в последнем жестоком бою, партизаны потеряли храброго своего комиссара Михаила Немцова. После жесточайших пыток немцы повесили Колю Блохина. Погибли Саранцев, Свидетелев, Гуреев...

Семь месяцев находились московские милиционеры в тылу врага в наиболее опасное для столицы время. Они, мужественные люди, коммунисты, внесли в эту первую решающую победу наших войск свою посильную лепту.

«Уральский рабочий»

7 октября 1917 года

В СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМ СОЮЗЕ РАБОЧЕЙ МОЛОДЕЖИ

26 сентября в депо состоялось собрание рабочих... Рабочая молодежь радушно откликнулась на призыв вступить в члены Союза. На собрании было выбрано бюро.

28 сентября состоялось собрание молодых рабочих станции Екатеринбург-1. На собрании присутствовало 30 человек. Собрание обратилось с приветствием к Союзам рабочей молодежи и вождю рабочего класса В. И. Ленину.

30 сентября на спичечной фабрике Логинова состоялось очередное собрание рабочих и работниц. Был рассмотрен организационный вопрос, потом заслушан доклад «Революция и война». 7 октября на фабрике Логинова открывается школа грамоты для рабочих и работниц. В воскресенье, 8 октября, в 4 часа дня, состоится общее собрание членов Социалистического Союза рабочей молодежи.

15 октября.

Собрание в клубе 124 пехотного запасного полка.

12 октября в клубе 124 пех. зап. полка тов. Хохряков, матрос Балтийского флота, сделал доклад о положении во флоте. После обсуждения была принята следующая резолюция:

Мы, солдаты 124 пех. зап. полка в количестве около 700 чел., приветствуем солдат и матросов, которые героически защищают нашу революцию. Считаем, что в настоящее время вся власть должна перейти к народу, т. е. к Советам рабочих и солдатских депутатов.

22 октября

МИТИНГИ И СОБРАНИЯ. СТАНЦИЯ ЕКАТЕРИНБУРГ-1

Мы, мастерские, служащие и рабочие станции Екатеринбург-1, собравшись на общее собрание, ...требуем немедленной передачи всей земли с инвентарем крестьянским комитетам, рабочего контроля над производством, ...скорейшего прекращения войны, созыва Всероссийского съезда СРС и

КД¹, который должен взять всю верховную власть.

Долой самодержавно - самозванную власть!

Вся власть Советам!

Да здравствует III Интернационал!

Да здравствует социализм!

¹ СРС и КД — Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

25 октября

СОБРАНИЕ ВЕРХ-ИСЕТСКОГО РАЙОНА РСДРП

17 октября состоялось общее собрание членов Верх-Исетского района РСДРП. Обсуждался текущий момент и в связи с ним вопрос о Красной рабочей гвардии. Единственно вынесена следующая резолюция:

Общее собрание Верх-Исетского района РСДРП (большевиков), находя, что настоящий политический момент является решающим в борьбе рабочего класса и беднейшего крестьянства против буржуазии и правительства за мир — народу, за землю — крестьянам, за хлеб — голодающим рабочим, категорически требуем, чтобы Екатеринбургской и Екатеринбургской окружной Советов рабочих и солдатских депутатов немедленно достали оружие и приступили к организации и обучению красной рабочей гвардии.

«Рабочий путь»

МАТРОСЫ — ПЕТРОГРАДСКОМУ СОВЕТУ

В кассу Петроградского Исполнительного Комитета поступило 1500 рублей, собранных в пользу Петроградского Совета матросами крейсера «Аврора». Кроме того, поступают денежные сборы с отдельных заводов и частей.

Товарищи рабочие, солдаты и крестьяне! Готовьтесь к Всероссийскому съезду Советов на 20-е октября! Немедленно созывайте областные съезды Советов!

ГОЛОС ФРОНТА

Мы, солдаты 1-го Сибирского армейского корпуса, во имя укрепления свободы и спасения Родины, постановили:

1. Вся власть — Советам на местах, в тылу и на фронте.

2. Все органы должны быть организованы на основе программы социал-демократов большевиков.

3. Мир без аннексий и контрибуций на основе самоопределения народов должен быть вечным, всеобщим, для чего требуем перемирия на всех фронтах.

4. Все земли: царские, удельные, церковные, монастырские, помещиков... со всеми угодьями и инвентарем, не исключая скота, объявить общенародным достоянием без всякого выкупа...

Н. К. КРУПСКАЯ НА УРАЛЕ

В июньские дни 1964 года, когда молодежь отмечала 40-летие присвоения комсомолу имени Владимира Ильича Ленина, мы в Челябинском Дворце пионеров открыли комнату-музей Надежды Константиновны Крупской. Наши ребята побывали в Москве, Ленинграде, Уфе и узнали, что Надежда Константиновна тысячами нитей была связана с уральцами.

В 1900—1901 годах Надежда Константиновна отбывала ссылку в Уфе. Здесь она встречалась с местными социал-демократами, готовила активистов для «Искры». Мы познакомились с членом партии с 1917 года И. А. Искрой. Он рассказал нам об агенте ленинской газеты в Усть-Катаве Аделаиде Карловне Буре. О ней Крупская писала: «Кроме самой Уфы, работа велась и по заводам. На Усть-Катавском заводе была фельдшерница социал-демократка, которая вела там работу среди рабочих, распространяла там нелегальную популярную литературу...»

Из материалов государственного архива Челябинской области мы узнали, что Надежда Константиновна не прекращала переписку с нашими земляками и после уфимской ссылки, находясь в эмиграции. Агенты «Искры» посылали в газету корреспонденции о положении трудящихся на Южном Урале. В № 38 «Искры» была напечатана статья о златоустовской бойне — мартовском кровавом воскресенье 1903 года. В 41-м номере «Искра» поместила «Обвинительный акт по Златоустовско-

му делу». О расправе царских палачей с рабочими узнала вся страна.

«Еще ни разу в России не убивали в один день такую массу рабочих во славу самодержавия», — отмечала «Искра». Газета подчеркивала, что кровавая бойня в Златоусте — признак нового подъема революционного движения в России. «Первые зарницы приближающейся живительной грозы уже блещут на нашем свинцовом небосклоне, предтечами грозных громовых раскатов раздаются выстрелы златоустовского вооруженного столкновения».

В комнате-музее хранится фотокопия письма Н. К. Крупской 1934 года, в котором она благодарит уральцев за избрание ее членом Челябинского горсовета и обещает держать тесную связь с секцией культуры города.

Боря Воронин в XI томе полного собрания сочинений Н. К. Крупской прочитал письмо преподавателей Челябинской ФЗС № 11. Оно опубликовано с большими сокращениями и без подписей. Ребята решили написать в Институт марксизма-ленинизма Вере Соломоновне Дридзе — личному секретарю Надежды Константиновны. И вот мы получили фотокопию с подписями преподавателей — Проданова, Выползова, Щепиорко.

Оказалось, что когда строился тракторный завод, одновременно шла закладка первой школы на ЧТЗ (она называлась фабрично-заводская семилетка № 11). Открыть ее собирались 8 ноября 1932 года. «Школу на Тракторном сделать лучшей школой Урала», — таков был призыв учителей. Об этом они и сообщали Надежде Константиновне.

Ира Фрост отыскала трех авторов письма, в том числе и Раису Поликарповну Даниленко. Мы узнали, что Даниленко лично вручала Надежде Константиновне письмо.

Очень внимательная к людям, к их просьбам, Крупская ответила учителям Тракторостроя. Она призывала их осуществить мечту В. И. Ленина — через учебу, науку идти

к вершинам коммунизма. Подлинник письма Надежды Константиновны хранится у бывшего директора школы Виктора Николаевича Шульгина. Адрес Шульгина нам найти не удалось. Откликнитесь, Виктор Николаевич!

Вот копия этого письма:
«Педколлективу ФЗС № 11 ЧТЗ. 29/XI-32 г. Дорогие товарищи, получила ваше письмо в конце октября, а отвечаю только сейчас — в конце ноября».

Мои планы — поехать на Урал — пошли прахом. Во-первых, осенью прихворнула немного, в результате все силы куда-то ушли, только теперь пришла немного в себя.

А затем эту осень навалилась куча дела, от которого нельзя было уехать. Первое дело с программами, теперь их рассматривает коллегия — и около этой работы была уйма всяких заседаний, собраний и пр.

Читала описание вашей борьбы за школу с чувством глубокого удовлетворения. Чувствуется, что строится в Челябинске не только промышленный центр, но вместе с тем — и центр культурный, центр социалистический. Без борьбы ничего не дается. Крепко надеюсь, что вам удастся школу на тракторном сделать лучшей школой Урала. Напишите конкретно, чем могу быть вам полезна. Есть ли у вас при школе библиотека?

Привет от меня ребятам школы и родителям-активистам, помогающим школе и школьникам. Их работа очень нужна. А как относится к школе рабочая масса тракторного завода? Как относится правление?

Буду ждать дальнейших писем.

Н. КРУПСКАЯ.

В 1938 году челябинские читатели поделились с Надеждой Константиновной о трудностях в работе библиотеки. Она тут же написала председателю облисполкома, секретарю обкома ВКП(б) и заведующему облоно:

«Ко мне обратились с письмом читатели Областной биб-

На августовском совещании учителей в Перми.

лиотеки (Челябинск, ул. Цвиллинга, 9) с просьбой обратить внимание на тесноту помещения библиотеки, что затрудняет возможность пользования книгой. Создаются большие очереди за книгой, не хватает места в читальном зале (вместает всего 50 чел.), читатели часто получают отказ в книге, так как книги из-за тесноты складываются на полу и найти нужную книгу затруднительно.

Количество читателей возросло уже до 15 тысяч человек. Библиотека не в состоянии обслужить все возрастающие требования населения в книге.

Прошу Вас предоставить библиотеке дополнительное помещение.

О принятых мерах прошу сообщить.

Зам. народного комиссара просвещения РСФСР (Н. Крупская)».

Следопыты решили узнать, что было сделано по письму Крупской. Оказалось, что в Челябинске построили большое здание для библиотеки. Но началась Великая Отечественная война и в нем разместили эвакуированный из Москвы завод. Потом его сменил часовой завод. В 1963 году челябинцы получили великолепный дворец книги — Государственную публичную библиотеку.

В последние годы своей жизни Надежда Константиновна ежедневно получала до трехсот-четырёхсот писем от детей. На конвертах стояло: «Ленинской жене», «Москва, Крупской», «Москва, бабушке Крупской». Ни одно из них она не оставляла без ответа. В нашем музее хранятся письма магнитогорским, шадринским, юрюзанским, уфимским пионерам. Читая их, видишь, какое большое значение Надежда Константиновна придавала обще-

ственной работе пионеров, она подчеркивала, что труд — это источник развития личности, что маленькие дела ребят вливаются в большой поток строительства социализма. Приведем одно из этих писем:

«Западная Сибирская обл., село Шадрино, ШКМ М. Головиной.

Милая Мотя, спасибо за письмо, где ты рассказываешь про школу. Напиши, какое участие принимает ваша школа в посевной кампании. Рассказывали вам что-нибудь о колхозном съезде? Читали ли вы о нем в газетах?

Шлю учащим и учащимся школы горячий привет!

Н. Крупская. 6/III-33 г.»

Совсем недавно следопыты нашли интересный снимок. На фоне Кремлевской стены у временного деревянного Мавзолея — уральская группа делегатов Первого Всесоюзного учительского съезда вместе с Надеждой Константиновной Крупской. Фотографировались 16 января 1925 года. На другой фотографии, подаренной нам А. В. Клепининой, — Надежда Константиновна и Мария Ильинична Ульянова среди участников учительского совещания в Перми в 1928 году.

Нашу комнату-музей имени Н. К. Крупской посетило более сорока пяти тысяч человек. 373 пионерских отряда города и области познакомились с жизнью и деятельностью пламенной революционерки. Около десяти тысяч школьников прослушало беседы о «пионерской главнянке» в школах города.

Ежемесячно в комнате-музее собираются участники экспедиций «Ленинская вахта труда» и «По Ленинским заветам». В ленинские дни здесь принимают в пионеры и комсомол лучших ребят.

26 февраля — день рождения Надежды Константиновны — стал традиционным праздником для школьников города. В этот день ребята рапортуют старым коммунистам и комсомольцам о своих боевых делах, клянутся быть верными заветам Ильича.

Наша большая мечта — заслужить, чтобы к 50-летию Октября Челябинском Дворцу пионеров присвоили имя Надежды Константиновны Крупской.

Следопыты Челябинска.

ЛЮДМИЛА ТАТЬЯНИЧЕВА

Верность

В тихом сквере,
Возле школы новой,
Он стоит —
Бессмертный рядовой.
Стройный и по-воински суровый,
С непокрытой юной головой.
Ходит солнце над высокой рожью.
Облаков чуть движутся плоты...
Девушки приносят из Заволжья
И кладут у ног его цветы.
Он на сверстниц смотрит,
Ожидая
Милую, что снится столько лет...
В знойный полдень женщина седа
Красных маков принесла букет.
Всю страну измерила без мала —
Повидаться с другом дорогим.
И сидит, скорбя, у пьедестала
Милая,
Неузнанная им.

В заповеднике

По заповеднику целый день
Хожу,
Как в детстве, мечтая:
Вдруг выйдет из чащи пятнистый олень,
Ланей промчится стая.
В царстве непуганых птиц и зверей
Такое вполне возможно...
По тропкам, где хаживал Берендей,
Ступаю я осторожно.
Над речкой,
Отлитой из серебра,
Сижу, грустней, чем Аленка...
Не довелось мне увидеть бобра,
Хоть раз взглянуть на лосенка,
Встретиться с туром,
С огневкой-лисой...
Меж тем из сумрака елей
Тысячи глаз с усмешкой незлой
В упор на меня глядели.

* * *

У кустов пообстриженных
Вид мальчишек обиженных:
— Обкарнали нас,
Обесславили,
Даже чубчика не оставили!
Даже чубчика,

24

Даже челочки...
Утешают их
Сестры-елочки:
— Не печальтесь-ка вы, голубчики,
Вам весна вернет
Ваши чубчики!

АЛЕКСЕЙ ЕРАНЦЕВ

* * *

Стень

Где ты, горьких трав избыток,
Удаль горькой старины?
Под раздвоенным копытом,
Под решеткой бороны,
Под железными холстами
Гусеничных тракторов;
В той, пластом накрытой стае,
В том мешке, набитом впрок,
В том, полынном, вздохе ломтя,
В том крыле, сдержавшем взмах,
В тех, с хвостами на отлете,
Мерно скачущих мостах.
В той замедленной гвоздике
Буйство, буйное вдвойне,
Коль нашла просвет в копыте
И окошко в бороне.

Журавли

От осени, где копны да паслен,
Да рыжий лист и ничего такого,
Я белокрылым морем отделен
И цепью горной к палубе прикован.
А без меня ракитничек дрожит,
Бессмертник чахнет и рябины никнут,
Полянка, губы рыжилом сложив,
Мороженую пробует бруснику.
Вздохну — и там, за тридевять полей,
Прольются зерна и примолкнет осень;
Вздохнет она — косынку журавлей
Ко мне холодным выдохом доносит.
Летят, не видят: выряжен пестро!
И покачнутся в синеве устало,
И выронят ненужное перо,
А мне его для крыльев нехватало!

На подполах, наполненных картошкой,
Сидят дома, нахохлены слегка.
За стойлами набычились копейки,
Березовые выгнули рога.
Вдоль озера — каемочка лесная.
Играют гребни в белую войну.
А лодка, красноперая, кося,
Перестригает надвое волну.
Вот-вот по пашне, холодом пропахшей,
Пойдут сугробы белые. Уже
Соломенные шустрые барашки
По черной зяби кинулись к меже.

Ни друга, ни врага...

Безгрешней, чем игумен,
Сильней, чем Геркулес,
От сумерек не умер,
От солнца не воскрес.
Шел в ватнике нагольном
По чешуе шуги,
Через ушко игольное
Недреманной тайги.
В краю тепла и хлеба
Себе наперекор
Ни лодку, ни телегу
Не ставил на прикол.
Не захмелел на свадьбах,
Не вытоптал луга,
Не задушил в объятьях
Ни друга, ни врага.
Не плакал, не лукавил,
И умер оттого,
Что ни цветок, ни камень
Не бросили в него.

НОЧЬ ТЕМНАЯ ТЕМНАЯ

Рассказ

Виктор АСТАФЬЕВ

Рисунки Ю. Ефимова

Рыбачить я начал рано, на пятом году. Возле реки всегда сидело полно ребятшек с удочками, и я глядел на них, завидовал. Иной раз мне давали подержать удочку, а то поручали уцепить на прут выуженного ерша, пескаришку или поплевать на червяка, вздетого на крючок.

26

Пристал я к бабушке, чтобы и мне удочку соорудили. Она сначала и слышать ничего не хотела, но я так прилип к ней, так ей надоел, что она плюнула, привязала к палке кудельную нитку, вместо грузила — ржавый гвоздь, а на конец нитки узлом прихватила червяка.

— На, отвяжись!

— А крючок где-е?

— Какой тебе крючок? У хорошего рыбака и так клюнет.

Бабушка вытолкала меня за ворота, наказала соседским ребятам, чтоб досматривали за мной, и я подался за деревню, гордый и взволнованный.

Сидел я на яру, спустив ноги, и пяткой упирался в стриженую норку. Стриж налетал на меня, просился домой и мешал рыбачить.

У ребят удочки длинные, лески длинней того, а моя удочка даже дна не доставала. Смеялись надо мной ребята: «Тяни! — кричали. — Дергай! Вон как клюет! Деребанит!»

Я терпел и ждал. И дождался! Леска моя задрожала, задрожала, а потом ее в сторону повело. Я сначала обомлел и подвижности лишился. Затем хватил удочку и через голову на яр бросил. На конце лески мелькнуло что-то, в траве зашевелилось, запрыгало.

Сгрел я палку, леску, гвоздь и рыбищу — да дуй — не стой по улице.

— Добыл! Добыл!.. — вопил я на всю деревню, а когда во двор ворвался — бабушка мчалась навстречу мне ни жива ни мертва.

Я слова не мог сказать. Смотрел на бабушку, смеялся и приплясывал.

— Тошно мне! Я уж думала: чего стряслось. Ну, чего добыл-то? — и протянула было руку, но тут же брезгливо скривилась лицом: — Батюшки мои! Пищуженец! Выбрось его, выбрось!

— Как выбрось? Рыба ж! Клевала ж! Вон как она леску-то...

Я разжал ладонь. В руке была еще живая головастая, скользкая, пучеглазая рыбешка, ну прямо черт и черт водяной. Но меня это не удручало.

— Пищуженца поймал! Пищуженца поймал! — прыгал я и рассказывал всем подряд, как он клюнул, как я дернул...

Пищуженца, иначе говоря пищугу, в литературе — подкаменщиком именуют, а вообще-то пресноводный бычок это. На Урале зовут абакшей, а чаще и совсем неприлично. Рыбу эту, сколь мне

известно, нигде по доброй воле не едят. Уж очень она отвратна на вид. Зато пищуженец ест что попало и когда попало. Вот и позарился он на моего червяка и заглотал вместе с узлом. А самого пищуженца отыскал во дворе бабушкин красный петух и «заклевал». Он потом бегал по двору с леской во рту, пытался орать и волочил мою удочку. Петух затащил удочку в жалицу, порвал ее там, и я опять остался ни с чем.

Бабушка потешалась надо мной, разозлила меня, пробудила рыбацкое упрямство и предприимчивость. Я три дня подряд распутывал старый животник у рыбака Ксенофонта, полтел гряды в его запущенном огороде, и за это он смастерил мне удочку с настоящим крючком, со свинцовым грузилом и даже с поплавком из пробки.

С этого началась моя рыбацкая жизнь и кончился бабушкин покой. Я норовил все дальше и дальше убредать от деревни, потому как думал: чем дальше, тем рыбы больше, и когда однажды потихоньку утянулся на мельницу и зарыбачил под плотиной пару хариусоз — вышло у нас с бабушкой столкновение. Она хотела поломать мою удочку, а я не давал. Рев и вой был на весь двор. Удочку я спас, а Ксенофонта бабушка ходила проклинать. Он ухмылялся в бороду и сказал, как отрубил:

— Не ори! И не свирепствуй! Раз его заманула река, то уж обратно не доревешься.

Однако таскать пескарей, сорожин и ельчишек мне скоро прискучило. Захотелось на настоящую ночную рыбалку — налиминичать.

Налима на Енисее зовут поселенцем. Ничего оскорбительного в этом прозвище нет, скорее этакое усмешливое хлопывание по купецкому пузу поселенца.

Уха из налима в нашем селе почитается пуще всякой другой, хотя чалдоны в рыбе толк знают и чего с чем есть — очень даже хорошо разбираются. Говорят, что для налима в верховьях Енисея — особый нагул. Уже в низовьях он не тот, суховат он там, тиной припахивает. В других же местностях России налим вовсе не в почете, им даже брезгуют и рассказывают об этом водяном буржуе всякую гадость.

Зимой наши рыбаки ловили налима заездками — мордами, опущенными под

лед среди загороди, а по весне — на уды и животники.

Какое это было счастье, когда брали меня мужики с собою налиминичать! Да брали-то неохотно. Холодны еще весенние ночи, вода высокая: смочет малого рыбака с берега, унесет — и отвечай потом за него перед бабушкой и дедушкой. Да и побаивались, кабы не сморился к утру рыбак, домой бы не запросился в разгар утреннего клева.

Но везучий я был на рыбалку!

Дядя Ваня, старший бабушкин сын, поступил работать на пикетный сплавной пост и стал брать меня и своего сына Кешку с собою на дежурство. Пикетный пост — рубленая из бревен будка с печкой и нарами — располагался на займище, верстах в полутора от села. На ночь дядя Ваня и Кешка ставили животник с берега, я помогал им, и за труды иной раз кидали они мне налимишка.

Дядя Ваня унюхал, что при мне налимы будто бы попадаются лучше, и впал в суеверие. А после того, как брат дедушкин, Ксенофонт, взял меня с собою на рыбалку и добыл удачно стерляди — я пошел на расхват. Северные народы делают деревянного идола и ставят его в нос лодки. Я был живым идиолом и шибко гордился тем, что способствую каким-то образом рыбацкому фарту. Бабушка уверяла, будто происходит это оттого, что на мою сиртскую долю бог обращает особое свое внимание и потому милостиво шлет рыбу в ловушки.

Никогда мне не забыть весенние ночи у пикетного поста!

Гудит Енисей, хлещет, ударяясь чуть повыше пикета в Манский бык, цепляется вода за каменные бычки, и сплавные бревна гулко бухают о камень и боны. На берегу костерок, и весь мир живой вместились в него, а дальше темень, ночь, грозный рев реки. С грохотом и лязгом катятся камни в воду. Из распадков вырываются рычащие, взбесившиеся весенние речки. Иногда хрустнет, сломается и ахнет с подмытого берега лесина или в горах закричит, запричитает ночная птица так, что спину мою скоробит страхом. Но я жду, когда дядя Ваня и Кешка примутся смотреть животники. Бодрюсь, и от всех нечистых сил спасаюсь огнем, подшевеливаю его.

На рассвете из будки выходил дядя Ваня, ежился, выгребал уголек из костра, прикуривал.

— Ты так и не ложишься? Вроде налима и сам сделался. Ну-ну, посмотрим, поглядим, чего ты тут наколдовал?..

Тянут животники. Мне к воде подходить не велено. Раз моя мать утонула, теперь всем родным блазнится, что я тоже утону: мать призовет.

Плеск, возня, хлопанье рыбы — и к моим ногам падает брюхатый налим.

— Лови поселенца!

Налим изгибается колесом, пружинит, катится к воде. Я падаю на него, хватаю. Локти и колени поразобью о камни, а тут еще летит налим, еще...

— Лови-и-и-и!..

— Ловлю-у-у!.. Ага, попался, котрый кусался!.. Ага-а-а!..

Счастья-то сколько, радости! Аж сердце занимается и вот-вот разорвется от полноты чувств.

Когда я подрос, мне уже не очень хотелось быть на подхвате, возмечталось самому наворочать налимов, если не лодку, то хотя бы две корзины, и удивить всех наших, особенно бабушку, которая очень недовольна была пробудившейся во мне страстью и считала, что ревматизм я добыл именно в те ранние свои рыбацкие годы. Кроме того, бабушка склонна была думать, что из того, кто стреляет и удит — ничего не будет, иначе говоря, не получится хозяина, и останусь я, как Ксенофонт, вечным бобылем и пролетарьей.

Словом, раз я такой везучий, то нечего пользоваться этим благом другим людям, — думал я. — Надо самому за ум браться.

И я взялся. Саньку, моего дружка, не стоило большого труда увлечь. Он вольный казак. Потруднее пришлось с Алешкой, моим двоюродным глухонемым братаном, — он боялся бабушки. Но и Алешка после того, как я ему втолковал насчет острова, где налимов что грязи, — тоже сдался. Ему отставать от меня не хотелось. Со мною Алешке интересней, чем с бабушкой.

Потихоньку, еще когда на Енисее были забереги, я утянул у бабушки клубок кудельных ниток, и мы под видом ремонта скворечников забрались в сарай и сучили лески — тетивы для животников. Крючками мы запаслись еще с зимы — выменяли в кооперативе на крысиные шкурки, добытые своими руками.

Утрами забереги дымились дымком, и несмело плавилась в них рыбешка.

Долго, очень долго не трогался в ту весну Енисей, и рыбешка стосковалась по вольной воде. Мы пуляли камни в заберегу и ждали, ждали. Но вот прилетели плишки — расклеивать берега, как у нас говорят, — и Енисей тронулся. Льдом своротило баню у Ефима-хохла. Ее сворачивало и ломало каждый год, но Ефим упрямо ставил баню на прежнее место. Поломало, как всегда, огороды над рекой, понатолкало льду на гряды, и он том лежал на огородах белыми заплатами, рассыпался со звоном, и мы хрумкали тонкие сосульки будто сахар. По берегам — высокие гряды льда, дряхлеющего под солнцем. Теперь надо ждать, чтобы поднялась вода и унесла рыхлый лед, тогда и лодки спустят на реку, и налим начнет брать, как шальной.

Вода наконец-то поднялась, собрала и подчистила лед по берегам, затопила ложки и луговину ниже поскотины. Заревел и помчал мутную воду охмелевший от короткого водополя Енисей-батюшка.

Лодки спустили, привязали их к баням и огородным столбам.

Настала пора действовать.

Забравши удочки, мы с Алешкой сделали вид, будто отправились удить к поскотине, и бабушка отпустила нас, не подозревая никакого тайного умысла. Спросила, правда:

— Это куда же вы такую прорву червей накопили? Всю рыбу заудить удумали?

— Всю! — ответил я многозначительно и подмигнул Алешке, который вникнул в разговор с тревожным лицом, — отссался, как бы: бабушка не разгадала наш заговор.

Лодку мы отвязали худую, чтобы не так скоро хватились ее и чтоб ответственности было поменьше.

Остров против деревни, но вода высокая, стремительная, и нужно было подниматься почти до дяди Ваниного пикета, чтоб прибиться к острову, а не угодить под Караульный бык, где так крутило и ревело, что оборони бог оказаться там — перетонем. Долго скреблись мы на веслах, пока поднялись выше деревни. До пикета плыть не решились — там, чего доброго, дядя Ваня изловит нас и застопорит.

Отдохнули, приткнувшись к берегу, вычерпали воду. Алешка все поглядывал на уютный бережок, по которому, качая хвостиками, бегали и играли се-

ренькие плишки. Бережок с соснячком, с травкой, с выводками подснежников, медуниц и хохлаток, судя по всему, глянулся Алешке больше, чем остров, уютным темнеющий за бурной, горбом выгнувшейся рекой. Алешке уже не хотелось на остров. Но Санька решительно взял весло.

— Ну, осподи баслови, как говорит бабушка Катерина! — и оттолкнул лодку

от берега. Мы с Алешкой сели на лопашни. Работали враз, проворно, чтоб угодить в пролет между сплавных бон. Вот в таком же пролете не удержалась лодка, споткнулась об обшитую головку боны, опрокинулась и... у меня не стало матери.

Скорей, скорей в пролет, а там уж не так страшно. Стучают уключины лопашней, хлопает Санькино кормовое весло. Хоть бы ничего не случилось! Головка боны близко, рядом. Хрипит и бьется на ней вода. Одавило головку, захлестывает ее. Хоть бы ничего не случилось. Не лопнуло бы весло, не вывалилась уключина, не подвернуло бы лодку льдинами или бревнами. «Господи, помилуй! Господи, помилуй!» — повторял я про себя. Прежде бабушка силком не могла меня заставить молиться, а тут я сам, без понуждения молился — приперло!

— Не мажь! Не мажь по воде! — закричал Санька. Он яростно бил своим веслом, чтобы держать лодку по курсу.

— Пор-р-рядок на корабле! — возликовал Санька, когда бона осталась за лодкой и нас подхватило и вынесло на реч-

ной простор. Кружилась, вскипала под лодкой густая от мути вода, гнала редкие льдины, швыряла их на боны. Лодку качало, подбрасывало, норовило развернуть и хряснуть обо что-нибудь. Но мы греблись изо всех сил. Первый раз пересекали мы Енисей в ту пору, когда переплывать его и взрослые не все решались.

Остров с реки казался совсем близким. Затопленные кусты по берегам его качались, били по воде, и напоминал остров птицу-хлопунца: бежит-бежит вверх по воде лохматая птица и никак не может подняться на крыло.

Силенок наших не хватило. Выдохлись мы и за остров не поймались. От ухвостья острова так отбойно шла вода, что развернуло нашу лодку и поволокло к Караульному быку. Санька судорожно пытался развернуть лодку носом встреч течению, остепенить ее, утихомирить, но она мчалась, задравши нос, как норовистая лошадь, и слушаться не хотела. Много натекло в лодку воды, отяжелела она.

— Алешка, таба-аны! — заорал Санька. Но Алешка не слышал его, он молотил и молотил веслом по воде. Рот его был открыт, лицо побелело. Я перехватил Алешкино весло и мотнул головой на старое ведро, плававшее среди лодки. Алешка бросился отчерпывать воду, лодка шатнулась, черпнула бортом.

— Тиш-ш-ша-а! — рявкнул Санька, и Алешка ровно бы услышал его, застыл, а затем начал быстро выхлестывать воду.

Внизу мощно ревел Караульный бык. Разъяренная вода кипела под ним, катилась в унорыш — пещеру, закручивалась воронками. В воронках веретеньями кружились бревна и исчезали куда-то. Серые льдины, желтую пену, щепки, корье, вырванные с корнем сосенки гоняло под быком. Сверху отваливались камни и булыжники в воду. Рев нарастал. Лодка качалась как-то безвольно и обреченно. Бык приближался, словно бы он был живой, и мчался на нас, чтобы подмять лодку, расхряпать ее о каменную грудь, а нас бросить в каменную пасть унорыша.

— Чего раз-зъявил? Р-реби! — завизжал Санька, и я уже не силой, а страхом поднимал и бросал весла. Алешка все выхлестывал и выхлестывал воду. Лодка сделалась легче, поворотливей, и мы выбили ее из стрення, выгреблись в затишек, сделанный ухвостьем острова. Лодку подхватило и понесло обратным течением к острову.

Я сложил весла и обернулся. Еще сажен сто — и нам бы не сдобровать.

— Пор-рядок на корабле! — вяло сказал Санька и в изнеможении опустил весло. Руки его дрожали. Он посмотрел на них, пошевелил пальцами и веселее прибавил: — Закуривай, курачи!

Санька и в самом деле закурил. Махру закурил, украденную у отца, и выпустил большой клуб дыма ртом и ноздрями. Мы с уважением глядели на него.

Ухвостье острова было затоплено. Тальники и черемухи стояли в воде. Мы протолкнули лодку в кусты, спугнули с них крысу и чуть было не поймали руками щуренка, прикемарившего на мели, в травке. Покос, что был за кустами, залило по краям, и он оказался бережком.

— Вот и все! А ты, дура, боялась! — подмигнул нам Санька, ступив на землю, и вальнул вверх ногами. Мы на него, Возню подняли. Шум. Смех. Свобода!

— Хватит! — прервал веселую возню Санька. — Солнце на закат скоро. Самый клев. Алешка, ты костер спроворь, обсушиться надо к ночи, — и он передал Алешке спички. — Ты багаж перетаскай, — приказал он мне, — и разбрось на остожье, а я животники разматывать возьмусь.

В лодке Санька завопил:

— Кто червей опрокинул?

Черви плавали по всей лодке, позазили в щели досок и под поперечины. Долго мы выбирали червей, ругались, кляли Алешку, но он ничего не слышал, мучился с костром, пытался из наносного сырья развести огонь.

Червей уцелела горсть, остальных Алешка выхлестал за борт с водою. Санька дал мимоходом подзатыльник Алешке, и тот было полез на него в драку, но ему показали банку с мокрыми червяками, и он отступился.

Костер исходил удушливым белым дымом, но огня не было. Санька раздувал его и ругался:

— Помошники! Толку от вас...

В кустах я нашел скрученную бересту, и огонь мы все же развели. Хлеб и соль в мешке размокли. Телогрейка Санькина и наши с Алешкой тужурчонки тоже хоть отжимай.

— Луком питаться будем! — буркнул Санька и набросился на Алешку: — Чего стоишь?! Червей-то сплавил! Так ищи давай теперича! — Алешка смотрел на Саньку внимательно, но понять — отчего

он ругается — не мог. Я показал Алешке: копать, мол, надо червей, искать их на острове, и он послушно отправился, куда велели, а Санька уже примирительней проговорил: — Стоит, чешется, а наживлять че? Сопли? На их налиим не клюет!..

Долго мы с Санькой распутывали животники, так долго, что завечерело совсем, пока мы управились. Алешка принес горсть белых рахитных червяков, на которые и нам-то смотреть не хотелось, не то что налиму — рыбе, любящей червяка ядреного, наземного, и чем толще да змеистой, тем лучше.

Ставили животники в потемках. Казалось нам, чем больше груз на конце, тем дальше мы забросим животник. Санька раскачал груз, как било, и запустил поверх кустов. Я ждал, когда бухнется камень за кустами. Но вместо этого дурноматом заблажил Алешка. Он тихонько подошел к Саньке и стоял сзади, чтоб посмотреть и поучиться ставить животники.

Крючок вошел повыше Алешкиного колена. Кровища валила ручьем. Когда мы вынимали крючок при свете костра, Алешка орал сначала, но Санька уткнул ему кулак в нос, и он замолк, только кусал губы и вспотел.

Крючок не вынимался.

— Надрезать кожу придется, — решил Санька и стал калить над огнем кончик складного ножа. Где-то он слышал, что перед операцией инструмент обезвреживают, изничтожают микробов на нем. Голова Санька! Все знает!

Алешка, не мигая, с ужасом смотрел на Санькины приготовления, но не протестовал, потому что сам виноват кругом.

Я сел верхом на братана, придавил его, а Санька полоснул ножом по Алешкиной ноге. Алешка брыкнулся, двинул меня коленом в спину, взвыл коротко и дико.

— Порядок на корабле! — деловито произнес Санька. Крючок с кусочком Алешкиного мяса был в его руке. — На мясо, говорят, поселенец-стервец пуще берет. Попробуем!

Я вымыл Алешкину ногу, перевязал ее тряпицей из-под соли и хотя он все еще дрожал, но уже не хныкал, смиренно сидел возле костра. Смотреть, как ставят животники, он больше никогда не подходил.

С берега мы ни один животник так и не забросили — кусты мешали. Запутали только животники, порезали их; собрали

кое-как один, крючков на двадцать, и закинули его с лодки, в улове за ухвостьем.

— Ништя-ак! И тут клюнет. Налима здесь пропасть, у острова-то, тятя говорил, — заверил Санька.

Мокрые, обессиленные явились мы к костру, возле которого неподвижно сидел Алешка и неотрывно глядел на другую сторону реки, на огни деревни.

— Ничего, Алеха, — хлопнул его по плечу Санька, — заживет до свадьбы. Я вон один раз на ржавый гвоздь наступил, всю пятку промзил. Засохло.

Алешка не понимал, что говорит Санька. Он глянул на меня глазами, полными слез, и сказал жалким голосом единственное слово, которое умел говорить: — Ба-ба...

Я аж вздрогнул. Что сейчас дома делается?! Потеряли нас с Алешкой. Ищут по всей деревне. Думают — утонули. Бабушка, небось, плачет и кричит на всю улицу, зажав голову. Да-а, спроситься, пожалуй, надо было. Но тогда шиш отпустили бы налиимничать. А мне так хотелось наворочать корзину или две поселенцев.

Я поглядывал на другую сторону реки. В деревне светились огни. Меж деревней и нами мчалась, шумела уверенно и злобно река. Дальним высоким светом подравняло вершины гор, размыло их, и отблески падали на середину реки. Застрявшая в кустах, шипела вода, набатным колоколом били бревна в камень Караяльного быка. Живой мир бушевал и бился вокруг. Он как бы отделен был от нас, недружелюбен к нам. Остров подрагивал. С подмытых яров его осыпалась и шлепалась глина. Зыбко все было вокруг, непрочно.

Чем напряженной я вслушивался и всматривался, тем явственней ощущал, что остров уже стронулся с места и до меня доносились голоса: бабушкин плач, мамин предсмертный крик и еще чьи-то, вроде бы звериные, а может, водяного. Я поежился и ближе подвинулся к огню. Но страх не проходил. Остров вот-вот...

— Ба-а-ба! — вдруг заорал я на Алешку. — Тебе бы все баба! Изнежился, зараза! Попой еще, так я тебе!..

— Не тронь ты его, — остепенил меня Санька. — Он ранетый, сознавать надо. Крючки-то вон какие! Налимьи! Вопьется, дак... Давайте-ка поедим, а?

Поели мокрого хлеба с печеными картошками и луком. Без соли. Соль

размокла. Алешка тоскливо вздохнул. Не наелся он. И бабы нет — добавки дать.

Санька закурил, свалился на тело-грейку и глядел в небо. Там, в глубокой темноте, будто искры в саже, вспыхивали и угасали мелкие звезды. И была там беспредельная, как сон, тишина, а вокруг нас совсем близко бесновалась река и остров все подрагивал, подрагивал, будто от озноба или страха.

— Ла-фа-а-а! — подбодрил себя и нас Санька и стал шевелить в костре и напевать негромко.

А я думал про бабушку и про налимов. Про налимов больше. Меня так и подмывало скорее смотреть животник. Я уверен был, что если не на каждом крючке, то уж через крючок непременно сидит по налиму.

— Са-а-анька!.. Са-аны!.. Давай животники смотреть, — начал искушать я друга.

— Ну, смотреть? Не успели поставить. — Но в голосе Саньки особой настойчивости не было, сопротивление его слабо, и я скоро сломил Саньку.

— Набулькаем только, рыбу распугаем. — Но я чувствовал, понимал: Санька тоже не терпит посмотреть животник.

Мы оттолкнули лодку. Санька взял в руку тетиву животника, начал перебираться по ней.

— Не дергат? — пересохшим голосом спросил я.

Санька ответил не сразу, прислушался.

— Да вроде бы нет. Хотя постой! Во! Дернуло! Дернуло-о-о!.. — голос Саньки задрезжал, сорвался, и он начал быстро перебираться по тетиве, а я захлопал, забурлил веслом.

— Тюха! Крючки всадишь!

Но я не в силах был совладать с собой.

— Здорово дергат?

— Прямо из рук рвет! Таймень, должно, попался. Налим так не может...

— Тай-ме-ень!

Батюшки святы! Ну не зря говорят на селе, что я фартовый, что колдун! Только вот закинули животник — и готово дело, — таймень попался!

— Большой, Санька?

— Кто?

— Да таймень-то?

— Не знаю. Перестал дергать.

— Ты выше тетиву-то задирай, выше!

Отпустишь тайменя к едрене Фене! Давай лучше я. Я — везучий!..

— Сиди, не дрыгайся! Везучий... Мотырнет, дак...

— Дергат?

— Ага, рвет! — опять задрезжал голосом Санька. — Из лодки прямо вытаскивает!..

— О-ой, Санечка!.. — Больше я ничего сказать не мог и закричал в темноту во всю глотку: — Алешка! Алешка! Таймень попался! Здорову-ущий!.. — как будто Алешка мог слышать меня.

— На последнем крючке, видать, у самого груза. Справимся ли?..

— Ос... осторожней, Са... Санька! — начал я вдруг заикаться, чего со мной сроду не бывало.

— Во! Близко! Иди сюда!

Я бросил весла и ринулся к Саньке, схватился за тетиву. Веревку дергало, тукало по ней так, будто она к моему сердцу прикреплена. Не помня себя, я начал отталкивать Саньку, тащить, и он кричал теперь уже мне:

— Тиха, миленький!.. Осторожней! Осторожней!..

Рыба вывалилась наверх, грохнула хвостом. Таймень! И в самом деле таймень! Ну не везучий ли я! Не колдун ли?!

— Ой! — вскрикнул Санька.

— Чо?

— Крючок в руку всадил! Во, зверина! Пуда на полтора, не меньше! А крючок вырежем. Я хоть чо стерплю! — Санька визжал, а я боролся с рыбиной и никак не мог подвести ее к лодке.

— Это он в затишек со струи забрался! Пищуженец попался, он его и цапнул! — объяснял мне Санька рыдающим голосом, но я не слушал его. Мне сейчас не до Саньки было!

— Греби к берегу! Здесь не управиться! — прохрипел я.

Санька рванулся к веслам, запутался в животнике, забыв, что он ведь тоже на крючок попался, и тут в мои бродни вцепился крючок. Я тоже попался на животник.

— Уйде-от! — завопил я, почувствовав, что рыбина пошла под лодку. — Уйдет-от...

Санька упал на борт, сшиб меня, лодка черпнула бортом, медленно завалилась на бок, и меня обожгло холодной водой. Я забултыхался. Рядом бился в воде Санька. Его запутало животником.

— А-а-а-а!.. — взревел Санька и по-

шел ко дну. Я успел схватить его за рубаху.

— Санечка, не тони! Санечка!.. — Я хлебнул воды. Скребнуло в носу, хлестнуло в горло, но я не выпустил Саньку. Меня дергала за бродень рыбина, тянула вглубь, на струю. Рука моя стукнулась обо что-то твердое. Лыдина! Я вцепился пальцами в ее источенную ребристую твердь.

— Са... Лыдина!..

— Ба-а-ба! — разнесся вопль на берегу. Алешка или углядел или почувствовал, что с нами стряслась беда.

— Палку, Алеш!..

И Алешка понял меня, но хорошо, что он не услышал моих слов, не побежал за палкой — не успел бы. Он ухнул в воду, наклонил черемуху. Я отпустился ото лыдины и схватился за куст одной рукой, а затем подтянул к себе Саньку. Мы перебирались по гибкому кусту

руками. Корень у него оказался крепкий, выдюжил. Алешка подхватил и выволок Саньку на берег, а я вылез сам. Без бредня. Рыба сняла с меня обуток. Дедушкин бредень. И ушла с ним. Никто уже не дергал животник. Я весь был им опутан и услышал бы рыбину. Санька оторвал крючок вместе с коленцем и выпутался из животника.

Я упал на берег, стукнул кулаком по мокрой земле и завыл. Санька клацал зубами, Алешка все звал бабу.

— От... отпустили!.. Такого тайменя отпустили-и-и-и! — жаловался я неизвестно кому.

— Ба-ба!.. Ба-ба!.. — кричал Алешка, глядя на редкие теперь уже огни в деревне.

Я вскочил с земли и дал Алешке по уху. Он не ожидал этого, кувыркнулся на траву и сразу замолк.

— Обормот большеголовый! — орал я на Алешку. — Такой тайменище ушел! А он — баба! Ты чо сидишь? — взъелся я на Сань-

ку.— Завяжи руку, и станем животник распутывать... Расселись тут... Рыбаки! Другой раз свяжусь я с вами!

Первый раз в жизни возвысился я над Санькой, командовал им, и он— куда чего делось?— подчинялся мне как миленький и даже несмело попытался утешить, когда помогал распутывать животник.

— Может, это и не таймень вовсе, а большой налим...

— Я не отличу вилку от бутылки?! Лапоть от сапога не отличу? Сам ты налим!

Распутывали животник. Руки мои порезало льдом, сводило пальцы от стужи. Санька опять робко заговорил:

— Ты бы отжал лопоть, погрелся. Ноги у тебя рематизненные. Захвораешь...

— Не сдохну, не беспокойся! Ночь-то скоро пройдет. А рыба где? Плавает по дну...

Санька потом не раз мне говорил, будто именно в ту темную-темную ночь он понял, что характером я весь в бабушку свою, Катерину Петровну.

Но тогда он ничего не говорил. Помалкивал и дело делал. Алешка после оплеухи дрова таскал, несмотря на боль и рану, и огонь поднял до небес.

Животник мало-мало наладили, нажили снова, я забрел в воду, привязал его к кусту и закинул недалеко. Санька ждал меня на берегу и к огню не уходил.

— Чего тут дрожись?— прикрикнул я на него и пошел к стану, Санька потащился за мной.

Разделись, отжали рубахи, штаны. Нагишом прыгали у костра, пока сушилась одежда. Я помаячил Алешке, чтобы принес из старого остожья сена. Прелое было сено, охвостье. Кто ж доброе оставит? Доброе зимой вывезли. И все же не на голой земле плясали теперь.

Сделалось совсем холодно. Мокрую травку на покосе подернуло изморозью. Напялили сырую одежонку. Алешка почернел от боли и знобкой стужи. Я оторвал от подола рубахи лоскут и перевязал еще раз ему ногу. Рана была мокрая, сочилась кровью. Санька грел у костра завязанную вместе с крючком руку, а то принимался дуть на нее, но не выл. И Алешка тоже не выл и бабу больше не звал.

34 — А ну, убирай костер!—скомандовал я, когда мочи уж никакой не стало

от холода и зуб на зуб не попадал у всех.

Мы перенесли костер на другое место, замели угли в сторону, а на прогретую землю набросали веток, сена и тесно улеглись.

— Тепло?

— Маленько пригревает снизу,—отозвался Санька.

— Ксенофонт-рыбак всегда так делает, когда на берегу ночует.

— Надо было нам с ним попроситься налимничать. Может, взял бы?

— Ага, возьмет! И возьмет, так налимиска дохлого уделит потом...

— Мы и такого не добыли.

— Постони!.. Тайменища вон какого прокрякали! Ротозеи! Фартит таким лопухам! В роте рыба была!..

Санька засыпал. Уже, на отходе ко сну вяло и безразлично выдохнул:

— Попадет нам... И за лодку, и за все...

— Тайменя бы выволокли, тогда хоть сколько попадай...

Ребята заснули. А я ворочался и никак не мог забыться. Явственно видел я, до боли ощущал каждой жилочкой краснохвостого тайменя— на полтора пуда! В серебряных пятнах по скатам толстой спины, с пепельно-серыми боками, с белым нежным брюхом. Огромного, открывающего огненные жабры, хлестко бьющего хвостом по доскам лодки.

И еще толпу деревенского люда видел на берегу. Мужики, женщины, ребятишки смотрели, как я иду, согнувшись под тяжестью рыбины, а хвост ее волочится по камешнику! А люди говорят про меня, а люди говорят. Всякое хорошее: и что везучий я, и что колдун, и что такому удачливому человеку ничего не страшно в жизни.

Нет тайменя. Нет лодки. Ничего нет. Ночь. Темная-темная ночь кругом. Ворчит река, плещется, буйствует, пьяная от половодья. И где-то в ней ходит таймень с оторванным крючком и с броднем моим. Ну что ему стоило? Ведь все равно, если запутается животником за корягу или за камень—сдохнет. Так уж лучше бы...

А может, он зацепился крючком за куст? Ворочается там, бьется, а я лежу здесь, как колода...

Быстро насунул я Санькины сапоги и поспешил к воде. Что-то шевелится в кустах, поталкивает их. Льдины. Из подмытых яров острова все отваливается,

отваливается земля. Земля. Льдины заблудшие, а тайменя не слышать. Ушел таймень! Скрылся. Вон какая она, река-то! Иди, куда хочешь. Везде дом.

На всякий случай я обошел все хвостье острова — может, лодку затащило в кусты? Вода пошла на убыль. Мокрые кусты поднимаются из воды, распрямляются, стряхивают с себя ил. В кустах позванивают рыхлые льдины, рассыпаясь тонкими карандашиками. Из-под ног моих снялся куличико и как ни в чем не бывало запиликал звонким голосом и начал стричь крылышками над водою. Тут же проснулся, запел другой куличок и пошел этому навстречу. И вот они уже соединили песню и унесли ее за протоку, на каменистый берег.

Беззаботные кулики, вольные птички. Куда захотят, туда подадутся. А тут вот лодку унесло. Таймень ушел, и хоть вой, хоть кричи — никто не услышит. Нет счастья на земле. И вовсе я не везучий. Никакой я не колдун. Если б колдун был, разве бы не приколдовал тайменя?!

Не заметил, как обошел остров, и очнулся лишь после того, как у моих ног заревела вода.

Я оказался у приверхи острова. Кусты измочалило и зачесало водою на обмысок, торчмя наставило под берегом бревна, вывороченные коряги, набило хлама и льда меж ними. Все это шевелилось под напором воды, хрустело, ломалось. Приверху острова одавливало, как головку боны, и, казалось, вот-вот сорвет остров с якорей, закружит его, изломает на куски земляной каравай, и нас забьет, захлещет, как мышат.

Я попятился на покос и, повернувшись, быстро убежал от приверхи. Шум и гул воды отдалился. Я сел на подмытый яр, под которым в белых полосах пены ходила беспокойная вода, и стал глядеть на деревню. Возле дяди Ваниного пикета, будто неуверенный язычок свечи, попрыгивал и мотался костерок. Знал бы, ведал дядя Ваня, как таймень обошелся с нами, и что кукуем мы без лодки, от мира и людей отрезанные...

В деревне огней нет. Спит деревня. Если и горит в нашем доме лампа, отсюда не увидать, — дом наш во втором посаде, почти на задах.

Бабушка молится сейчас, плачет, и дед горюет молча. Мужики, небось, сети готовят, багры, невода и кошки — ловить нас. Утром весть об утопленниках обле-

тит село и взбудоражит его. Явится к нам Митроха, председатель сельсовета, и будет у него с бабушкой крупный разговор.

Что мы наделали?! Как я додумался башкой своей до всего этого? Заест Митроха бабушку. Он и без того на нее «зуб» имеет, как утверждала бабушка. Слышал я, что Митроха сватался в молодости к тетке Марии, но отчего-то дед и бабушка не согласились отдать за него дочь. Однажды я заблудился на увале. Ходил по грибы и заблудился. А Митроха нарезал там делянки дроворубам и услышал мой крик. Он взял меня за руку и привел домой. Конечно, я бы поорал, порал, и сам нашел бы дорогу домой, не раз такое случилось, но вот надо ж было Митрохе оказаться в лесу.

Митроха сказал бабушке властно и строго:

— Безнадзорный парнишка. А безнадзорные дети должны жить в детском доме, догляженные и обихоженные.

— А он не догляжен? Он не обихожен? Да у него и рубахов, и штанов, может, больше, чем у других ребятишек, хоть они с матерями-отцами! Я вон ему сумку из своо фартука сшила. Еще в школу осенесь пойдет, а я уж сшила, с ручками и с кармашком для чернильницы, как городскому...

Митроха не дослушал бабушку, осадил ее:

— Мне не переговорить и не перекричать тебя, несуразная старуха, но вот что запомни: если парнишка будет болтаться, где попало — я приму меры!

С этими словами Митроха надел фуражку и вышел, а бабушка так и осталась посреди кутьи, расшибленная словами: «приму меры».

Во дворе Митроха нарвался на дедушку, который, видать, весь разговор слышал. Дед воткнул топор в чурбак и, как всегда, тихо, но увесисто сказал Митрохе:

— Вот что, Митрофан Фадеич! Ты мою старуху больше не пужай. Она и без того пуганая. Ребенок был при нас, при нас и останется. — Он помедлил и добавил: — Неровен час, сосед наш Левонтий услышит, да пьяный ежели... Кто тебя отбирать будет?

Митроха знал, что дяде Левонтию хоть бог, хоть царь, хоть какая власть — ничем, если он напьется. К тому же, дядя Левонтий меня любит так же, как я

его, и он деревню в щепки разнесет, если потребуется.

И все же боюсь я Митрохи. И бабушку мне жалко. А ну, как «примет меры» Митроха из-за нас с Алешкой?

— Бабушка! Ба-а-абонька-а! — задрожал я губами, но тут же вспомнил про Алешку и не позволил себе расклеиться. Мне было холодно, одиноко и жалко самого себя.

Вода засеребрилась от просвета, застывшегося в межгорье. В безостановочном, стремительном беге река. Но мне опять казалось — не вода это, а остров, и мы вместе с ним мчимся вдаль, мчимся, среди ночи, среди реки, не имеющей берегов, и остров теряет кусты, сыплет комья земли, будто подбитая птица — перья. И не убывает вода вокруг острова, а прибывает, прибывает. Скоро она подберется к покосу, смоем костерок наш, унесет нас к Караульному быку, закружит, торкнет о камень...

Я тряхнул головой. Огонек на той стороне, у дяди Ваниного пикета, почти погас.

Опять пришел на ум Митроха.

Рыбачил я как-то выше деревни и зашелся допоздна. Было это в то же лето, когда привел меня Митроха из лесу. Теплое лето было, погожее. На реке межень, и Енисей не ревел, не свирепствовал, как сейчас, а катился легко, светлый, облегченный, молодой.

На закате солнца стала веселее брать рыбешка, а как солнце закатилось — бросила клевать, и я сидел на бревне просто так, глядел на реку, на привычные горы и не заметил, как наступила темень.

На реке показался огонек. Он приближался и приближался к деревне.

— Какая-а деревня-а-а? — спросили с плота.

Я сложил руки трубочкой и охотно откликнулся, потому что было мне радостно сообщить незнакомым людям о родном селе, о себе, о том, что есть мы на свете.

Огонек поплыл на мой голос, и вскоре я услышал:

— Приветствую вас, милое дитя!

Дитем, да еще милым, меня никто и никогда не называл. И я от удивления не знал, что сказать человеку на плоту, а точнее, на салике из четырех бревен. Костерок шевелился на каменных плитах, выложенных очагом. А человек стоял с приподнятой шляпой, и свет играл в его

глазах и морщинах. Он улыбался мне, как ближайшему родственнику.

— Здравствуйте! — сказал я ему и принял веревку.

Человек сошел на берег, и мы с ним училили за камень салик, а пока училивали, он успел расспросить меня обо всем: и о деревне, и обо мне, и о дедушке с бабушкой. Словно бы ехал этот человек на праздник — так был оживлен, говорлив. И мне тоже передалось его настроение, хотелось разговаривать и разговаривать. Я помог незнакомцу перенести костерок и мешочек с плота.

— Сейчас мы будем варить кулеш. Вы знаете, милое дитя, что такое кулеш?

Я почти с восторгом признался, что не знаю.

— Жизнь состоит из сплошных открытий. И вы сейчас узнаете, милое дитя, что такое кулеш, — при этом незнакомец снял шляпу и обнажил редковолосую голову.

Я бегал по берегу, собирал дрова, подкладывал их в костер, и человек хвалил меня за усердие и все улыбался беззубым, широким ртом и говорил мне, как в песне: «Милое дитя».

Кулеш сварился и оказался жиденькой пшенной кашей, приправленной береговым луком. Я нащипал луку в камнях. Незнакомец попробовал варево, зажмурился и тряхнул головой:

— Божественно! — Дал мне попробовать, и я сказал:

— Да-а-а!

Ложка была одна. Незнакомец складным ножиком быстро обстругал щепку, соорудил из нее черпачок, а ложку отдал мне. Я начал отказываться, но незнакомец погладил меня по плечу тонкой и гибкой рукой.

— Хозяину этого мира, — он обвел рукой вокруг, — почет, уважение и ложка. А я, милое дитя, могу употреблять еду какую угодно, где угодно и чем угодно. Научен уважать пищу! — Он важно и смешно приподнял палец, после чего отхлебнул из черпачка пищу, пригодную для беззубых, и продолжал: — Великий Горький сказал: «Человек выше сытости!» Но годы прозябания перевернули в моих глазах многие слова, и понял я, что словами, даже великими, не пропитаешься, понял я, что без слов прожить можно, без пищи — нельзя! Годы учат мудрости!..

Он и еще много говорил мне непонят-

ных слов, доверительно, просто, и понял я лишь одно — что дяденьке этому долго пришлось молчать.

Мы дохлебали кулеш. Незнакомец вымыл котелок, ложку и убрал их в мешок, а потом свернул сигарку из казенной махорки и блаженно вытянулся на камнях.

В это время незаметно, как тень, возник у костра Митроха. Молча, сурово оглядел он дяденьку, меня, салик и потребовал документы. Незнакомец ответил: «Охотно», засуетился, складничком подпорол подкладку шляпы и достал оттуда бумажку.

Митроха нагнулся к огню и стал шевелить губами. Читал он долго, а потом выпрямился и жестко отрубил:

— Так я и знал!

— Что вы знали, молодой человек? — незнакомец уже оправился, не суетился больше, но и не улыбался. Лицо его сразу сделалось мятым и усталым.

— Что ты за птица!

— Справка по всей форме. Я освобожден досрочно и, значит, заслужил право, чтобы ко мне обращались на «вы», так же, как я обращаюсь к вам.

Митроха смешался, переступил со здоровой ноги на хромую.

— Кем был до изолирования?

— Капельмейстером.

— А-а, оно и видно. У нас в партизанском отряде коптенармус из беляков был, тоже придурок и говорун.

— Простите! Капельмейстер и коптенармус — это, смею вам заметить, слова несколько не идентичные.

— Чего-о-о?

— Не идентичные слова, говорю.

— Я б тебя раньше за такие слова!..

— О-о, в этом я не сомневаюсь. Верните мне справку. Она, как вы убедились, не поддельная.

— Куда путь держишь, говорун? — все еще грозно спросил Митроха и отдал старику бумажку.

— Видите ли, молодой человек, — все так же мягко, но уже с презрением в голосе заметил старик, убирая справку в шляпу, — я очень хорошо изучил вопросы, на которые обязан отвечать и на которые не обязан. Ваш последний вопрос я отношу к числу необязательных. — Старик нахлобучил шляпу и глянул прямо на Митроху: — В ответ на все ваши вопросы я позволю себе задать один-единственный: скажите, кто вас научил подо-

зреть людей и допрашивать их?

— Никто. Я сам.

— Благодарю за откровенность. А сейчас, может быть, вы будете так любезны, что оставите нас. Вдвоем с мальчиком куда приятней.

— Этот мальчик! Этот мальчик дошляется. Я его спроважу в детдом!

Старик вдруг вскочил, сжал кулачишки и, вплотную придвинувшись к Митрохе, сразу осевшим голосом прокричал: — Уйдите! Умоляю вас!..

Митроха пошел, загребая хромой ногою, и уже с яра крикнул:

— Чтоб к утру духу не было!.. А ты чтоб сейчас же домой!..

Я сидел у костра раздавленный, убитый. Мне еще никогда не было так стыдно и больно за себя, за деревню родную, за эту реку и землю, суровую, но приветную землю. Я не мог поднять глаза на старенького дяденьку, который уже не разговаривал больше, а согбен-

ный сидел и глядел в живой огонек. Потом он перенес головешки на салик, мешок перенес, отвязал веревку и уплыл в темноту.

Долго еще колебался на реке светлый язычок огня. Мне хотелось побежать по берегу, догнать салик, сказать что-то незнакомому человеку, попросить у него прощения. Но огонек отдалялся, становился все меньше, меньше и затонул в темной, безвестной дали.

Я не могу забыть ту ночь и знакомого в шляпе по сей день, помню и огонек, приплывший ко мне из темноты. Теплом и болью отражается его свет в моей душе. Что-то радостное и тревожное пришло в мою жизнь тогда, и сам огонь с тех пор обрел в моем понятии какой-то особый смысл. Он уже не был просто пламенем из дров, а сделался живою человеческой душою, трепещущей на мирском ветру.

Я совсем продрог, встряхнулся и услышал голоса:

— Я-а-а! Я-а-а!.. — Дрожал на другом берегу костер, и вроде бы на самом деле кто-то кричал. Вот от огня большого отделился огонек поменьше и начал мотаться из стороны в сторону. Это махали нам,— догадался я и заорал:

— Санька! Алешка! Скоро приплывут! Наш костер увидели!.. О-эй! — Я замахал руками, как будто мог кто-то меня увидеть.

— Э-э-э-эй! — закричал и Санька, воспрянувший ото сна. Алешка тоже проснулся и повел свое:

— Бу-у-у-у!

Но приплыть к нам скоро не смогли. С рассветом поднялся туман, затопил горы, реку, остров, и остался наш только костерок на свете да мы вокруг него, тихие, покорные.

— Надо животник посмотреть.

— А, пропади он пропадом! — плюнул я. Не хотелось мне уходить от огня в белую сырую наволочь, не хотелось брести в воду. Домой мне хотелось, к бабушке. Спать хотелось, и не было ни малейшего желанья шевельнуть даже единым пальцем.

— Ладно, я посмотрю,— храбро сказал Санька, а сам не поднимался от костра.

— Валяй! — сонно кивнул я.

Санька поежился, со свистом втянул стылými губами воздух и покорно побрел в туман,

— Один попался! — услышал я через какое-то время, но даже не обрадовался. Сон и усталость отупили меня. Все мне было теперь ничем, ничего я не боялся и ничему не радовался.

Вот и сошел туман с реки. От деревни отплыла лодка. Санька с Алешкой побежали на берег и замахали руками, а я не поднялся от огня. Я сидел на мятом крошеве сена и смотрел, как затухают голвни, обрастая дрожливим серым куржаком, как затягивает угли теменью и мраком. И еще раз вспомнил тот огонек, того дяденьку. Как мне его не хватало! Из-под сена от прогретой земли все еще шло тепло, хотя уже и еле ошутимое. И от него морило, расслабляло.

— Эт-то что же вы удумали, разъявило бы вас, а? Эт-то кто же вас надоумил, а? — еще с реки, из лодки закричала бабушка. Алешка заблажил бугаем, прыгнул в воду и побрел встреч лодке, несмотря на рану. Бабушка подхватила его из воды, дала ему мимоходом затрещину. Не переставая ругаться, первая она соскочила с лодки на берег, схватила хворостину и погнала Саньку в лодку:

— А вот тебе! А вот тебе! Не сманивай! Не сманивай! Не сманивай!

Я подошел к лодке. На корме сидел Ксенофонт, а на лопашнях — Кешка, осудительно, с превосходством всегда правого человека, улыбающийся.

— Не трогай Саньку. У него крючок в руку всадили. Это я сманил! Бей! — и с ненавистью поглядел на ухмыляющегося Кешку.

— Т-ты-ы?! — бабушка оцепенела на секунду. Санька воспользовался моментом и юркнул в лодку. — Так я тебе и поверила! Так я тебе и поверила!..

Бабушка порола меня прутом до тех пор, пока не выдохлась. Потом отбросила прут и запричитала:

— Да что же это за наказание такое? Да за какие грехи на меня навязались эти кровопивцы?..

— В лодку идти, что ли? — прервал я бабушку.

Кешка уже не улыбался, а Ксенофонт подмигивал мне, маячил, — дескать, прыгай ты скорее сюда, да ко мне поближе, тут не достанут... Но я стоял на берегу. Бабушка затопала ногами:

— Иди лучше в лодку, а то заporю до смерти!.. Х-хосподи! Вот дедушко-то родимый! Забей его... Забей... — она сцапала меня за ухо и повела в лодку.

Ксенофонт быстро оттолкнул лодку веслом, и бабушка качнулась, села, схватилась за борта. Развернулись. Кешка заработал лопашнями.

— Налим где, Санька?

— Ой, забыл! Вот гад, забыл!

— Поворачивай назад! — потребовал я.

— Я те поверну, разъязило бы тебя! Так поверну!..

— Поворачивай лучше, а то всех перетоплю! — сквозь зубы процедил я со злом, какое скопилось во мне за эту проклятую ночь, и шатнул лодку.

— Сенофонт! — взмолилась бабушка. — Поворачивай, батюшко, поворачивай. Он ведь обернет лодку-то! Оберне-от! Дедушка родимый, сатана-сатаной, как рассердится...

Ксенофонт ухмыльнулся и развернул лодку. Он ведь дедушкин брат, значит, мне сродни.

В одном бродне пошлепал я на берег.

— Красавец какой! — сказала бабушка. — Тебе еще за обуток будет! Новые почти бахилы уходил...

Налима я нашел в воде. Санька продел ему в жабру ветку с сучком. Так на ветке я его и приволок.

— Налимище-то! — начал было измываться Кешка, но я смазал ему налимом по морде, и он утих, заутирался рукавом:

— Чего размахался-то? За ним еще приплыли, как за добрым...

— Как поселенца делить будете — повдоль или поперек? — ехидно спросила бабушка.

— Разделим...

Переплыли реку в тягостном молчании. Вышли из лодки. Я затребовал у Саньки ножик, разрезал налима на три части. Голову мне, поскольку я оказался в конце концов главным ответчиком за все. Середину — Саньке, раз он вытащил налима, а хвост Алешке — он только ныл, бабу звал, и никакого от него толку не было.

Бабушка сварила уху из двух кусочков налима и, не знаю уж, нарочно или с расстройства пересолила ее.

Но я все равно выхлебал уху и остатки выпил из чашки через край. Алешка

несмело звал бабушку хлебать с нами уху, потому как в доме нашем не принято было есть что-то по отдельности. Но бабушка сердито махнула рукой:

— Понеси вас лешаки вместе с налимом вашим!

Вечером прибыл дедушка. Он пилил дрова в лесу. Все наши злодеяния были ему рассказаны с подробностями, и, кроме того, бабушка затребовала, чтобы дед приструнил меня, а Саньку и на порог в дом не пускал бы.

— Чего же это ты сводишь людей-то с ума? — укоризненно сказал дед. — Шутки разве с водой?

Я молчал. Дедушкины укорные слова тяжелей бабушкиной порки. Но ему, видно, жалко меня стало, и, когда бабушка скрылась с глаз, он участливо спросил:

— Лодку-то как же отпустили?

— Таймень опрокинул.

— Так уж и таймень?!

— Вот не сойти мне с этого места!..

— Ладно, ладно. Лодку вашу Левонтий поймал ниже Караульного. Приведет завтра.

— А чего тогда бабушка говорит — платить за лодку?

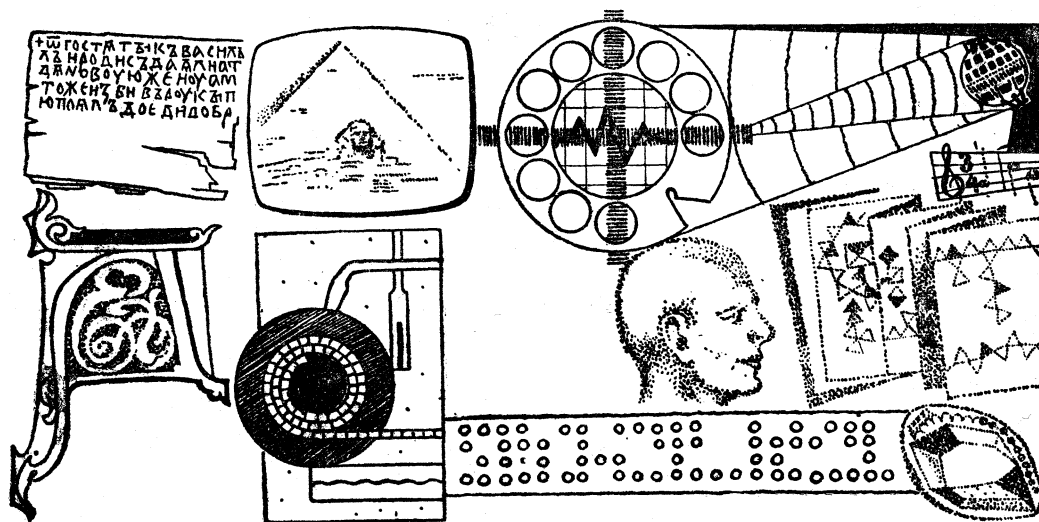
— Пугает. Ты знай помалкивай.

Дед потолковал еще немножко со мной о том, о сем, подымил табаком, а потом протяжно вздохнул и повел меня в хибарку брата своего — Ксенофонта.

— Вот тебе соловей-разбойник. Опекунствуй. До смерти он теперь пропащий человек. Пушай с тобой — хоть душа на месте будет... — Дед поник головою и горестно добавил: — А с нас и матери его хватит...

Дед и Ксенофонт закурили и долго сидели молча. Старая, полутемная избушка быстро наполнялась махорочным дымом. Я примостился возле кособокой небеленой печки, смотрел на Енисей, поблескивающий за домами, и не верил своей счастливой участи. Уж с Ксенофонтом-то мы половим рыбки! Уж потаскаем налимишек! А может, и тайменя того сыщем? Ну не того, так другого. Может, еще больше добудем? Ах ты, жизнь! Какая извилистая, а! И несчастья и счастье — все в ней рядом.

Мой друг — фантастика

ОТ БЕРЕСТЫ К... ?

В. БУГРОВ

У Айзека Азимова, хорошо известного у нас американского фантаста, есть рассказ с не совсем обычным названием — «Ну и здорово же было!»

...Школьники будущего, «замученные» своими электронными наставниками, страшно завидуют тем, кто «когда-то» ходил учиться в «настоящую» школу, сидел там не один на один с экраном всезнайки-робота, а в классе, полном таких же подвижных любознательных ребят, как он сам. И учителем «у них» был не этот зануда-робот, а самый настоящий живой человек!

— Как же было здорово!.. — вздыхают наши юные потомки, узнав обо всем этом из «удивительной» книги — с бумажными листочками, которые сплошь испещрены малопонятными древними обозначениями звуков и слов.

Это они завидуют тебе, наш любознательный читатель. Но...

Но отчето же книга, обыкновенная книга должна казаться нашим потомкам чем-то удивительным? Неужели наши незаменимые и верные друзья — затрепанные, с засаленными страницами, и совсем еще новенькие, приятно пахнущие типографской краской, — почему-либо исчезнут?

Как смотрят на это фантасты?

Заглянем для начала в книжку с пугающей, в зареве близких пожаров, обложкой: «451° по Фаренгейту». Автор ее — Рэй Брэдбери. Здесь изображается будущее Америки, страшное и мрачное будущее, люди которого низведены до роли простых автоматов. Тех же, кто пытается протестовать про-

тив общей подавленности и униженности, в два счета приканчивают электронные чудовища.

Но самое страшное в этой книге — ее заглавие. «451° по Фаренгейту» — это температура, при которой вспыхивает бумага, горят книги, исчезает в пламени культурное наследие веков и поколений. В Америке XXI века запрещены книги, для чего даже созданы специальные «пожарные» команды...

И это не покажется нам чем-то сверхнеобычным, если мы вспомним костры, пылавшие так недавно по всей Германии. Озверевшие, утратившие человеческий облик фашисты жгли сочинения Карла Маркса и Ленина, Льва Толстого и Генриха Гейне, Максима Горького и Томаса Манна...

Что ж, вариант будущего, нарисованный Рэем Брэдбери, действительно не исключен для капиталистического мира. И тогда тем представителям угнетенного народа, которые еще сохраняют верность былой культуре, и в самом деле пришлось бы выучивать книги наизусть — чтобы сберечь их для потомков — и скрываться в безлюдных пустынях.

Но довольно мрачных предсказаний! Ведь нынешняя Земля — это вовсе не группа полновластных капиталистических государств. Лагерь социализма, миролюбивые демократические государства, добрая воля трудящихся всех стран — надежный залог того, что печальное пророчество Р. Брэдбери для планеты Земля попросту нереально.

И тем не менее письменность, письменная форма языка в том виде, какова она сейчас, должна неминуемо исчезнуть. Но произойдет это исчезнове-

ние вовсе не потому, что кто-то вдруг диктаторски, с первобытной жестокостью наложит на книгу «табу». Просто не станет причин, делающих их существование необходимым. И не только книг, — мы сейчас убедимся в этом...

На место писем, открыток, телеграмм, с помощью которых мы общаемся сейчас друг с другом на расстоянии, придут «видеофоны» — гибридная форма телефона и телевизора, без которой не обходится ни один современный роман о будущем. «Диктофоны» — миниатюрные магнитофоны — отлично справятся с ролью личных дневников и всякого рода записных книжек. Вспомни-ка самодельный «диктофон» Николая Синицкого, студента-практиканта из романа В. Немцова «Золотое дно»!

Кстати, не только диктофон, но даже и видеофон уже в наши дни перестал быть фантастикой. В Москве, Ленинграде, Свердловске, Баку, в некоторых других крупных городах нашей страны уже работают первые междугородные станции видеосвязи. Захотел вызвать Москву? — пожалуйста: разговариваешь с товарищем и одновременно видишь его на экране. И никакой фантастики!..

В будущем сеть видеофонов неизмеримо увеличится, видеофон станет столь же обычным и незаменимым в быту, как, скажем, телефон или радио.

Что касается диктофона, то он с течением времени «научится» записывать не только голос, но даже и мысли своего хозяина. Ведь фантасты единодушно утверждают: не так уж далеко от нас то время, когда биотоки, возникающие в человеческом мозгу, будут наконец расшифрованы и появятся первые «мыслелеовители»...

Теперь о той важной и нужной информации, для передачи и хранения которой существуют сейчас книги, журналы, газеты. Со временем эта информация будет, по мнению фантастов, собираться в новом, пока не существующем виде памяти. В каком же именно?

Перелистаем книгу С. Лема «Астронавты».

...Земляне обнаруживают на Венере крошечных, величиной не больше горошины, слегка приплюснутых «мурашек», словно отлитых из серебряного металла. Герои романа разбивают скорлупку одной такой «мурашки», и вот что предстает их глазам:

«Рядом с пустой металлической скорлупкой лежало несколько миниатюрных спиралек, проволочка тоньше волоса и маленький, не крупнее булавочной головки, кристаллик, полупрозрачный, как капелка дымчатого стекла...»

Нет, это не проявление таинственной металлической жизни!

«Мурашка» оказалась чем-то вроде крохотного радиопередатчика. В кристаллике записаны электрические колебания, и если этот кристаллик «разбудить», — он «отдаст» эти колебания, как граммофонная пластинка. Электронное читающее устройство воспроизведет на экранах записанный в кристаллике текст и цветные изображения, а специальные динамики передадут звук.

По мнению фантастов, один такой «запоминающий» кристаллик вместит в себя содержание сотен и даже тысяч толстенных томов. А места-то он займет очень и очень немного... Какую же поразительную экономию принесет использование этой «кристаллической» памяти! Скажем, такой библиотеке-гиганту, как Библиотека имени Ленина в Москве. К своему столетнему юбилею — в 1962 году — она уже насчитывала двадцать два миллиона единиц хранения. Чтобы вместить эти величайшие

богатства, нужно иметь поистине колоссальные хранилища! А применение запоминающих кристаллов позволит сократить объем хранилищ в десятки и сотни тысяч раз...

Конечно же, такая необычайно емкая «память» неизбежно вытеснит громоздкие книгохранилища и архивы наших дней.

Такова в представлениях фантастов судьба письменности: в будущем ее ожидают, как видим, самые необычные превращения.

И как ни смущает нас обреченность привычных для нас бумажных книг, пугаться этого все-таки не следует.

Вспомним: появлению печатных книг предшествовали книги, написанные от руки. Книгам рукописным, в свою очередь, уступили место даинные свитки пергамента, — особым способом обработанной кожи. До изобретения пергамента наши предки использовали для письма бересту. А еще раньше, до того, как люди придумали письменность (те самые незаменимые малютки-буквы, без знания которых не прочитаешь ни книгу, ни газету, ни даже объявление о том, какой фильм идет сегодня в соседнем кинотеатре...), памятными значками им служили рисунки и просто зарубки на дереве и на камне, хитроумные узелки на веревке...

Широкое распространение видеофонов, диктофонов и запоминающих кристаллов вовсе не будет означать исчезновения письменности вообще. Просто она поднимется в своем развитии на новую ступень, станет еще удобнее и совершеннее той ее формы, к которой привыкли мы, люди двадцатого века.

И еще одна очень важная оговорка. Путь письменности к новым ее ступеням отнюдь не зависит всецело от успехов одной только техники.

Людям каменного века, чей язык, по нашим представлениям, был чрезвычайно примитивен, а словарный запас исчислялся, может быть, всего лишь несколькими сотнями или даже десятками слов, — этим нашим первобытным предкам было бы просто ни к чему иметь гусиное перо и свитки пергамента. Ведь значительно большую роль, чем слово, играли у них жесты и мимика... Лишь когда разговорный язык неизмеримо вырос в своем развитии, стал достаточно гибким и богатым, — появилась необходимость и возможность сохранять наиболее важные знания не только в памяти, — она уже не вмещала накопленного опыта, — но и в записях.

Проходили века, все обильнее и разностороннее становился опыт человечества, ускорялись темпы накопления этого опыта, совершенствовался язык. Медлительное перо летописца, усердно вырисовывавшего каждую букву, уже не успевало все отразить и все запечатлеть. Нужны были более быстрые способы отражения того нового, что появлялось в жизни. В то же время все увеличивалось число людей, причастных к письменности, росла потребность во все большем количестве экземпляров написанного. Тут уже бессильны были переписчики. И человек «придумал» книгопечатание...

Не будем останавливаться на всех ступеньках, по которым успела прошагать письменность: и без того ясно, что совершенствование техники письма в первую очередь зависит от уровня, какого достигли человеческое общество в целом и его язык.

Ни в коем случае нельзя забывать, что письменность великим образом находится в сфере общественных отношений людей, выполняет определенные социальные функции. Почему, к примеру, даже в наши дни не сокращается поток деловых бумаг? Ведь

техническая вооруженность современного человека вполне позволяет сделать это! И все же мы, будучи в состоянии решить какой-то вопрос по телефону, непременно запасаемся бумажками, свидетельствующими: да, этот вопрос, действительно, решен...

Корни этой «привязанности» человека к «бумажкам» глубоки и многообразны. Это — и необходимость всестороннего учета и согласования действий великого множества людей. Это — и тот неоспоримый факт, что записать что-то — означает для большинства из нас закрепить это «что-то» в памяти, лучше усвоить это «что-то». Это — и мысль, образно выраженная в пословице: «Что записано пером...» И самые разнообразны — несть числа им! — иные факторы...

Новое пробивает себе путь в борьбе со старым. Не всегда понятие «борьба» надо понимать как яростную открытую схватку. Гораздо чаще борьба между новым и старым выливается в длительное соревнование, в котором побеждает то, что полнее и лучше отвечает требованиям вечно меняющегося времени. И письменность в этом смысле не составляет исключения.

Не вдруг и не сразу, а постепенно, медленно-медленно тесня установившееся, привычное для нас, будут входить в быт человека новые формы письменности. И даже став в свою очередь близкими и привычными для нас, они все еще будут сосуществовать с уходящими, отжившими формами.

И лишь когда общедоступные ныне печатные книги будут восприниматься далекими нашими потомками примерно так, как мы воспринимаем сегодня веревочные узелки, — лишь тогда станет неоспоримым утвержденный временем факт: письменность поднялась в своем развитии на новую ступень.

* * *

В заключение нашей беседы предлагаем тебе, читатель, ответить на такие вопросы:

1. «... — Это правда, Ронни? — спросил отец. — Ты действительно... действительно, читал книгу? Но как ты мог додуматься до того, чтобы стать Читателем? У тебя есть трехмерный видео в натуральную величину, и мы специально для тебя сделали к нему

тепловую, осязательную и обонятельную приставку. В школе ты можешь услышать любую пленку, какую захочешь. Ронни, неужели ты не понимаешь, что я потеряю место, если люди узнают, что мой сын — Читатель?..»

Панический страх героя перед книгами, столь ярко переданный в этом отрывке, поначалу наводит на мысль об упомянутом нами романе «451° по Фаренгейту». Не правда ли?.. Но это — не Брэдли. Кто же? И как называется произведение о маленьком Ронни и его «преступлении»?

2. Герой очень хорошо известной тебе книги «...открыл черный шкаф, взяла наугад одну из переплетенных в кожу, изъеденную червями, легкую пухлую книгу и рукавом осторожно отер с нее пыль. Желтоватые ветхие листы ее шли сверху вниз непрерывной, сложенной зигзагами полосой. Эти переходящие одна в другую страницы были покрыты цветными треугольниками величиною с ногти. Они бежали слева направо и в обратном порядке неправильными линиями, то падая, то сплетаясь. Они менялись в очертаниях и цвете. Спусти несколько страниц между треугольниками появились цветные круги, меняющие форму и окраску. Треугольники стали складываться в фигуры. Сплетения и переливы цветов и форм этих треугольников, кругов, квадратов, сложных фигур бежали со страницы на страницу. Понемногу в ушах (человека) начала наигрывать едва уловимая, тончайшая, изумительная музыка. Он закрыл книгу и долго стоял, прислонившись к книжным полкам, взволнованный и одурманенный никогда еще не испытанным очарованием: это была поющая книга...»

Из какой книги взята приведенная цитата? И смог ли бы предложенный здесь вид письма сыграть роль международного письменного языка, доступного каждому жителю нашей многоязыкой планеты?

3. Вероятно, тебе встречались и другие ситуации, в которые по воле фантастов попадали наши друзья-книжки? Подумай и, если вспомнишь, напиши нам: известное тебе одному может оказаться интересным и для других наших читателей. А на конверте с письмом не забудь после адреса редакции упомянуть нашу рубрику: «Мой друг — фантастика».

ФИАСКО В ЛОС АМИГОС

...Вот уже много лет Дункан Уорнер позарез нужен полиции и никому больше. И его вылавливают... Суд обрекает Уорнера на казнь, электрический стул ждет этого налетчика и убийцу.

Но инженерам из Лос Амигос показали явно недостаточными те две тысячи вольт, что уже начинали применяться для подобной цели в восточных штатах: ведь смерть преступника наступала там отнюдь не мгновенно... Уорнера ждет в шесть раз большее напряжение, — двенадцать тысяч вольт!

И вот — ток включен.

Но что это?

«Он был жив... Глаза его си-

яли, на щеках горел румянец, возможности иного — безопасно-свидетельствующий об отличном самочувствии...» Более того: этому новому Уорнеру, впрок заряженному электричеством, по меньшей мере лет пятьдесят не страшны ни виселица, ни револьверные пули. Они не причинят ему вреда.

Написанный в начале века рассказ Артура Конан-Дойля «Фиаско в Лос Амигос», содержание которого мы пересказали, — конечно же, всего лишь шутка. Кому из нас не встречалось стандартное: «Не влезай! Убьет!», — начертанное на мачтах высоковольтных линий? Еще бы, — сотни тысяч вольт! Это — мгновенная смерть для человека... Допущение о воз-

можности иного — безопасно-свидетельствующий об отличном самочувствии...» Более того: этому новому Уорнеру, впрок заряженному электричеством, по меньшей мере лет пятьдесят не страшны ни виселица, ни револьверные пули. Они не причинят ему вреда.

И все-таки есть в шутке Конан-Дойля и неожиданная доля прозорливости.

Современная медицина все смелее и шире использует электричество для излечения заболеваний. Причем не только электричество малых напряжений! В последние годы в медицинскую практику входит и облучение человека токами высокого напряжения. И притом напряжения — в сотни раз большего, нежели в рассказе Конан-Дойля...

Фантастический рассказ

А. ВАЛЕНТИНОВ

Рисунки Н. Мооса

Врешь ты, врушка! — дрожащим голосом сказала Ирка и на всякий случай шмыгнула носом. Теперь она могла зареветь в любую минуту.

— А вот и не вру! — отпарировал Рой и показал язык. — Конiec твоей няньке! Спроси кого хочешь.

— Не нянька, а Нянь, — всхлинула Ирка. — Это он, а не она.

Рой презрительно сунул руки в карманы.

— Нянь! Такого и слова-то нет... Эх ты, даже не знаешь, что робот — это и не он, и не она!

Ирке было шесть лет, и пока никто еще не делал ей замечаний, что она несколько вольно обращается с грамматикой. Да и мама называла робота Нянем. Очевидно, поэтому упрек оказался Ирке страшно обидным, и она наконец-то заревела.

— Рева-корова, рева-корова! — Мальчишка торжествующе запрыгал вокруг нее на одной ножке. Осенью он должен был идти в первый класс и поэтому от всей души презирал плакс.

Не переставая реветь, Ирка схватила горсть песка и — хлоп! — залепила Рою глаза. Теперь ревели оба. Но Ирка громче, от страха за содеянное. Унимать скандал прибежали мамы и роботы. Хотя роботы были ближе, мамы прибежали быстрее.

— Какая ты нехорошая, Ира! — сказала мама Роя, энергично нагибая сына над широким сосудом с водой, принесенным догадливым роботом. — Ваш тоже не лучше, вечно дразнит девочку...

Мама Роя негодуяще фыркнула, ткнула сына головой в воду так, что он пустил пузыри, и потащила его прочь, громогласно излагая свои взгляды на «влияние улицы».

— А чего он врет, что Нянь пойдет в переплавку! — захныкала Ирка, предупреждая родительский гнев.

Теперь они сидели на скамеечке из разноцветного пластика, укрытые от других детей тяжелой стеной сирени.

— Что за выражение! — возмутилась мама. — Нельзя говорить «врет», это нехорошее слово.

— А если он врет... — захныкала Ирка.

— А если не врет? — строго сказала мама, и Ирка испуганно замолчала. — Ведь если наш Нянь не сдаст экзамены, его действительно отправят в переплав.

Ирка угрожающе засопела.

— Не реви! Так полагается. Роботы должны все время совершенствоваться. А Нянь очень старый. Когда я была такой, как ты, он уже жил у нас. Тогда он казался хорошим и умным, а сейчас... — Мама пожала плечами. — У него ограниченное количество ячеек, и они давным-давно заполнены.

Ирка снова заревела. Уж очень все это было страшно.

— У тебя будет другая нянька, гораздо лучше...

— Не хочу другую, не хочу!

— Хватит! — Мама повысила голос. — Нянь железный, грубый и знает только старинные сказки. А у тебя будет органическая нянька, нежная, ласковая, как у Тани. Вон она. Видишь, какая симпатичная!

Сквозь просвет в сирени мама показала на изящную молодую женщину, сидевшую на скамеечке с двумя такими же миловидными подружками. Все трое увлеченно орудовали карманными синтезаторами, создавая красивую детскую одежду, и оживленно переговаривались.

— Да-а... Она с Танькой и не играетя вовсе, только кричит на нее. Вон Танька на дерево влезла, а она и не видит...

— Ну, как бы то ни было, если Няня забракуют, у тебя будет такая, — сказала мама, поднимаясь. — Мы и сами не хотели бы менять Няня, раз уж ты к нему привыкла, но что поделаешь... — Мама поправила Иркин бантик и поцеловала ее. — Мне пора на работу, а ты беги к ребятишкам. Только смотри, не валяйся на песке.

У скамейки с роботами мама остановилась, что-то строго сказала, и белокурая нянька, неохотно отложив синтезатор, пошла снимать Таньку с дерева.

Дети играли в такриотов. Это была любимая Иркина игра. Ирка никому не уступала роли отважного Предводителя цивилизаторов, который пробивался со своим отрядом сквозь ядовитые туманы планеты Такрии. Особенно ей нравилось, когда в схватке с электрическими змеями Предводитель падал, красиво раскинув руки, успев перед этим крикнуть: «Вперед, ребята!» Нравилось потому, что в этот момент наступала почтительная тишина, и в толпу цивилизаторов врвался перепуганный Нянь. Его мощные руки поднимали Предводителя, отряхивали от песка и под конец награждали ласковым железным шлепком.

Но сегодня Ирке было не до игры. Она медленно брела по дорожке, машинально обрывая сиреневый цвет.

Сейчас Няня, ее доброго старого Няня злые экзаменаторы тащат к огромной, бушующей пламенем печи... Ирке не пришлось еще бывать на экзаменах, и представляла она их именно так.

За кустами сирени, на песчаной полянке, ребята начинали игру. Рой тотчас воспользовался отсутствием Ирки и объявил себя новым Предводителем. В болотах Такрии новый командир громко ободрял цивилизаторов, ряды которых ревели в битве с «плюющимися пиявками». Ирка, услышав голос Роя, невольно остановилась.

— Да-а, понарошке-то каждый может, а ты вот взаправду попробуй! — вслух произнесла она, ревниво отмечая, что ее недруг совсем неплохо командует.

Дорожка оборвалась. Здесь был выход на улицу — два пластиковых столбика, а между ними пустота. До сих пор эта пустота была для Ирки тверже каменной стены: выходить одной с детской площадки ей категорически запрещалось. Но как должен поступить храбрый Предводитель, если гибнет друг?..

У края тротуара стояла колонка для вызова машин. Ирка тысячу раз видала, как взрослые вызывают машины. Набрал побольше воздуха, она бросилась вперед и обеими руками нажала кнопку. На колонке зажглась лампочка — заказ принят.

В Иркином характере была черта, уже теперь беспокоившая ее родителей: решившись на что-нибудь, она упрямо добивалась своего. Вот и сейчас, уже ничего не боясь, она скользнула в открытую дверь серой «черепахи», опустившейся у колонки.

— Отвезите меня, пожалуйста, туда, где роботы сдают экзамены, — попросила Ирка, низко нагибаясь к микрофону, словно не была уверена, что автомат-водитель услышит ее.

«Черепаха» дернулась и застыла. Впереди, на панели, вспыхнул рубиновый глазок.

— Простите, вы человек или робот? — неуверенно спросил автомат.

— Я человек, — с достоинством сказала Ирка. — И, пожалуйста, поторопитесь. Я очень, очень спешу!..

«Черепаха» летела по улицам. Промелькнули разноцветные жилые районы, прошелестел лесной барьер, отделяющий жилую часть города от административной, и вот уже прямо по ходу выростала и надвигалась на Ирку двенадцатизатяжная громада учебного комбината роботов.

Тяжелые двери медленно разошлись. Здесь Ирка все-таки оробела и чинно вступила в вестибюль, выдержанный в серых спокойных тонах. Он был громаден и пуст. Серо-белые плитки пола, крупные у Иркиных ног, чем дальше, тем казались меньше и меньше. Далеко-далеко, у лестницы, они были не больше горошины. Ирке нужно было подняться по этой лестнице, но как же страшно оказалось перебежать огромный пустой зал, где каждый шаг отдается в вышине, как далекий весенний гром! В нескольких шагах от нее светилась стеклянная будочка — справочная. Но возле нее стоял робот, а Ирка побаивалась незнакомых роботов. Поэтому она не стала ничего спрашивать, а одернула юбочку и, прогрохотав по белым и серым квадратам, единым духом взлетела на второй этаж. Здесь она остановилась — отдышаться и сориентироваться.

Шла ежегодная переаттестация. Роботы бесцельно бродили по коридору, задевая друг друга плечами; звон стоял, как на рыцарском турнире. Иные застыли у окон темными статуями, другие, задрвав головы к потолку, что-то гудели себе под нос, точь-в-точь студенты во время сес-

сии. И у всех рубиновые зрачки горели с перекалом: давал знать о себе инстинкт самосохранения, заложенный в роботов в те далекие времена, когда их было мало, а стоили они дорого.

Внезапно все насторожилось. Наступила тишина. Роботы стали потихоньку отступать к стенам. Ирка с беспокойством завертелась, не понимая, почему с такой поспешностью освобождается середина коридора. Она не видела ничего страшного в маленькой тележке на трех колесиках, быстро приближавшейся к ней, но на всякий случай тоже отошла в сторону.

Тележка лихо развернулась перед одним из классов, двери распахнулись и снова закрылись за ней. Через две минуты она показалась вновь. Теперь на ней неуклюже восседал робот. Тележка медленно поехала обратно, провожаемая взглядами рубиновых зрачков. Роботы не жалели приговоренного: если ты не соответствуешь — тебе одна дорога... Но ведь рано или поздно каждый очутится на его месте.

Будь Ирка постарше, она знала бы, что производство роботов достигло такой стадии, когда модернизация устаревших моделей стала просто экономически нецелесообразной. Дешевле было изготовить новый механизм. И вот страшная тележка отвозила не выдержавшего экзамен на слом, в переплав.

Но Ирка, к счастью, ничего этого не знала и спокойно пробежала мимо. Она неслась вдоль коридора, заглядывая во все классы.

Экзаменующиеся, с беспокойством поглядывая на секундомер, рассчитывали орбиты звездолетов, стараясь учесть при этом влияние всех возможных небесных тел. В других классах они с помощью биотоков управляли работой громадных синтезаторов, из рупоров которых густо тек черный дым, материализуясь в самые разные подчас весьма заманчивые вещи. Ирка ахнула, когда по полу со звоном запрыгал трехколесный велогравилятор...

В следующей комнате было полутемно, и эту полутьму прорезало причудливое кружево синих молний. Воздух здесь был такой свежий, что щипало нос. Но Няня нигде не было.

Ирка поднялась на третий этаж, потом на четвертый. Она видела удивительные вещи. На ее глазах глухая стена медленно растаяла, и в золотистом мерцании, крутятся и разбрызгивая искры, в класс вплыла незнакомая планета. Маленькая, как глобус, но настолько четкая, что можно было разглядеть и реки, и горы, и даже города. Открыв еще одни двери, Ирка оторопела, и бант приподнялся на ее голове. В расплывающемся цилиндре кроваво-красного света, дрожащем между двух магнитов, стояло удивительное существо. У него было три руки и три ноги, зато головы не было вовсе. В верхней части груди сверкали три круглых глаза, расположенных треугольником, а под ними угрожающе щелкал огромный хищный клюв. Чудовище метнуло свирепый, будто три клинка, взгляд, и Ирка, завизжав, опрометью бросилась наутек.

В себя она пришла уже в вестибюле. Двери медленно разошлись, выпуская ее на улицу. Она уже вышла на светлую полоску тротуара, но тут подумала, что Предводитель, ее любимый герой, так бы не поступил...

Вздохнув, Ирка вернулась, подошла к справочной будке.

— Скажите, где сдают экзамены домашние роботы?

— По какой специальности? — равнодушно спросил автомат.

— Он Нянь,— сказала Ирка и уточнила:— Мой Нянь.

— Назовите индекс.

К счастью, индекс Ирка помнила, и ответ последовал почти немедленно:

— Седьмой этаж, семьсот сорок вторая комната. Ваш робот приступил к сдаче экзамена три минуты двадцать восемь секунд назад.

Ирке понадобилось полторы минуты, чтобы добраться до класса.

Будь на ее месте взрослый, он бы основательно подумал, прежде чем толкнуть дверь со светящейся надписью: «Идут экзамены». И не потому, что это было бы, скажем, опасно для жизни: экзаменующийся мог работать, например, с полями высокой напряженности. В этом случае дверь не открылась бы. Просто войти — значит отвлечь внимание работающих, нарушить нормальный ход экзамена, то есть совершить вопиющую бестактность. И нельзя сказать, чтобы

Ирка этого не понимала. Отлично понимала и даже на мгновение замешкалась. Но тут же упрямо тряхнула бантом и в два прыжка очутилась возле своего Няня.

Ему было плохо, это она увидела сразу. Мощная фигура робота как-то съжилась, обмякла, по телу катились капли горячего масла. Ирка крепко обхватила Няня за ногу и... отчаянно заревела.

Члены экзаменационной комиссии растерянно вскочили со своих мест. Их было трое — людей, а не роботов. И вели они себя чисто полюдски: бестолково суетились, спрашивали друг друга, что все это значит... Наконец кто-то догадался подать виновнице перелопеха стакан с водой.

Ирка капризно оттолкнула его.

— Вы — нехорошие и злые! — выкрикнула она, размазывая по щекам слезы. — Не отдам вам моего Няня, не отдам!

— Простите, — строго сказал председатель комиссии, — но ваш робот не знает даже таких элементарных курсов, как «Теория дифференцированной микротрансформации применительно к сказкам» и «Теория качественного перехода интонаций в колыбельных песнях»...

— Подумаешь! — сказала Ирка с ненаигранным презрением. — Я и сама их не знаю!

Сама того не понимая, она применила великолепный тактический ход. Ведь чем нелепее аргумент, тем труднее его опровергнуть... Заметив же, что противники в замешательстве и не знают, что сказать, Ирка уверенно перешла в наступление.

— Я без Няня не уйду! — воскликнула она и зарыдала навзрыд, горько и безутешно.

Этого Нянь не смог вынести. Инстинкт дет-

ской няньки сработал безошибочно: железный колосс, способный с корнем вырвать дерево, нежно уложил девочку на согнутые руки и стал напевать колыбельную. Голос у него был грубый, хриплый, но Ирка медленно закрыла глаза, и лицо ее разгладилось.

Члены комиссии нервно совещались в углу.

— Эта привязанность к роботу прямо-таки удивительна...

— Да-да, тем более в наше время, когда их меняют, как одежду. Честное слово, я даже растрогался...

— Но позвольте, он же не знает теории!

— Да, но практика, практика... А потом, коллеги, простите за крамольные мысли, зачем няньке теория? Нет, нет, я не отрицаю, конечно, но все-таки согласитесь: для того, чтобы вытирать ребенку нос...

— Ну, это вы, извиняюсь, загнули... Теория, конечно, необходима. Вопрос в том, имеем ли мы право уродовать детскую психику...

Нянь пел и качал Ирку. Ему было уже все равно, что решат эти взъерошенные, взволнованные существа.

Комиссия вернулась за свой стол, и председатель значительно кашлянул.

— Послушайте, робот, — сказал он шепотом, чтобы не разбудить Ирку, и растерянно развел руками: — Комиссия, так сказать, сочла возможным...

Когда за спиной Няня с глухим стуком сошлись тяжелые двери комбината, Ирка открыла хитрый глаз и рассмеялась:

— Бежим скорее, а то еще раздумают!

Она мигом вскарабкалась к Няню на шею и лихо пришпорила его пятками.

УДАЧЛИВЫЙ ПРЕДОК КЭЙВОРА

Первооткрывателем кэйворита, возвестившего в фантастике эпоху антигравитационных кораблей и аппаратов, мы обычно считаем чудаковатого изобретателя Кэйвора и родного его отца Герберта Уэллса. Оно и понятно: попробуйте-ка назвать фантаста, который догадался бы «открыть» это заманчивое вещество до Уэллса!

А что, если и вправду — попробовать?

...Отважный Доминико Гонсалес попадает на Луну. В кол- лекции диковинок, которыми властитель лунного мира оде-

лил предприимчивого искателя приключений, достойное место нашел себе камень эболоус. «Если приложить его к голому телу, он снимает все заботы и делает тело невесомым. Но если повернуть его другой стороной, он усиливает земное притяжение и придает телу вес вдвое больше прежнего...»

Пусть вас не смущает излишне вольное толкование природы тяготения. Ведь это ничуть не помешало Гонсалесу в решительный момент, когда при возвращении на Землю его летательной машине грозит падение, прибегнуть к помощи

чудодейственного камня. «По- размыслив, я решил, что сей- час или никогда настало время воспользоваться моим эболоусом. Я приложил его к обна- женному телу и...» И призем- ление завершилось вполне благополучно.

Так английский епископ и литератор Фрэнсис Годвин в книге «Человек на Луне», из- данной в 1638 году, за двести шестьдесят лет до Уэллса предвосхитил знаменитое «от- крытие» Кэйвора.

откуда это слово

В говорах очень много выразительных синонимов¹. Интересны они тем, что, кроме общего значения, часто несут в себе дополнительную характеристику, очень яркую и образную. Такие слова есть среди существительных, прилагательных и глаголов. Мы рассмотрим одни лишь существительные, которые обозначают человека по его занятию или личным качествам и дают ему какую-то характеристику.

Для слов разного происхождения имеется масса различных суффиксов, перечислить которые здесь нет возможности. Возьмем один из них, — **ень**. В литературном языке известно несколько слов с этим суффиксом: **баловень**, **увалень**, **дурень**... В диалектах, кроме этих, встречаем: **блудень** — бродяга, праздношатающийся человек, **лежень** — лентяй, **сидень** — ребенок, который не ходит, **плетень** — болтун, сплетник: «Экой он плетень — чё-нибудь да соврети!».

Откуда, например, взялось слово **вахлак**? Так называют грубого, неотесанного, невежливого человека, неумелого и к тому же ленивого. В некоторых говорах сохранился глагол **вахлять** — делать кое-как, неумело, неуклюже; отсюда и появилось вахляй, вахлак. Или вот еще **мехряк** — толстый, неповоротливый человек. Оно восходит к карельскому **мегря** — барсук, занесено на Урал переселенцами с Севера. Заимствованы из тюркских языков: **байбак** — лодырь, **варнак** — хулиган, **чумак** — недотепа.

Из слов на **арь** отметим: **лыттарь** — лентяй (тот, кто лытает, уклоняется от работы); **чунарь** — человек с причудами, чудной; **пластать** — плохой лекарь (тот, кто пластает, режет на части ножом). А вот слово **пласарь** — спекулянт — довольно загадочно. Есть в говорах глагол **пласарить** — торговать, спекулировать: «Ей чё дивья жить-то, ни ребят, ни котят; всю войну на базаре пласарила семечками». Откуда эти слова? Нам кажется, что **пласарь** — это искаженное слово **прасол** — торговец скотом, известное в южнорусских диалектах. Попав на Урал, оно расширило и изменило свое

значение: сначала «торговец» вообще, затем — спекулянт.

Из слов на **арь** интересны также: **ламырь**, **жогарь**, **братарь**, **чеботарь**, **шишкарь**, **щегарь**, **шахтарь**. **Лымарь** означает — рослый человек. Происхождение этого слова неизвестно. В украинском языке **лымарь** — шорник. Есть ли между ними какая-нибудь связь? **Жогарь** — это жулик, пройдоха. Слово связано с глаголом **жечь** (сравните **прожженный плут**). **Братарь** — просто брат, без всяких дополнительных оттенков. Слово это интересно тем, что сохраняет древнейшую форму (в древности было **братр**, сравним латинское **фратэр**, немецкое **брудэр**, индийское **бхратар**).

Слова с суффиксом **ец** также разнообразны по значению. Среди них — названия по характеру деятельности: **помалец** — рабочий на мельнице; **швец** — портной; или по месту жительства: **туринец** — от реки Тура, **фоминец** — от села Фоминское. Есть такие, как **поселец** — поселенец, **убивец** — убийца, **бывалец** — бывалый человек, **урожденец** — уроженец, **малец** — мальчик.

А вот очень странное слово: **стабрец** — некрасивый человек. **Может быть, читатели помогут разыскать, объяснить его происхождение?**

Среди слов на **ец** имеется такое старинное слово, как **вежливек** — колдун, охраняющий свадьбу. В древности были распространены всякие суеверия и приметы, и без вежливица не обходилась ни одна свадьба. Иначе он, обидевшись, мог «напустить порчу», «сглазить». Слово происходит от **вежливый**, которое значило не только учтивый, но и знающий что-либо (в частности, приемы колдовства, заклинания).

И еще отметим слова: **самец**, **проходимец** и **выходец**. Если в литературном языке **самец** обозначает биологическую особь мужского пола, то в говорах оно значит «самостоятельный человек»: «Сосед у нас, Гринька-та, такой **самец**, сам все делает, все у него есть, к нам ни по чё не ходит». А слово **проходимец** обозначает совсем не жулика, не афериста, а опытного, бывалого человека: «Дедушко-то наш — **проходимец**, всю Россию прошел, всего навидался». **Выходец** — странник, путешественник или просто нездешний: «Петровна, это

у вас выходец-то ночевал?» Или: «Хто его знат, не здешний он человек, выходец».

Кто хочет подробнее познакомиться с особенностями уральского словообразования, пусть прочтет статью сотрудника Пермского университета доцента Л. В. Сахарного в сборнике «Вопросы истории и диалектологии русского языка».

Немало удивительного и в словах женского рода. Так, в диалектах **товарка** — подруга в литературном языке отсутствует. Есть лишь слово мужского рода — **товарищ**. Некоторые слова женского рода выступают в говорах с иными суффиксами, чем в литературном языке, например: **ткаля**, **пряля** вместо **ткачиха**, **пряха**; **шитница** вместо **швея**; есть и **бригадирша**, **директорша**, **учительша**, **коношиха** (женщина-конош) и даже... **заклубка!** Все эти слова, впрочем, более или менее понятны. Но вот перед нами такой ряд: **пострадка**, **начинщица**, **овыденка**, **шабретка**, **аржануха**, **ряха**.

Пострадка — это не та, которая пострадала, а та, которая нанялась на стразу, на покос; **начинщица** не имеет дела с начинкой пирогов или конфет, это — **зачинщица**; **овыденка** — девушка, имеющая мало платьев (от **овыденный** — **обыденный**, **повседневный**); **шабретка** — это соседка, **аржануха** — это крепкая, здоровая, не изнеженная девушка, выросшая на ржаном хлебе; а **ряха** — это чистоплотная, в противоположность **неряхе**. Еще добавим: **волхитка** — колдунья, **манхвостка** — сплетница, **обдворница** — побирושка.

В заключение — еще одна загадка. Что, по-вашему, могут означать в диалекте слова: **тупик**, **ушник**, **боровик**, **попечечник**, **подорожник**, **чайник**, **немка**, **слонина**, **безработица**, **жерло**, **глухота?**

Ответ просим прислать в редакцию.

В. ЖИТНИКОВ, кандидат филологических наук

¹ См. «Уральский следопыт» №№ 3, 4, 5.

ИЗ КНИГИ ПРИРОДЫ

Ай да муравьи!

Муравейник стоял неподалеку от дороги, на самом видном месте. Как солдат на посту. Всякий раз, возвращаясь из леса домой, останавливался я у муравейника. Уж очень мне нравилось наблюдать за этими работягами. Поджарые и деловитые муравьи сновали туда и сюда, не зная усталости, и, казалось, всегда находились в превосходном настроении. И я думал, что вряд ли их посещают те неприятности и невзгоды, которые отведены природой на нашу человеческую долю. Но... ошибся.

Как только на озере Глухом начался клев рыбы, сюда потянулись рыбаки. Многие из них в поисках муравьиных яиц стали разрывать муравейник. Ладно бы, собрали снова. Так нет! Разроют до основания и уходят. А так как рыбаков было этим летом много, то ковыряли муравейник палками почти каждый день. И каждый день муравьи принимались восстанавливать свое разрушенное жилище.

Я думал, что они в конце концов сдадутся, погибнут или разбредутся кто куда. Но опять ошибся.

Однажды по дороге домой машинально гляжу в сторону муравейника и буквально столбенею. Исчез! Растерянно оглядываюсь по сторонам. Пусто. Но что это? Едва приметные дорожки по земле. Взглядом скольжу по ним. И — неужели возможно такое? Муравейник жив! Он стоит теперь посреди колючего, почти непроходимого кустарника, который надежно ограждает его от непрошенных гостей.

Даровой лещ

Как-то ранним июньским утром я вышел на балкон дома охотника, что на озере Глухом. Кругом тишина.

Вдруг с правого берега озера стали доноситься голоса. Прислушиваюсь. Ага! Опять у кривой березы рыбаки спорят за место...

Есть на Глухом озере такая кривая береза, где неплохо берут подлещик, лещ и даже язь. Из-за этого места постоянные раздоры. Однако на сей раз не обошлось без курьеза. Пока два рыбака спорили, лещ утащил в озеро удочку.

В этот день гостил у меня знакомый. Рассказывает: плыву на лодке и вижу — удочка на воде. Поднял ее, а там лещ! Если не соврать, граммов на восемьсот.

Удочку он на радостях подарил мне, а леща увез, пообещав, что в ближайшее время снова вернется на озеро. Видимо, решил, что так ему будет везти каждый раз...

Д. КЛЕЩЕВ

ГРАНЕНОЕ СЛОВО

Природа — единственная книга, содержание которой одинаково значительно на всех страницах.

В. Гете

Природа не признает шуток; она всегда правдива, всегда серьезна, всегда строга; она всегда права; ошибки же и заблуждения исходят от людей.

В. Гете

Природу нельзя застигнуть неяршиливой и полураздетой, она всегда прекрасна.

Р. Эмерсон (американский философ)

Грандиозные вещи делаются грандиозными средствами. Одна природа делает великое даром.

А. И. Герцен

Природа не может перечить человеку, если человек не перечит ее законам.

А. И. Герцен

Пока люди не знают сил природы, они слепо подчиняются им, а раз они узнали их, тогда силы природы подчиняются людям.

Г. В. Плеханов

Все действия всех животных не сумели наложить на природу печать их воли. Это смог сделать только человек.

Ф. Энгельс

Разница человека с животными именно в том и состоит, что он только начинается там, где животные уже оканчиваются.

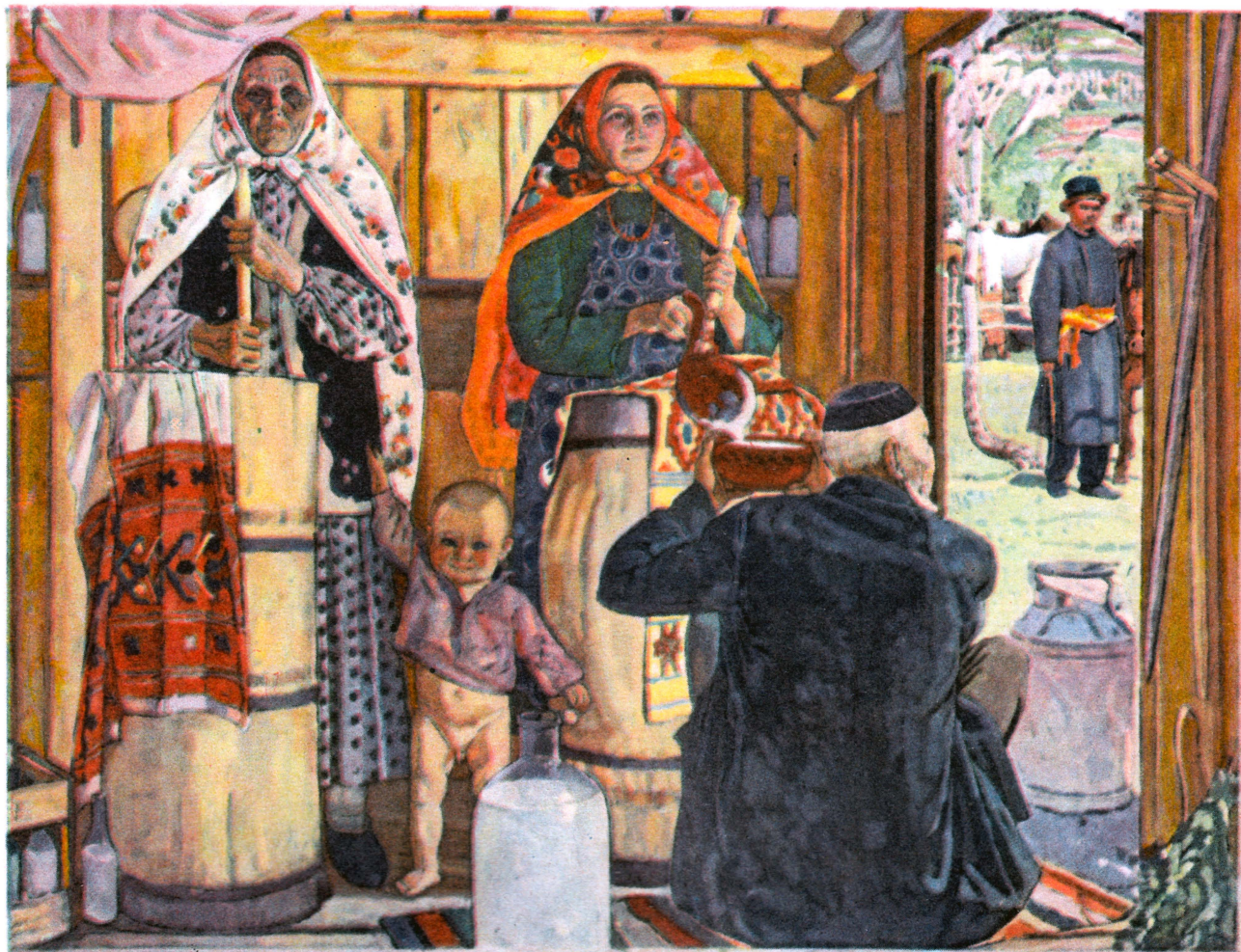
В. Г. Белинский

В каждом человеке природа исходит либо злаками, либо сорной травой; пусть же он своевременно поливает первое и истребляет второе.

Ф. Бэкон (английский философ)

...Обстоятельства в такой же мере творят людей, в какой люди творят обстоятельства.

К. Маркс и Ф. Энгельс

Ф. КАЩЕЕВ (Уфа).

БАШКИРСКИЙ КУМЫС

Г. КРОЛИС (Рига).

ЗРЕЛОСТЬ.

Ф. САБИРЗЯНОВ (Уфа).

АЛИ-БАТЫР

Д. БРЮХАНОВ

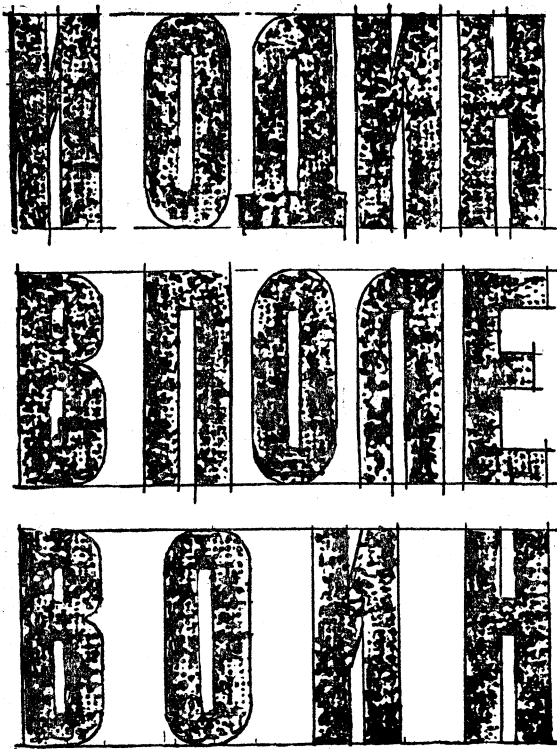
Магадан

ЧУКОТСКАЯ СКАЗКА

С. КИПРИН (Свердловск).

Приключенческий роман

Юрий ДОЛЬД-МИХАЙЛИК

Рисунки С. Киприна

Глава вторая

НА СЦЕНЕ ПОЯВЛЯЮТСЯ ТРОЕ

— Сеньор Матини еще не вернулся?..

Стефания огоненной по локоть рукой вытерла пот со лба, кряхтя разогнулась и бросила выбивалку на кучу половиков. Цепким взглядом окинула молодую женщину, как бы взвешивая: ответить ей просто «нет» или рассказать подробно, куда и зачем поехал сеньор доктор и как бог вознаграждал его за все лишения, вежливость и доброе сердце.

Скромный наряд и отсутствие косметики говорили в пользу незнакомки, но ее нетерпеливость не понравилась Стефании: «Второй раз приходит, и так горюет, что не застала...»

Стефания не могла побороть чувства жалости к незнакомке.

¹ Начало см. в № 9.

— Уехал он, и ни слуху, ни духу. Все они одним миром мазаны.

Растерянность, почти отчаяние промелькнуло на лице женщины. Минуты две она стояла, словно колеблясь: сказать что-то или не сказать, потом молча кивнула и быстро пошла к воротам.

На улице силы, казалось, совсем покинули Агнессу. Прижавшись плечом к ограде, женщина бессмысленно посмотрела вперед, не решаясь двинуться с места, не зная, куда идти. Ведь она не могла вернуться домой ни с чем.

Волнения и усталость, связанные с путешествием, окончательно свалили Иренэ.

Вначале все как будто шло хорошо. В небольшой гостинице на Кола ди Риенцо Агнесса сняла хороший номер — солнечный, с большим окном и балконом. Иренэ очень радовалась, что они живут недалеко от Ватикана. Сам воздух казался ей здесь целебным. Но уже на следующий день после приезда девочка стала слабеть, а после тревожной ночи не смогла даже сесть. Вместе с этим пришло полное равнодушие ко всему и ко всем.

Оставив девочку на служанку, которую ей порекомендовала хозяйка гостиницы, Агнесса бросилась разыскивать Матини, успокаивая себя тем, что через полчаса придет знающий врач, и не просто врач, а еще друг Фреда, и уж он-то не оставит их без помощи. На поиски нужного номера по улице Двадцатого Сентября ушла масса времени. Таксист нарочно плутал по городу, а когда, наконец, Агнесса нашла дом, в котором жил Матини, выяснилось, что доктор в отъезде. За вознаграждение в тысячу лир шофер обещал помочь беде.

— Доктор, пхе... Я привезу вам профессора, первейшее светило Рима. Мертвых воскрешает! Четверть часа — и он будет у вас.

Но только вечером хозяйка гостиницы привела в номер болезненного вида старика, который плохо видел, плохо слышал и, очевидно, давно оставил практику. Осмотрев больную, он долго сидел, задумавшись над рецептным бланком.

— Не знаю, сеньора, правильно ли вы меня поймете. Все вы слишком уж верите в исцеляющую силу лекарства. Но элексира жизни, сеньора, нет. Что же, я выпишу вам одну микстуру. Надеюсь, она облегчит нынешнее состояние девочки. Учтите, я говорю только о нынешнем состоянии. А больной необходимо специальное систематическое лечение. И мой вам совет: не теряйте времени.

«Не теряйте времени... не теряйте времени...» Слова эти непрерывно днем и ночью стучат в висках. Как надеялась Агнесса, что хоть сегодня застанет Матини и он ей что-то посоветует. А выяснилось — снова надо ждать, ждать неизвестно сколько, надеяться неведомо на что.

С улицы Двадцатого Сентября Агнесса вышла на дель Кривиналле, машинально миновала перекресток, где ей надо было свернуть на площадь дель Пополло. Брать такси не хотелось. Запертая в четырех стенах гостиничного номера, Агнесса чувствовала себя скованной. Еще не так давно, у себя дома, когда нестерпимо хотелось разрядки, движения, она могла вскочить на коня и мчаться наугад, без цели, — только бы видеть перед собой простор, слышать, как свистит в ушах ветер, жадно глотать пьянящий, ароматный воздух. Теперь в этом большом городе весь мир ограничен для Агнессы маленькой точечкой. Такой крошечной, что даже пресвятая мадонна ее не видит. Ведь за каждым окном, за каждой стеной к ней простираются руки, умоляя отвести беду. Где уж мадонне

услышать голос Агнессы, которая даже на этой улице затерялась, словно песчинка на укатанной дороге. А если взять весь город, весь мир... Сколько их, таких матерей, как она, обращают свои мольбы к небу? Нет, не надо думать об этом, а то становится страшно. Так страшно, что хоть головой в Тибр...

Большая зеркальная витрина кондитерской на дель Корсо искушала прохожих тысячами соблазнов. Сегодня ее оформили по-новому. Маленькие гномики в ярких одеждах катили крохотные тачечки, наполненные мелкими разноцветными леденцами. Гномики сновали взад и вперед среди возвышений из конфет и пирожных, огромных тортов и шоколадных пирамид. Маленькие человечки двигались так весело и быстро, совершали такие головокружительные виражи, что витрина привлекала внимание не только детворы, но и взрослых. Невольно остановилась и Агнесса.

«Может, Иренэ тоже посмеялась бы,— подумала она с тоской.— Может, ей купить что-нибудь...»

Реклама делала свое: в кондитерской былолюдно как никогда. Продавцы едва успевали взвешивать, заворачивать пакеты, приветливо улыбаться, извиняясь за то, что посетителям приходится ждать.

— Так проходит день,— жаловалась молодая женщина, которая стояла у прилавка рядом с Агнессой.— Если времени в обрез, обязательно тебя что-то задержит. Вы не замечали?

— Я не тороплюсь, синьора, а вы, я вижу, спешите.— Агнесса чутьочку посторонилась.

— О, вы не так меня поняли! Уверю вас, я совсем не имела в виду... Хотя... если несколько лишних минут не имеют для вас значения.— Женщина подняла на Агнессу красивые зеленоватые глаза и благодарно улыбнулась.— Мне для больного,— обратилась она уже к продавщице,— чего-нибудь вкусного и необременительного. Как вы думаете, вон то безе...

— Именно это и хотела вам предложить.

Когда женщине вручили покупку, она еще раз повернулась к Агнессе:

— Очень вам благодарна, синьора!

— И я вам тоже. Вы подсказали мне, что купить для больной...

Если бы Лидия внимательно присмотрелась к красивой, грустной покупательнице, может, она и догадалась бы, что рядом с ней стоит та, которую ей поручено разыскать. Но Лидия спешила.

Она забралась так далеко, чтобы купить самое лучшее и свежее, и потеряла массу времени. Даже автобусом Лидия еще долго будет добираться в район Трастеверэ. И от остановки до дома Чезаре идти да идти...

Прошлый раз Лидия была у Чезаре вместе с Куртом. Тогда они хорошо провели вечер — слушали пластинки, танцевали, вместе готовили ужин. И разговор за бутылкой вина был непринужденным, душевным. Вначале Лидия немного побаивалась Чезаре. Все-таки известный журналист. Но после того вечера, когда даже неразговорчивый Курт...

Ох, как ни убегаешь от этих мыслей, как ни заставляешь себя думать о другом, а неизбежно возвращаешься к тому, что болит. После отъезда Курта к матери в Германию Лидия совершенно потеряла покой. Она знает, чувствует: не может он делить свое сердце пополам. И дело не в матери, — та бы с радостью переехала к ним, — дело в другом: Курт сам не может жить на чужбине.

— Не поеду! Ни за что на свете! — категорически заявила Лидия, когда он первый раз заговорил о переезде.— Почему я должна уступить, а не ты?

— Потому что я, как немец, больше виноват перед миром! И долг всех честных немцев создать такую Германию, которая оправдала бы их перед человечеством.

— Можно подумать, что ты вслух читаешь газету... Человечество! Какие пышные слова! За счастье людей можно бороться и тут, в Италии. В любом уголке земного шара. Ты же и здесь не сидишь сложа руки.

— Нет, надо быть там, где может вспыхнуть пожар...

Они неоднократно возвращались к этому разговору, и всякий раз в душе Лидии нарастало смятение. Она понимала Курта, видела, что ей не уйти от окончательного решения. Но Лидия все время уклонялась от ответа, потому что тоже не могла разделить свое сердце пополам. Здесь земля ее предков, здесь родные сердцу могилы, здесь она вместе с партизанами боролась против фашизма...

В автобусе было жарко, голова кружилась от мыслей и духоты. Лидия стала пробираться к двери и все же чуть не проехала свою остановку. Пришлось спрыгнуть на ходу.

— И все им некогда, все им некогда,— ворчала дородная пожилая женщина, оказавшаяся рядом. Потом более мягко спросила: — Болит?

Лидия пошевелила ногой — ни капельки.

— Ну, твое счастье, девушка!

Нога действительно не болела, но ремешок на босоножке надорвался. И хотя Лидия пошла осторожно, он все-таки лопнул. Правда, уже во дворе дома, где жил Чезаре.

Присев у лестницы на какой-то ящик, Лидия вытащила из прически металлическую шпильку и, орудуя ею, пыталась закрепить проклятый ремешок. Но тугая проволока не гибалась, несмотря на все старания.

«Ну и черт с ним!» — Лидия потряхнула головой и рассмеялась, представив себе, как она выглядит... На одной ноге босоножка, на другой только носок, в руках нарядные, перевязанные ленточками, свертки, а рядом, на пальце, — злополучный туфель. Женщина прислушалась, не спускается ли кто-нибудь по лестнице, и вдруг отпрянула назад: вверху хлопнула дверь, послышались тяжелые мужские шаги.

Как часто людям может помочь случай или какая-нибудь мелочь. Не спрыгни Лидия с автобуса, не порвись ремешок — и она не увидела бы того, кто спускался по ступенькам. А возможно и столкнулась бы с ним лицом к лицу. Этого-то Лидии хотелось меньше всего.

Джузеппе!

Откуда он шел? Почему оказался именно на этой лестнице? Попал он сюда случайно или с целью?

Встревоженный вид Лидии обеспокоил Чезаре.

— Что, плохие новости?

— Нет. Просто, захромала на одну ногу. Видите? — Лидия рассказала о своем неудачном прыжке и даже рассмешила больного. Улыбка, коснувшись губ, отразилась в глазах, осветив бледное, измученное лицо.

Пока тетка Чезаре готовила чай, Лидия разложила на тарелочки пирожные, бананы, ананас и пошла в кухню мыть виноград. Тетка стояла у плиты, кончиком платка вытирая глаза.

— Вы видели, что они с ним сделали? — женщина повернула к гостю заплаканное лицо.

— А что говорит врач?

— Обострение процесса в легких. Из-за травм. Эти изверги топтали его ногами.

— В газетах было, что они арестованы.

Старушка безнадежно махнула рукой:

— Ну и что! Разве это прибавит Чезаре здоровья?

На глаза Лидии тоже набегали слезы, но она поспешила их вытереть. Нельзя, чтобы Чезаре видел ее волнение. И вообще нечего сокрушаться прежде времени. Может быть, все не так страшно...

Когда Лидия вернулась в комнату, больной лежал закрыв глаза. Страх закрался в сердце молодой женщины. Как он исхудал! Лицо казалось вылепленным из воска, окаменевшим.

Лидия тихонько, на цыпочках, прошла в глубь комнаты, села на низенькую скамеечку, спиной прижалась к прохладной стене. Хотелось тоже закрыть глаза, — так легче думается, ничто тебя не отвлекает.

А мыслей в голове столько, что никак не соберешь их воедино. Как это произошло? Воевали они с фашистами, чужими и своими. И не какая-нибудь горсточка людей, а огромная армия, можно сказать весь народ. Сколько полегло людей, сколько пролилось крови... Казалось, вымели из своего дома весь мусор. Но, выходит, не весь. Мели размашисто, да не очень тщательно. Курт, ты не прав. Бить в набат надо не только в твоём доме, а и в моем! Если бы я была более опытной, если бы я знала...

— Лидия, почему у вас такой грозный взгляд? — Чезаре, опершись на локоть, старался подтянуться повыше, но закашлялся и упал на подушки.

— Дайте, я помогу вам! Вот так... Ну, теперь удобно?

— Прекрасно... Так почему же вы, синьора, хмурились?

— Думала о тех мерзавцах, которые чуть не убили вас... Хорошо, что на месте оказались свидетели. Иначе этих бандитов не арестовали бы. Надо, чтобы в суде...

— Вы наивная женщина, Лидия. Суд если и будет, то скорый и несправедливый...

— Надо не ждать, пока они набросятся, а стрелять самим.

— Вы хороши в гневе...

— Вот и буду воевать. Уверю вас, я обязательно пойду на суд!

— И Рамони узнает, кто вы?

Если раньше Чезаре говорил полушутя, то теперь глаза его сердито поблескивали.

Лидия в замешательстве молчала некоторое время.

— Тогда надо отправить в суд других, — говорила она, не сдаваясь. — Целую делегацию. Чему вы так иронически улыбаетесь?

— Что значат эти три головореза? Целиться надо в другую мишень. И целиться не из ружья, а... он схватил со столика, придвинутого к кровати, стопку густо исписанных листочков, — а из этой дальнобойной пушки.

— Они пулями, кастетами, а мы их — пером? Вы говорите, три негодяя, покушавшиеся на вас,

ничего не значат? А если они убьют, изувечат одного, второго, третьего?

Заметив, что спор утомил Цезаре, Лидия заговорила о другом, о различных жизненных мелочах.

Ей очень хотелось рассказать о своей встрече с Джузеппе, но она боялась волновать больного.

А тем временем троица, над которой Лидия только что учинила суд, чувствовала себя превосходно. И сидели они вовсе не в тюрьме, как следовало ожидать, а за много кварталов от дома Цезаре — в квартире Джованни, любовницы одного из арестованных, Паоло.

Джованна собиралась уходить из дома и, сидя у туалетного столика, прихорашивалась, укладывая волосы то так, то этак.

— Слишком уж долго ты вертишься перед зеркалом! — буркнул Паоло. Его злило, что он не может побыть один на один с девушкой, что она уходит, что намерена заняться делом, которое ему не по душе.

— На одно место претендуют чуть ли не десять человек. И учти, отбирать будут не только по голосу. А тебе хочется, чтобы я выглядела неряхой?

— Ты знаешь, что я хочу: порядочной девушке — не место в баре.

— Хватит. Говорено-переговорено! Мне все равно, где петь, хоть в аду. Только бы выбиться в люди. Осточертело выколупывать грязь из-под чужих ногтей.

— А там ты сама с руками и ногами погрязнешь в болоте.

— Ну, знаешь, не тебе читать мне мораль... Я еще в тюрьме не сидела.

— Попридержи язык. А то... — Паоло, сжимая кулаки, вскочил с места.

— Только посмей! Я приютила их, а они!

— Паоло! Джованна! Вы что, взбесились? Хорошее прощанье перед разлукой. — Пьетро встал между девушкой и приятелем: — Эрнесто, належь им вина, пусть пьют мировую!

— Она выпила десяток сырых яиц, а ты — вино, — насмешливо хмыкнул Эрнесто, показывая на подоконник, где стояла тарелка, полная яичной скорлупы.

— И представьте себе, мальчики, сегодня ни одной сигареты... Но все же перед тем как идти, одну выкурю. У тебя какие, Пьетро?

— С виа дель Гамберо, от дядечки Сэма, «Камель». Устраивает?

— Еще бы!

Присев к столу, Джованна ждала, пока ей дадут прикурить. Паоло неохотно вытащил из кармана зажигалку, вспыхнул желтый огонек.

— Уже не сердись? — прикуривая, Джованна подняла на Паоло черные, удлиненные косметическим карандашом глаза. В них было все: страх и неуверенность, вызов судьбе и покорная готовность примириться с поражением. — Я нервничаю, я так нервничаю! — призналась она.

«У тебя для этого есть все основания», — подумал Паоло, но ничего не сказал, только успокаивающе погладил девушку по руке.

Когда Джованна ушла, все почувствовали облегчение. Озабоченная своими делами, она не очень-то расспрашивала, куда и зачем они едут, ее удовлетворил короткий ответ: «На север». Но в любую минуту в ней могло проснуться женское любопытство, и тогда пришлось бы изворачивать-

ся, а они даже толком не договорились, что отвечать. Их самих ошеломил внезапный ход событий и неожиданное освобождение из тюрьмы. А еще больше — задание, которое они получили. Теперь, без свидетелей, можно было со всех сторон обсудить то, что сказал им Батисто.

— Ну так что, ребята? — брови Эрнесто высоко поднялись и, словно два вопросительных знака, замерли на изборожденном морщинками лбу.

— А то, что нас не спросили, куда упрятать, и не станут спрашивать в дальнейшем. Приказано — выполняй! — Пьетро зевнул, потянулся до хруста в суставах и улегся на диван, перебросив через валик длинные ноги. — А впрочем, я даже не возражаю! Место курортное, обязанности не столь уж сложные...

— «Приказано — выполняй!» — передразнил Эрнесто. — Дурак! Я о другом. А что, если нам самим пошарить на вилле Петаччи? Не может быть, чтобы Кларетта вместе со своим братцем Марчелло что-нибудь надежно не припрятали. Они ведь гребли деньги лопатами. А драгоценности? Не так уж Кларетта была глупа, чтобы надеяться на вечную любовь дуче. Вот и надо...

— Так-так, продолжай, что же ты замолчал? — глаза Паоло сузились, в глубине вспыхнули злые искорки. — Ну?

— Какая муха тебя укусила? Я же ничего еще не сказал... В конце концов я забочусь не только о себе!

— А ты позаботься именно о собственной персоне! А то может так случиться, что и костей не соберешь... Думаешь, один ты умный, а все остальные дураки? Да на этой вилле каждый камушек ошупан и обнюхан.

— На кой черт тогда ее охранять?

— Ты с рождения дурак, или только притворяешься? Батисто полчаса болтал всякий вздор, а ты, выходит, только глазами хлопал... Пьетро, объясни ему, я ведь нетерпелив, и как только начинаю разъяснять, у меня сразу же кулаки чешутся.

— Миленький мой, послушай и запомни: Кларетта до конца была с дуче. Их вместе расстреляли, вместе выставили для глумления на Миланской площади. Какая она была в жизни, нас не касается. Смерть возвеличила ее. Она навеки и всенародно поставила ее рядом с дуче.

— Пусть так, но при чем тут вилла? Какого черта ее надо охранять.

— Ты не догадываешься?

— Представь себе, нет! Для меня это слишком мудрено.

— Значит, память о дуче для тебя ничто? Пусть ноги туристов топчут землю, по которой он ступал, пусть каждый, кому не лень, грязными башмаками лезет в его интимную жизнь, пусть по камешку растаскивают уютный уголок, где он так любил отдыхать... Тебе это безразлично?

— Демагогия. Громкие слова. Виллу охраняют не для этого. Батисто заморочил вам голову сказочкой для младенцев. Здесь кроется другое. Помяните мое слово. И дураки мы будем...

— Прикуси язык, пока тебе его не укоротили, — вскипел Пьетро. — Нам дано определенное задание, и это задание мы обязаны выполнить. А всякие домыслы не нашего ума дело.

— Не знай я этого Батисто как облупленно-го...

— Батисто, Батисто! Неужели ты думаешь, что он что-то решает? — вмешался Паоло. — Такая же пешка, как мы, только рангом повыше. За ним

стоят другие. А тебе впредь советую: прекрати эти разговоры.

— Ова! Командир нашелся! — огрызнулся Эрнесто, но увидев, как наливается кровью лицо Паоло, сразу же стушевался. — Я же по-дружески, а ты...

— Хватит, ребята! Сцепились, словно петухи. — Пьетро встал с дивана. — Давайте лучше допьем, что осталось, и сразимся в карты.

Все уселись за стол. Они были разными по характеру и внешне были разными, но их роднило нечто общее в выражении лиц: высокомерие и настороженность, жестокость и трусливая неуверенность.

С утра назлектризованные неожиданной перспективой освобождения из камеры предварительного заключения, они представляли себе выход на свободу совсем иначе. Каждый мечтал как можно скорее окунуться в обычный мир личных интересов и привычек. Поэтому заявление Батисто о том, что они должны покинуть Рим, неприятно всех поразило. И весь день друзья злились, придирались друг к другу, нервничали.

Приход посланца от Батисто положил конец очередной ссоре, а присланные деньги окончательно утихомирили страсти. Паоло, Эрнесто и Пьетро, поглубже нахлобучив шляпы, стали осторожно спускаться по лестнице, оставив на столе

пустые бутылки, огрызки сыра, пепельницы, полные окурков. Во дворе было прохладно и пусто. Все с облегчением вздохнули. На женщину, с которой они столкнулись у двери, никто не обратил внимания. Возможно потому, что она смущенно посторонилась. Знакомая покорность забитого жизнью существа при виде представителей могущественного сословия. Не им же уступать ей дорогу!

Не оглянувшись, они вышли на улицу и уселись в машину. Та сразу тронулась.

— Ну вот, все хорошо получилось! — весело воскликнул Паоло. — Теперь гони!

Он не сказал бы так, если бы поглядел в заднее стекло: женщина, мимо которой они так беззаботно прошли, не поднялась к себе в квартиру, а вышла на улицу и внимательно глядела вслед машине.

Одного из пассажиров она узнала, хоть и не верила своим глазам.

«Это не может быть... Он же арестован... Я обозналась...» — убеждала себя Лидия, глядя на опустевшую мостовую. А перед глазами во всех подробностях возникала отвратительная сцена, свидетелями которой были они с Куртом. Вскоре после того, как они переехали в этот дом, пьяный Паоло ошибся этажом и стал звонить к ним в квартиру. Все старания Курта вытолкнуть его за

дверь были напрасны. Потом слезы и вопли Джованни, которая прибежала за своим возлюбленным, и головы соседей, торчавшие над пролетом лестницы...

Нет, ошибиться она не могла: это был Паоло, а двое, которые шли следом за ним...

От мысли, кто были эти двое, у Лидии перехватило дыхание.

Глава третья

ЖУРАВЛЬ В НЕБЕ

В полдень, когда асфальт стал мягким, словно воск, а собственная тень измерялась одним шагом, Григорий и Вайс сидели в небольшой траттории за отделанным под мрамор столиком. Перед ними стояли оплетенная лозой бутылка «Кьянти» и графин, наполненный ледяной водой. В помещении было пусто. Только хозяин за длинной оцинкованной стойкой лениво переставлял бутылки с напитками. В конце стойки отчаянно крутил резиновыми крыльями вентилятор, стараясь разрядить плотную массу спертого воздуха.

— И все же здесь прохладнее, чем на улице,— вяло заметил Вайс. Его красноватые глаза из-под белесых бровей скользнули по лицу Григория.

Тот не ответил. Рассматривая незатейливый узор на вспотевшем графине, он думал об одном: как ему избавиться от Вайса хоть на два-три дня. За это время Григорий успел бы съездить в Анкони, куда, по словам Лидии, поехал Матини, и посоветоваться с ним, как устроить Агнессу. Пока Вайс рядом, это невозможно. Приехав в Италию, он под разными предлогами все время липнет к Григорию, старается не оставлять его одного. Понятно, радист поступает так не по собственной инициативе, здесь чувствуется чья-то указующая рука, очевидно, Шлитсена. Еще в Испании, в школе «Рыцарей благородного духа», после того как был запеленгован радиоприемник и установлено тщательное наблюдение за каждым, Григорий все время чувствовал на себе пристальный взгляд Вайса. Привлекает внимание еще один факт: за какие заслуги Вайс переведен из радистов в преподаватели радиотехники? Чем он выслужился?

Так это или не так, а от Вайса надо избавиться. В крайнем случае придется устроить так, чтобы Рамони отправил его куда-нибудь, конечно под благовидным предлогом. Но это может вызвать подозрение у такого проныры, как Вайс. Лучше всего повернуть дело так, чтобы он сам отбыл куда-либо на несколько дней. Придумать что-нибудь, связанное с поисками падре Антонио и Агнессы?

— Мне вреден климат Италии,— прервал размышления Григория Вайс.— Слишком уж жарко.

— В России вы тоже, верно, жаловались на климат, только по другой причине...

— Ну, Россия... Россия вообще не место для цивилизованного человека. Там могут жить только азиаты.

— Что же тогда потянуло в Россию?

— Мне кажется, вы знаете это не хуже меня,— бросил Вайс и, помолчав, добавил: — Честно говоря, в России я пробыл очень недолго.

— Где же вы были?

Вайс на миг поднял полупьяные глаза на со-

беседника, потом взгляд его расфокусировался, и вот он уже глядит сквозь Григория, сквозь стены, в пространство, в пустоту, в свое прошлое.

— Где я был?.. Где я был?..— в каком-то трансе повторяет Вайс, сжимая в кулаке недокуренную сигарету.— Я был в Заксенхаузене...

Его тусклый взгляд вдруг оживился. Вайс прилег грудью на стол и, дыша перегаром в лицо Григорию, заговорил:

— Да, я был в Заксенхаузене... Но я не имел ничего общего с лагерем. Ничего общего! У нас была фабрика. Прекрасно организованная фабрика! Я служил с оберштурмбаннфюрером СС Бернгардом Клюгером и Меркусом Пельцем. Вам что-нибудь говорит последняя фамилия? Вы слышали о таком? О, это человек с ясной головой и золотыми руками. Стоило ему только увидеть любую купюру, скажем, турецкую лиру или аргентинское песо, и он мог изготовить точнехонько такое же клише, слышите, абсолютно точнехонько такое... Да, Фред, по приказу руководящих органов райха мы печатали деньги. Конечно, не лиры и песо, а доллары и фунты стерлингов. Поглядите! — Он вытянул над столом руки.— Через эти шупальцы прошли миллионы фунтов стерлингов! Вы даже не можете себе представить, какая это масса денег... А доллары! Их мы изготовляли по полмиллиона в неделю! Я считал и упаковывал деньги.. Я бы мог соорудить из них постель, лечь* и зарыться в них с головой! Я бы мог оклеить ими стены, потолок и пол своей комнаты. Я бы мог...

Эх, да что там говорить! Все уплыло сквозь эти пальцы...

Вайс замолчал. Лицо его покрылось обильным потом. Он уставился на свои длинные, растопыренные пальцы, словно чувствуя, как хрустят в них новенькие банкноты, еще пахнущие типографской краской.

— И вам ничего не перепало?

Вайс опомнился: Потом, насупившись, неохотно бросил:

— Я был слишком мелкой сошкой по сравнению с другими. Боссы, заправлявшие делом, сбывали за границу фальшивую валюту и там обменивали ее на настоящую... Это они называли подрывом экономики враждебных стран и, почти не таясь, умножали свои доходы. А нам, мелкоте, ничего не перепало...

Григорий взглянул на Вайса. Серый, весьма скромный серый костюм, не очень свежая рубашка, замасленный галстук — все говорило о том, что владелец такого гардероба и впрямь не роскошествует. Не было это ни маскировкой, ни желанием остаться незамеченным в чужой стране. Тот же плохонький костюм он носил и в Испании.

«Да, Вайс, с деньгами у тебя туговато. А жадность после Заксенхаузена выросла непомерно. Тебе до сих пор, возможно, снятся колоссальные пачки долларов и фунтов стерлингов, они душат тебя во время ночных кошмаров... И ты протянешь руку за лакомым кусочком, если тебе такой подсунуть. Еще бы! По крайней мере одну истину ты усвоил превосходно: в мире, где ты живешь, главное — деньги!»

Григорий напряженно размышлял о том, как избавиться от своего опостылевшего спутника, выбирал один вариант, отклонял его, хватался за другой, тщетно стараясь убедить себя, что наконец-то он нащупал то, что нужно. Но трезвый ум предостерегал: не то, не так, этим его не заманить.

«А что, если подбросить Вайсу историю с письмами? — мелькнула неожиданная мысль. Такая неожиданная и дерзкая, что Григорий невольно улыбнулся. — Не решится. Не хватит ловкости. Побойтся, что такой кусок одному не проглотить... А может, наоборот? Может, именно дерзость задуманного и вдохновит его на такой шаг. Выгода ведь двоякая. Политическое реноме — раз, большие деньги, которые можно будет содрать, — два... И, конечно же, чувство реванша за все предыдущие обиды. Над этим следует подумать, поразмыслить. В этом кое-что есть...»

— Нам пора двигаться. Я обещал встретиться с Рамони. — Григорий поднялся и, помахав лирами, подозвал хозяина.

Вайс нахмурился. Фамилия Рамони снова напомнила ему о его месте в жизни. В этот дом радиста пускали только по делу, а ему хотелось большего. Ему хотелось быть своим в кругу этих выхоленных синьоров, чувствовать себя желанным и частым гостем в их гостиницах, по вечерам распивать с ними коктейли и ухаживать за их дамами. Всю жизнь он стремился выбиться наверх, в ряды первейших, но всегда случалось так, что он оставался внизу. Вот и теперь. Его, словно пса, держат на задворках, а этот Фред все вечера проводит в них в гостях.

— Вы все у Рамони да у Рамони... А я хотел предложить вам партию в шахматы. Или этюды. У меня есть превосходные. Все же интереснее, чем болтовня этих надменных синьоров.

Григорий внимательно поглядел на Вайса и с трудом сдержал улыбку.

— Ну что ж, я не отказываюсь. Зайдите ко мне вечером, часов в девять. Охотно сыграю партию, подумаю над каким-нибудь этюдом.

Расплатившись с хозяином трактира, Григорий и Вайс — два человека, ставившие перед собой совершенно различные задачи, но призванные действовать бок о бок, два врага, силой обстоятельств заброшенные в Рим, — вышли на раскаленные улицы Вечного города.

Вечером, как было условлено, точно в назначенный час пунктуальный Вайс постучал в номер Гончаренко. Бочком проскользнув в приоткрытую дверь, он оказался в небольшой комнате, обставленной, как и подобает в скромном пансионе: письменный стол, два глубоких кресла, диван, расшатанная этажерка с кипой старых журналов; все освещено мягким зеленоватым светом лампы, стоящей на маленьком столике. Тяжелая портьера закрывает вход в соседнюю комнату.

— Вайс, вы точны как всегда.

— Аккуратность — привилегия нашей нации, — произнес Вайс, опускаясь в подставленное Григорием кресло. — Точность американцев — от их деловитости: время деньги. Наша же, немецкая, рождена высокой культурой, и каждый немец всосал ее с молоком матери.

— Совершенно с вами согласен, дорогой Вайс! Надеюсь, вы отдохнули?

— Не так, как хотелось бы. Вечер очень душный.

— Сейчас я приготовлю коктейль, прекрасно освежает. Рецепт мне дал один бармен во Франции.

Пока Григорий в соседней комнате сбивал коктейли, Вайс расставил фигуры на черно-желтой доске и еще раз окинул взглядом все вещи в комнате. Внимание его привлекла карта на письменном столе. Подталкиваемый любопытством, он поднялся, хотел было подойти к столу, но тут послышались шаги Григория, и Вайс поспешно сел.

Вошел Григорий и поставил поднос рядом с шахматной доской.

«Любопытно, попадешься ты на эту клюкву или у тебя хватит здравого смысла, чтобы не придавать ей значения?» — думал Гончаренко, усаживаясь напротив своего партнера.

— Хочу подпоить, чтобы ослабить ваше внимание. Вы какими играете?

— Разыграем, — ответил Вайс, — как положено правилами.

Партия началась. Она проходила с переменным успехом. Всякий раз кто-либо из партнеров совершал грубейшие ошибки. Мысли обоих были заняты совсем другим.

«Итак, его приставили ко мне, — думал Григорий, делая очередной ход. — Возможно, я где-то споткнулся? Нет... Все тщательно проанализировано, ошибки не должно быть. Впрочем, это система Нунке: один выполняет, другой контролирует... И связь... связь... снова нет связи. В Испании было легче — там Домантович и рация... Если бы, прыгая с парашютом, он не подвернул ногу, то был бы уже дома... Милый Миша, как ты там сейчас?»

Не мог сосредоточиться и Вайс: карта на столе не давала ему покоя. Косясь на нее, он успел заметить, что это карта Северной Италии, да еще с какими-то пометками. Теперь он терялся в догадках, не понимая, зачем она понадобилась Фреду.

— Собираетесь путешествовать? — спросил Вайс, когда партия закончилась вничью.

— Почему вы решили?

— Да вот... — Вайс кивнул на карту.

— А... вы об этом... — Григорий подошел к письменному столу, взял карту, поглядел на нее долгим взглядом и спрятал в ящик стола. Вайс мысленно отметил: ящик не заперт, выдвигается бесшумно. Григорий вернулся на место, допил коктейль, закурил и только после этого ответил:

— Нет, Вайс, я не собираюсь путешествовать. Просто мне до чертиков повезло. До чертиков... Каждому человеку раз в жизни выпадает возможность поймать журавля в небо. Но немногим это удается... Люди чаще глядят себе под ноги, копошатся среди мусора и грязи повседневности и нет у них времени поглядеть в небо. Вот они и упускают ту минуту, когда птица пролетает над ними... А мне, кажется, повезло. И теперь, составившись, я смогу развезать в роскошной машине по всем европейским курортам, а не толкаться в переполненном метро, спеша на опостылевшую работу.

Вайс слушал, и чувство зависти и злобы нарастало в нем. Который уже раз баловнем судьбы становится кто угодно, только не он. Снова кто-то поднялся вверх, а он, вечный неудачник, остался внизу. И всю жизнь он будет лишь пешкой у таких, как Рамони и этот Фред Шульц. Всю жизнь его будут топтать, ломать, пригибать к земле...

Вайс судорожно глотнул и спросил:

— О чем, собственно говоря, речь?

Григорий с минуту помолчал, потом с открытостью пьяного человека сболтал:

— У меня есть план виллы, в ограде которой замурованы письма Черчилля к Муссолини.

— Черчилля к... Муссолини? — только и смог выдать Вайс.

«Ну и морда!» — с отвращением подумал Григорий, глядя на своего собеседника.

— Вы не знаете эту историю? Впрочем, откуда вам знать. В общих чертах она такова: Уинстон Черчилль, как вам известно, умнейший человек. Он ненавидел Советский Союз, потому что понял, сразу: победа революции в России — это угроза всему капиталистическому миру. И когда Советская власть еще только рождалась, он не разглагольствовал, как другие его соотечественники, а действовал: организовал интервенцию, которая, кстати говоря, не оправдала его надежд, а вдохновители ее лишь опозорились... Это только усилило его ненависть к коммунизму — всегда и повсюду он поддерживал любое движение, способное затормозить распространение враждебных ему идей. Таким движением стал фашизм. Черчилль внимательно, с симпатией следил за его становлением в Италии. Приехав в 1927 году во Флоренцию, Черчилль заявил буквально следующее: «Именно Италия нашла способ противостоять русской отраве. Будь я итальянцем, я стал бы фашистом». Красноречиво, не правда ли? С тех пор между Черчиллем и Муссолини завязалась трогательная переписка, продолжавшаяся, невзирая на войну, до 1944 года. Письма Черчилля были чрезвычайно секретны и очень откровенны. О чем в них шла речь, я, конечно, не знаю, но уверен: даже если опубликовать их частично, это неминуемо приведет к краху политической карьеры бывшего премьера. Англичане не простят Черчиллю, что он заигрывал с их заклятым врагом в то время, когда лучшие сыны нации гибли на фронтах второй мировой войны. Да и в глазах всего мира

он был бы скомпрометирован. И нет ничего удивительного, Вайс, в том, что целая стая личных детективов Черчилля рыщет по всей Италии в поисках этих писем. Но они не знают, где искать, а я знаю.

— Вы хотите продать письма англичанам? — Вайс притворно зевнул.

— Зачем англичанам? Хотя именно они больше всего заинтересованы. Думбрайт наверняка отвалит мне за них немалый куш.

Григорий наблюдал за Вайсом. Тот всеми силами старался казаться равнодушным, но это ему плохо удавалось.

«Плохонький вышел бы из тебя актер», — подумал Григорий и небрежно бросил:

— Бог с ними, с письмами. Сыграем еще партию. Вы расставляйте фигуры, а я приготовлю коктейли.

Григорий исчез за портьерой. Вайс продолжал сидеть в кресле у маленького столика. Но это уже был другой Вайс. Притворное равнодушие исчезло, длинные пальцы вцепились в подлокотники, лицо стало злым и настороженным. Сжавшись в комок и подавшись вперед, он внимательно прислушивался к звукам, доносившимся из соседней комнаты. Вот зазвенели бокалы, заработал коктейль-меситель. Вайс быстро поднялся и, бесшумно шагая, направился к письменному столу. Выдвинул ящик. Перед ним лежала карта Италии, сложенная так, что вся северная часть оказалась на лицевой стороне. От сгиба до сгиба, причудливо очерченное, вытянулось озеро Комо. В нижнем углу, среди коричневых и зеленых пятен, Вайс заметил маленький крестик и рядом надпись чернилами. Название какого-то населенного пункта было подчеркнuto. Впившись глазами в карту, с трудом разбирая напечатанные мелким шрифтом названия, Вайс прочел подчеркнутое: «Донга», потом надпись чернилами: «Вилла Донегана». Молнией промелькнула мысль: «Донегана». Да ведь это же вилла Кларетты Петаччи — любовницы Муссолини!»

Вайс торопливо закрыл ящик, вернулся на свое место у маленького столика, опустился в кресло. Пока он рассматривал карту, стараясь точно запомнить все обозначения, из-за портьеры на него весело взглянул Григорий.

Когда Гончаренко появился, неся на подносе два бокала с розовым напитком, гость был в той же позе, что и пять минут назад.

— Попробуйте этот коктейль! Я уверен, вам понравится, — Григорий поставил поднос на столик.

Льдинка стукнулась о стекло — Вайс взял бокал. От него веяло прохладой, ладони, вспотевшие от только что пережитого волнения, приятно остывали на холодной, влажной поверхности.

— Вы уверены, что ваша счастливая карта подлинная? Не из тех ли она фальшивок, в которых идет речь о пиратских кладах? — с иронией спросил Вайс. Ему как можно быстрее хотелось услышать, что карта действительно не вызывает сомнений.

— Совершенно уверен. Я выручил из большой беды одного человека, короче говоря, спас от петли. Несчастный споткнулся на нашей не такой уж ровной дорожке, и только благодаря моему вмешательству он целым и невредимым вышел из игры, а не отправился на свидание к праотцам. Теперь человек этот стар, богат и смертельно боится опять попасть в какую-либо авантюру. От него я и получил эту карту, конечно не

безвозмездно... Впрочем, хватит об этом, давайте лучше сыграем.

Вторая партия очень скоро закончилась победой Григория, — он непрерывно атаковал, используя малейшее невнимание партнера. А невнимание того все возрастало.

— Сдаюсь... Ваша взяла!

Пока Григорий наводил порядок на маленьком столике, Вайс, стоя у открытого окна, любовался огнями вечернего города. Красные, желтые, зеленые, они мигали, бежали строчками, плавно окружали какой-либо рисунок или слова рекламы, каскадом взмывали в небо и, рассыпаясь тысячами брызг, отбрасывали темень вверх, освещая дома, улицы, площади. Иногда бег огней приостанавливался, они на миг угасали, словно набираясь сил, а потом снова кружились в фантастическом бесконечном хороводе.

«Огни большого города», — Вайсу вспомнилось название старого фильма, — Вайсу вспомнилось название старого фильма. За этим океаном огня ему мерещилась иная жизнь, веселая и беззаботная, с ресторанами и дансингами, с длинноногими красавицами и услужливыми швейцарами. Та жизнь, к которой он всегда стремился, о которой всегда мечтал и которая всегда проходила мимо, подразнив его своим ослепительным блеском.

«И все это может стать доступным, моим, стоит только... Как это сказал Фред? Журавль в небе? Ну, Вайс, решай!»

Он поглядел на небо. Оно было глубоким, темным и все усыпано россыпями блестящих, мерцающих звездочек. Каждая из них, казалось, таинственно подмигивала ему, словно приглашала: «Решай! Дерзай!»

Вайс опустил веки и чуть слышно прошептал: «Помоги мне, господи».

Город только что проснулся. Григорий и Вайс шли по прохладным улицам в поисках такси.

— Это и хорошо, что Нунке нас не торопит, — весело произнес Григорий. — Представляете, сколько музеев и картинных галерей мы успеем осмотреть? Собственно говоря, сам по себе Рим — величайший музей, и я буду чувствовать себя ограбленным, если не увижу всего. Надеюсь, вы тоже не откажетесь использовать такую возможность? — обратился он к своему спутнику и добавил: — Ведь мы, немцы, — культурная нация.

— О, конечно, конечно, — промямлил Вайс, стараясь скрыть раздражение.

И Григорий вволю позабавился. На протяжении двух дней он таскал Вайса за собой из одного конца города в другой; из галереи Ватикана в Капитолий, из Капитолия в Диоклетиановы термы, в отстроенном крыле которых разместился Национальный музей, затем на виллы Джулия, Боргезе, Дориа-Памфили...

Как ни любил Григорий искусство, но и он изнемогал от массы впечатлений. Они наслаивались друг на друга, и если вечером хотелось вспомнить самое поразительное, то перед глазами начинали плясать пестрые, фантастические рисунки и казалось, что это перекатываются разноцветные стекляшки в калейдоскопе.

«Простите меня, великие Леонардо да Винчи и Микельанджело, несравненный Рафаэль и трагический Караваджо! Я знаю, так осматривать ваши шедевры — это профанация. Я приду еще, чтобы побыть с вами один на один, но на этот раз...»

— Ну, а теперь, может быть, осмотрим памятники архитектуры? — спросил на третий день Григорий.

Ошалевший от тоски и усталости, Вайс не выдержал:

— С меня хватит! Вы как хотите, а я сыт по горло. Я человек двадцатого века, смотрю вперед, а не оглядываюсь. Античная культура, эпоха Возрождения... Бесстыжие боги и худосочные мадонны с пухлыми младенцами на руках... Да начхать мне на них!

И Вайс, к радости Григория, распрощался с ним, сославшись на свидание с каким-то знакомым, которого, якобы, случайно встретил на улице.

Расчет был точен. Григорию удалось довести своего спутника до иступления. Впрочем, даже он не догадывался, какими изнуряющими были эти два дня для радиста. И не только дни, но и ночи.

Вайс сам себя высмеял, вернувшись домой после партии в шахматы. Журавль в небе? Глупость! Его журавлем может стать нечто более определенное, например тот же Фред Шульц, если умело взяться за дело. Оказавшись за пределами школы, Фред не будет так осторожен, и тогда... Потирая руки от удовольствия, Вайс попробовал

представить себе собственный триумф, блистательный взлет. Взлет, а куда? Одной ступенькой выше по лестнице служебной карьеры? А! Что это даст? Маленькую надбавку, больше ответственности и ту же зависимость от других... Перед глазами снова возникли контуры продолговатого озера. Где-то там, возможно, и впрямь зарыто его Эльдorado. Во всяком случае надо подробнее разузнать все о любовнице дуче. Это ни к чему не обязывает. Совершенно логично, что свой архив Муссолини прятал именно у нее, а когда пришла беда...

В памяти всплыли вереницы машин, груженные оцинкованными ящиками, которые в последний год войны двигались к забытым штольням в Австрийских Альпах и к горным озерам. Одну такую колонну сопровождал сам Вайс. Темной ночью они сбросили на дно глубокого озера Теплиц несколько контейнеров с фальшивыми деньгами — их уже было опасно выбрасывать на международный рынок, но впоследствии они могли очень пригодиться. А нацистские архивы, спрятанные в штольнях возле Штеховице, неподалеку от Праги? Эту тайну поведал Вайсу Якоб Хенниг, напившийся до чертиков после того, как была расстреляна вся группа, принимавшая участие в этой операции.

На протяжении ночи и следующего дня вила «Донегана» была той осью, вокруг которой вращались мысли Вайса. Десятки раз он приказывал себе окончательно забыть о ней. Но услужливая память вновь и вновь вытаскивала из своих тайничков какую-либо позабытую деталь о тайных маршрутах грузовых машин, которые под усиленной охраной направлялись в Австрию или Чехословакию. Как ни старались сохранить эти операции в тайне, а слухи о них ползли, хотя говорились об этом шепотом и только избранным. Кто-то спяна сболтнул — так же, как Якоб Хенниг, кто-то из местных жителей случайно оказался незамеченным свидетелем подозрительной суеты у заброшенных разработок — к примеру, в районе Вад-Аусзее или в каком-либо другом. Если подобные вещи можно было провести в государственном масштабе, так почему бы и Кларетте не прибегнуть к такого рода действиям в пределах, ей доступных?

Постепенно росла уверенность, что карта подлинная, одновременно зрело и решение: не упустить счастливого шанса, может, единственного, выпавшего ему в жизни.

На следующее утро Вайс ввалился в комнату Григория с небольшим чемоданчиком в руке, когда тот еще спал.

— Доброе утро! — Вайс присел на краешек стула, как садится человек, который счел спешит.

— Здравствуйте! Теперь, кажется, вы собрались путешествовать?

— Представьте, как мне повезло. Знакомый, о котором я вам вчера говорил, играет не последнюю скрипку в группе людей, способных помочь нам в розысках падре Антонио. Речь идет об организации настоящих, испытанных бойцов, которые отказались от сомнительной чести вступить в МСИ...— Говоря все это, Вайс прятал глаза.— Группа хорошо законспирирована, и мой приятель недвусмысленно предупредил: исключение он делает только ради меня, и чем меньше людей будет знать об организации, тем лучше... Это неда-

леко отсюда, чуть южнее Рима... Через день-два я вернусь.

Григорий зевнул, потянулся и сонно бросил: — Ну что ж, раз этого требует дело! Только постарайтесь долго не задерживаться.

— День-два, не больше...— Вайс посмотрел на часы и поднялся.— Мне пора. Поезд отходит через сорок минут, а надо еще добраться до вокзала. Будьте здоровы, Фред.

— Счастливого пути.

Как только за Вайсом закрылась дверь, Григорий вскочил с кровати и стал быстро одеваться. На умыванье времени не оставалось. Он протер кончиком мокрого полотенца по лицу, пригладил волосы, отключил телефон и выскочил на улицу. Осторожно выглянув из-за колонны, Григорий успел заметить, как Вайс садится в желтое такси. Мелькнул чемодан, хлопнула дверца, и машина скрылась за поворотом.

«На железнодорожный вокзал или в аэропорт?» — спрашивал себя Григорий, ища глазами свободное такси. Но такого, как на грех, не было. Наконец судьба смиловилась.

— Вокзал Термини! Кратчайшим путем и как можно быстрее! Плата тройная!

Шофер блеснул глазами, улыбнулся:

— Синьор будет доволен. Прокачу, как на самолете.

Водитель, казалось, только и ждал такого задания. Покусывая кончик погасшей сигареты, чуть подавшись вперед, он все время, где надо и не надо, нажимал на сирену и мчался по улицам так,

словно и впрямь чувствовал себя за штурвалом самолета, а не за рулем обычного такси. Это была старенькая машина, которая, вероятно, долгие годы верой и правдой служила своему хозяину. Она стонала, охала, трещала всеми суставами, визжала шинами на виражах, но хозяин, захваченный азартом, не замечал жалоб железного коня и лишь искоса веселым глазом поглядывал на пассажира: «Ну, как?»

А пассажир, одобрительно кивая, думал: «Может, не стоит так спешить? А вдруг он поехал на аэродром? Или совсем никуда не поехал, а только разыграл комедию, оставив меня в дураках?» Но, вспомнив поведение Вайса в последние дни, его нервозность, внезапные приступы глубокой задумчивости, Григорий отбросил последнее предположение. Работа в Заксенхаузене с королем фальшивомонетчиков Маркусом Пельцем оставила в душе Вайса неизгладимый след, до маниакальных размеров довела алчность к деньгам. В таких случаях здравый смысл пасует перед ненасытной жадностью. Вайс не мог, у него просто не было сил устоять перед искушением... Григорий вспомнил землисто-серое лицо своего спутника во время полета, вспомнил и то, как у Вайса выворачивало все нутро, и успокоился: такой самолетом не полетит.

Такси выскочило на площадь Пьятисто. В глубине высилось здание вокзала. Григорий поискал глазами желтое такси. Его не было.

— Приехали!

Тормоза зашипели на самой высокой ноте, и машина остановилась.

— Что скажет синьор? — на возбужденном лице водителя поблескивали капельки пота.

— Высший пилотаж! — искренне похвалил Григорий.

Машина отъехала.

Купив журнал, Григорий отыскал удобное для наблюдения место, откуда хорошо просматривалась вся площадь. Спустя некоторое время подъехало желтое такси, но не то, которое он ждал.

Открылась дверца, и вышла величественная матрона, а за ней, словно горох из перезревшего стручка, посыпались крикливые, вертлявые дети. Даже не верилось, что одна маленькая машина может вместить столько народу.

Шли минуты. У вокзала одна за другой останавливались машины различных марок и расцветок: светло-серые, голубые, зеленые, черные, похожие на огромных жуков, белые, словно птицы, которые на миг присели, сложив крылья. И ни одного желтого такси... Но вот Григорий мигом прикрыл лицо журналом, потом осторожно, краешком глаза выглянул из своего укрытия. Так и есть! Из машины вышел Вайс. Прежде чем расплатиться, оглянулся. Направился прямо в вокзал. Исчез в пасти широченной двери.

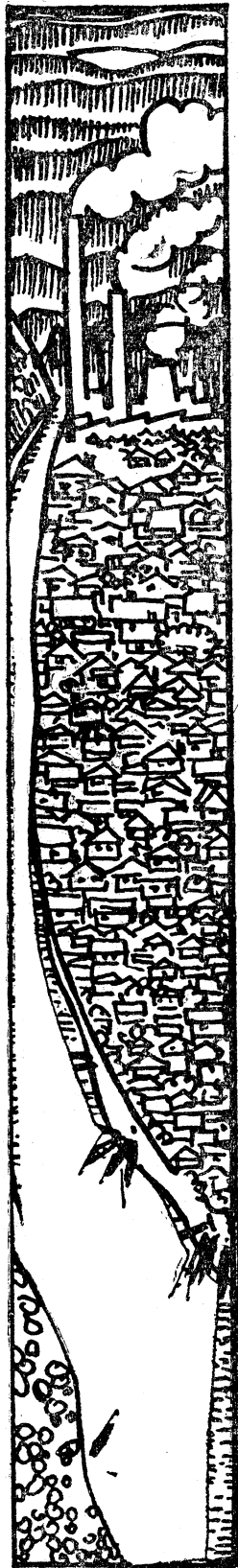
Немного подождав, Григорий пошел за ним следом. Стал у входа за колонной. Ага, вот и искатель кладов. Рыщет возле касс. Теперь направляется в буфет. Пьет кефир. Просит дать еще стакан. Можно выйти, сменить позицию. Бедняга, видно, не успел позавтракать — так спешил. Подошел к телефону, набирает номер. Издали видно, как Вайс удивленно и взволнованно опускает и снова подносит трубку к уху. «Проверяет, дома ли я? Звони, звони, болван, зуммера не будет: телефон выключен...»

Когда по радио сообщили о посадке на миланский поезд, Григорий насторожился: северное направление! А Вайс не проявляет никаких признаков заинтересованности. Он продолжает слоняться по залам, останавливается возле киосков, равнодушно окидывает взглядом сувениры, рассчитанные на нетребовательного покупателя. И только когда радио последний раз напомнило, что поезд номер такой-то отходит с пути такого-то, Вайс, еще раз оглянувшись, выскользнул на перрон и вскочил на ступеньку вагона. Поезд тотчас тронулся.

С облегчением вздохнув, Григорий вышел на привокзальную площадь.

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ

А Л Ю М И Н И Й

В нашей стране есть металлургический завод, на котором в качестве топлива применяют алюминий. А расположен этот необыкновенный и, надо сказать, единственный в стране завод на Среднем Урале, вдали от железных и шоссейных дорог. С двух сторон завод обтекают реки. Рабочий поселок этого завода так и называется: Двуреченск. Впрочем, так называться он стал совсем недавно. А раньше на картах в устье Сысерти стоял кружок с надписью: «Хромпик». Это старое название Двуреченска объясняло многое: и что выпускает Ключевской завод, и почему он имеет такое большое значение.

Впрочем, в двадцатых годах, когда недалеко от устья Сысерти были обнаружены хромовые руды не было ни Хромпика, ни Двуреченска. Зато в нескольких километрах выше по течению Исети находилось большое село Ключи, по имени которого и была названа обогатительная фабрика.

Ключевская обогатительная фабрика просуществовала до 1940 года. Именно в это время в северном Казахстане было открыто крупное месторождение хромовых руд, на которых начал работать Актюбинский завод ферросплавов. Обогащать исетские руды, бедные хромом, стало нецелесообразно, и фабрику закрыли.

Но уже через год о Ключевской фабрике вспомнили снова. Началась война. Фронт требовал оружия, а чтобы его создать, нужны были чистые феррохромалюминиевые сплавы, которых Актюбинский завод, к сожалению, дать не мог, потому что на этом заводе феррохром получали в электропечах с довольно большим содержанием углерода, который попадал в сплавы из угольных электродов. Вот тогда-то и вспомнили про заброшенную фабрику на Исети.

Поздней осенью 1941 года из Москвы в Ключи приехали по заданию Комитета обороны два инженера-металлурга. Один из них — Иван Федорович Красных — и стал позднее первым директором нового завода.

Инженеры осмотрели старую обогатительную фабрику, запасы хромовой руды, обошли окрестные села, собирая бывших металлургов, и прямо под открытым небом задули несколько тиглей, применив в качестве топлива алюминий. Почему именно алюминий? Дело в том, что алюминий в порошке — сильное горючее вещество, которое при сгорании способно расплавить самые тугоплавкие сплавы. И главное — алюминий в ферросплавы не выделяет никаких вредных примесей. А это чрезвычайно важно для получения особо прочных сталей.

Первая плавка прошла успешно. Но как определить чистоту ферросплава? Никакой металлургической, а тем более спектрографической лаборатории в Ключах, конечно, не было. Пришлось первую продукцию отправить в Москву на специальном самолете.

Ответ пришел быстрый и категоричный: ключевской феррохром пригоден, нужны десятки тонн — и немедленно!

Так, под открытым небом в жестокие морозы родился этот необыкновенный завод, где в качестве топлива применяют алюминий.

Кончилась война, и вновь над Ключевским заводом ферросплавов, уже во второй раз, нависла угроза закрытия. В Казахстане начали строить специальный завод хромистых соединений, в Каменске-Уральском, на алюминиевом заводе, уже работал алюминотермический цех, в Серове началось строительство мощного завода ферросплавов — кому был нужен малень-

ВМЕСТО... УГЛЯ

кий заводик вдали от железных дорог, без рудной базы? Ведь своего сырья в Ключах к тому времени уже не было: хромовые руды привозили из Казахстана, алюминий — из Каменска-Уральского, селитру еще откуда-то...

Стало ясно, что Ключевской завод доживает последние годы. Но судьба распорядилась иначе.

К тому времени, к середине пятидесятых годов, появилась сверхзвуковая авиация, начали работать первые атомные реакторы, вырвались в космос первые мощные ракеты. Конструкторы новой техники требовали от металлургов совершенно новых сталей, которые могли бы выдержать огромные перегрузки и высокие температуры. Металлурги выяснили: такие необычные качества сталям могут дать только новые, ранее не применявшиеся металлы и элементы: титан, ниобий, цирконий, цезий. Помимо того, что эти элементы — особенно ниобий и цирконий — встречаются на земле очень редко, выплавка их в сплавах связана с большими трудностями. Ни один из существовавших тогда металлургических заводов не мог освоить производство ферросплавов этими элементами. И тогда стало ясно: надо строить новый завод по совершенно новой технологии, где в качестве топлива применять кремний или алюминий.

Но где? Казалось бы, поблизости от руды, в Казахстане. Но решили иначе. Новый завод ферросплавов решили строить на Урале, на базе той кустарной мастерской, которая в годы войны сумела обеспечить заводы высококачественными сплавами. Пусть этот завод будет оторван от руды, от железной дороги, пусть туда придется возить все компоненты, зато там есть люди, сумевшие в жестких условиях выплавлять такие ферросплавы, которые не могут получить на многих заводах даже сейчас. Так решили инженеры-проектировщики. И это решение оказалось правильным.

Вот так Ключевской завод, можно сказать, родился в третий раз. Родился, чтобы завоевать славу одного из интереснейших и уникальных заводов страны.

На заводе любят рассказывать историю, ставшую уже легендой. Когда с помощью алюминия был получен первый хром, в совнархозе не поверили. Ю. Плинер, бывший тогда главным инженером завода, с первым образцом хрома выехал для доклада в Свердловск.

— А вы знаете, что такое чистый хром? — спросил его главный инженер управления цветной металлургии совнархоза. Спросил, открыл сейф и достал оттуда аккуратную плитку хрома в целлофане.

— Вот, — сказал он. — Чистый хром. Купили за золото во Франции. Содержание хрома 99,7 процента!

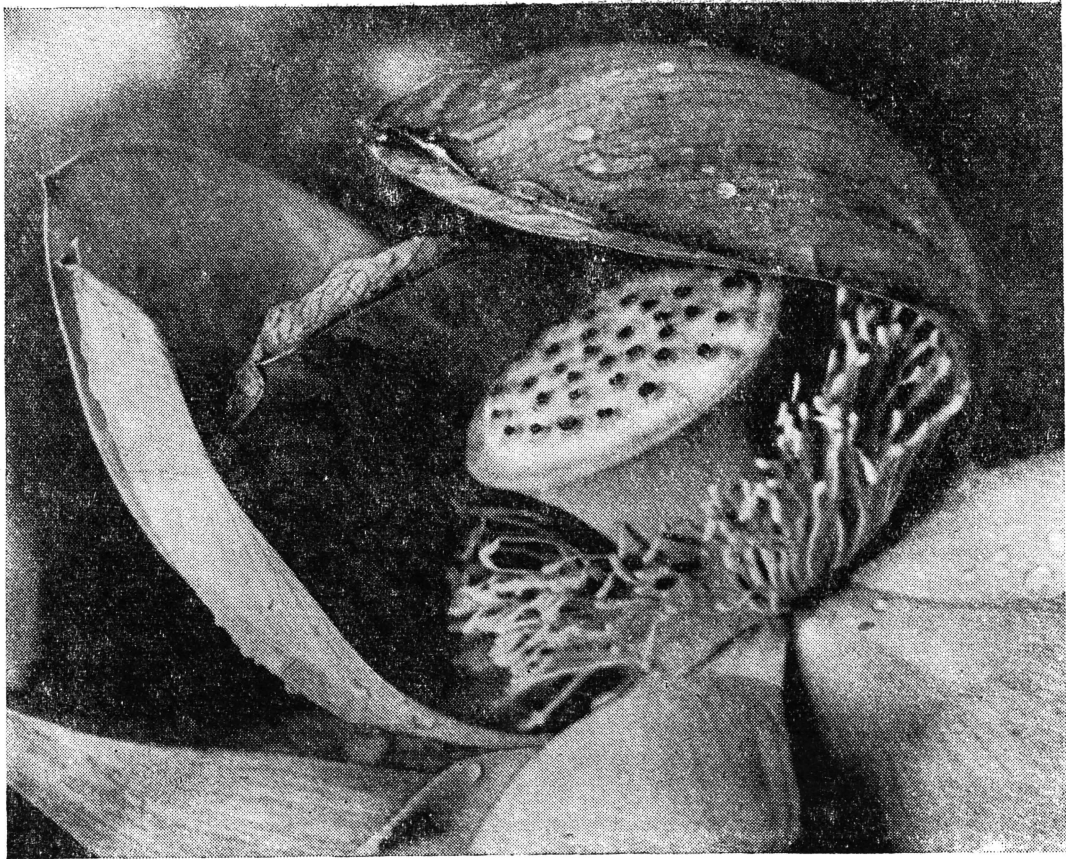
— А вот, — сказал Ю. Плинер, доставая из кармана кусок ключевского хрома, — 99,8 процента и без всякого золота!

Говорят, этот день — день долгожданного триумфа — стал для Ключевского завода четвертым днем рождения. И виновником этого дня рождения был тот самый алюминий, из которого строят самолеты, тот самый алюминий, который, сгорая в порошок, развивает чудовищную температуру в 2200 градусов — почти в полтора раза выше, чем в мартене, — и придает ферросплавам исключительную чистоту.

Ю. ЯРОВОЙ

Рисунки Ю. Григорьева

СВЯЩЕННЫЙ ЛОТОС

Кто не знает озера Хасан? Воспетый в песнях после боев 1938 года, он у нас, ботаников, вызывает еще особый интерес тем, что здесь обитают такие растения, которые в других местах не встречаются.

Близость моря, проходящий на севере горный хребет создали в районе Хасана специфический климат с высокой влажностью воздуха и довольно равной температурой.

...Итак, мы едем к Хасану.

Первое, что бросается в глаза после невысокого Сухановского перевала, — дубовые рощи. Но рощи не обычного в Приморье дуба — монгольского, а другого — очень эффектного, с огромными, опушенными бахромой листьями, — зубчатого. Желуди этого дуба тоже особенные: в многочисленных, отогнутых назад, зубчиках, отчего они кажутся лохматыми.

Трудно найти в стране уголок с такой богатой, разнообразной растительностью, как Хасанский район. Мы прошли всего два-три километра по склонам сопок и насчитали свыше сорока различных видов деревьев и кустарников: железная бераза, маньчжурская липа, вишня Максимовича, абрикос...

Наконец мы подошли к гранитным скалам. Они отвесно обрывались почти к самому морю и напоминали стены древнего полуразрушенного замка. Все они были увиты гладкими красноватыми листьями дианы — Девичьего винограда. Увидеть это редкое растение мечтают многие ботаники. Но, конечно, самое легендарное дальневосточное растение — это лотос.

Встретить лотос можно в небольших озерах на Прихаканской равнине. Правда, за пос-

ледние годы из-за наводнений, а нередко и по вине туристов и местных жителей, заросли лотоса поредели, да и цвести он стал реже.

Нетронутую колонию лотоса мы обнаружили на озере Лопухова. Это озеро, площадью несколько десятков гектаров, является одним из рукавов дельты Алафу. Берега его заболочены, поросли розогом, диким рисом, тростником.

Когда мы пробрались к воде, перед нами открылась неповторимая по красоте картина. Почти треть поверхности озера занимали огромные листья и цветы лотоса. Они тянули навстречу солнцу свои изумительные розовые цветки, на которых дрожали капли воды. Осторожно, чтобы не повредить растения, мы подъехали к зарослям и сфотографировали их.

Г. КУРЕНЦОВА, ботаник

ПО СЛЕДУ «ТИГРИНОГО ГЛАЗА»

...Давно это было. У охотника-удэгейца Сини дочь выросла взбалмошная да капризная. Однажды пристала она к отцу, чтоб принес ей для украшения глаз тигра.

— Что ты, дочка,— стал уговаривать ее Сيني.— Разве не знаешь, что священного тигра убивать нельзя. А тебе еще глаз его подай!

Но девчонка и слышать ничего не желает. Отдай ей желтый тигринный глаз — и все тут. Согнулся от горя Сини, взял лук со стрелами и пошел в тайгу. Забрался в такую глушь, что дальше и пробраться уже не может. Скалы кругом, темные пасти пещер по сторонам ощерились.

Присел и стал думать: «Хоть бы тигр пришел да унес меня...»

Глядь, а зверь уже рядом стоит. Голова, как большой бубен у шамана,— здоровенная, усы длинные, глаза горят желтым огнем, белыми и зелеными искорками. Страшные, красивые...

«Конец пришел»,— решил Сини.

Только тигр что-то не торопится. Посмотрел на человека и заговорил по-удэгейски:

— Глаза мои ты не получишь. А отправляйся на берег Большой Соленой Воды, иди да приглядывайся. Увидишь, что ищешь.

Сини еще долго шупал себя: на самом ли деле цел остался. Потом поднялся и пошел к Большой Соленой Воде. Идет по берегу, голову опустил, под ноги смотрит. И вдруг, что это?

Лежит на песке среди разных камешков... тигринный глаз. Сверкает желтым огнем, зеленые искорки по нему гуляют. Поднял его Сини. Тяжелый «глаз», холодный. Видно, давно потерял его хищник, раз он окаменел. Положил его Сини в котомку. Видит, еще и еще такие же камешки валяются.

Он и их собрал. Принес домой, ожерелье сделал дочери. Как надела она подарок отца, стала умной, послушной да почтительной...

Так рассказывает легенда о халцедонах, агатах и сердоликах, которые встречаются на берегу Амурского залива. Здесь чудесная бухта, мелководная, окруженная невысокими сопками. Берега ее покрыты галечником и песчаными наносами. По своим богатствам она нисколько не уступает берегам Черного моря у Коктебеля. Целые коллекции халцедонов, сердоликов, полупрозрачных красноватых камней, полосатых и зеленых яшм, самых удивительных расцветок галек можно набрать тут

после шторма. Океан не устает выносить на берег все новые и новые сокровища.

Особенно хороши медовые сердолики. Они напоминают янтарь. Есть и настоящие «сердечные» камни красного цвета, но попадают они реже.

А каких только халцедонов нет в Приморье! Однажды в Мелководной нашли почти совершенно белый, прозрачный, а внутри него, словно капелька алой крови, горел небольшой кусочек красного камня. Каким образом микроскопическая доля солей марганца попала внутрь белоснежного натека?

Оранжевый халцедон несет в себе еще одну загадку. Остывая в трещинах вулканических андезитобазальтов, он «прихватил» с собой немного... воздуха. Образовалась небольшая пустота — несколько сантиметров в диаметре. И эта крошечная пещерка стала колыбелью еще более крохотных кристалликов горного хрусталя.

В Южном Приморье течет река Шуфан. Если побродить по ее галечниковым отмелям, можно набрать коллекцию очень своеобразных халцедонов. Они по большей части окрашены в темно-коричневые цвета, иногда словно припорошены угольной пылью. Здесь встречаются и ближайшие «братья» халцедонов — ониксы. Эти разновидности кремневых образований состоят из кремнезема разного цвета с тонкослоистой структурой. Кремневые и чуть зеленоватые слои с замысловатым рисунком напоминают благородную древесину. Паутина еле заметных линий создает неповторимый узор.

На реке Сучане геологи нашли чудесные ониксы снежно-белого, молочного цвета. А в районе Ольги — многоцветные слоистые камни: в них сочетаются бледно-зеленые, желтоватые, нежно-розовые краски.

Значительно реже в руки человека попадают агаты. Это очень твердые кремнистые породы, которые высоко ценятся за свой слоистый рисунок.

Агат, как и оникс, используют для изготовления камней. Создаются они так: ювелир берет двухслойный камень — розово-коричневый или серо-черный. Один из цветов делает фоном, на котором вырезает из лежащего поверх слоя миниатюрное изображение — цветок, орнамент, портрет.

М. РЫБАКОВ

КОВАРСТВО КУЙМЕНСКОЙ ГУБЫ

Лето в том году на северном побережье Чукотки выдалось суровое. Северным ветром тяжелый лед притягивало к берегу, южным сбивало в сплошную массу и отгоняло в море. Но ненадолго. Стихал порывистый «южак», и лед, словно магнитом, снова притягивало к берегу. Удачи в промысле не было. Охотникам удавалось добыть только нерпу и лахтака, державшихся на мелководье у берегов. Выйти в море на зверя покрупнее не позволял лед и неустойчивая погода.

Но как всегда, ничто не бывает вечным. Неожиданно стихло, и море снова ожило, как будто и не было штормовых ветров. Лед отошел от берега, появились широкие разводья. Над спокойной гладью моря потянулись цепочкой стаи гаг. Они ровно, не ломая строя, облетали льдины, сбивались в кучу, пересекали далеко вдающиеся в море галечные косы и спешили к югу. У скал и под кромками льдин плавали ожиревшие за лето кайры; мелькали красными лапками, скрываясь в глубине моря, желтоносые топорки; на верхушках льдин чернели продолговатые точки бакланов.

То тут, то там показывались любопытные морды большеглазых нерп. С моря шло к берегу большое стадо китов. Из-за льдин взвивались двойные струи фонтанов, слышались тяжелые хрипавые выдохи, будто животные поднимали со дна моря непосильную тяжесть.

Стадо медленно двигалось вдоль берега. Киты наслаждались временным затишьем, шумно всплывали на поверхность, выпуская по три-четыре фонтана; переворачивались своим неуклюжим массивным телом и погружались в воду, взметая громадными хвостами тучи брызг. Вконец обнаглевшие чайки, улучив момент, садились на спины животных и склевывали прилепившихся маленьких рач-

ков. Китов это, видимо, раздражало, они вздрагивали и нервно били хвостами.

Ожила природа, ожили люди. Среди многообразного шума моря слышался отдаленный рокот моторов, эхом отдавались в скалах выстрелы. Охотники удачно промышляли зверя. Били нерп, лахтаков, моржей. Китов не трогали.

Но что-то тревожное чувствовалось в установившемся спокойствии. Льды как-то странно скапливались и медленно кружились на одном месте. Над далекими сопками повисли, как бы зацепившись краем за вершины гор, клочки облаков. Неожиданно порывы ветра зарыбили воду. Мелкие, бойкие волны заплескались о кромки льдин. Все живое в предчувствии чего-то страшного исчезло, и лишь стадо китов торопливо, уже нигде не останавливаясь, спешило уйти дальше в море. То тут, то там поднимались косые фонтаны, сбиваемые порывами ветра, показывались и тут же исчезали в воде лоснящиеся черные спины. Обычно чуткие к шуму, киты сейчас не обращали никакого внимания на проходившие мимо байдары и вельботы. Киты выныривали у самых бортов, обдавали охот-

ников неприятным запахом выдыхаемого воздуха. Животные спешили, но уже некоторым из них приходилось плохо: льды преграждали путь.

Темнело. На одном из островков у горловины Куйменской губы замигал красным светом маяк. Вода под напором ветра хлынула в залив и быстро прибывала. Огромные льдины несло в губу и выбрасывало на отмели.

Утро наступило хмурое, холодное. По небу мчались тяжелые серые тучи. Море, насколько хватало глаз, было забито льдом. Льдины вылезли на берег и взгромоздили перед собой высокие груды гальки, песка и ила. Вдруг вдалеке взметнулся фонтан, рядом с ним второй, поменьше, затем показали две черные спины.

Всю ночь самка старалась преодолеть ледяную преграду. Она даже не заметила, как отбилась от стада и осталась одна со своим семиметровым малышом. Ей часто приходилось раздвигать шугу и небольшие льды своим телом. Но с каждым разом делать продухи становилось все труднее, с каждым разом все дольше и дольше приходилось задерживаться под водой в поисках полыньи или хотя бы разреженного льда. Беспокойство овладевало животным. Детеныш не выдерживал утомительных погружений, задыхался и

быстро слабел. Малыш уже еле двигал лапами. В одном месте обессилевшая китиха с разгона пробила головой лед, подтолкнула малыша, и животные, тяжело дыша, запасались воздухом и отдыхали. Но льдина, задетая самкой, вдруг с грохотом обрушилась на ее спину. Оглушенная мамаша погружилась в воду, увлекла с собой детеныша и, потеряв надежду выйти в открытое море, направилась к берегу, где у входа в губу еще оставалось немного свободной воды.

Куйменская губа на несколько десятков километров вдаётся в сушу, много речек, больших и малых, впадает в нее. Ближе к морю она сравнительно глубока, но вообще-то испещрена многочисленными фарватерами, отмелями, длинными косами. Следуя подводными лабиринтами, киты нашли себе временное убежище. Малыш вертелся неподалеку от матери, выпускал короткие фонтаны. Иногда он тыкался тупой, необычно большой для своего тела мордочкой в бок матери, отыскивал сосок, ловко свертывал свой язычок трубочкой и с наслаждением потягивал жирное молоко.

Самка ничего не ела: не было для нее подходящей пищи, да и беспокойство не покидало ее. В губу все несло и несло лед, и он теснил животных к мелководью. В одном месте путь преградила отмель. Развернуться не позволяла ширина фарватера. Обезумевшая самка ринулась вперед. Вода уже не скрывала ее, но самка упорно ползла, беспомощно била сильным хвостом, взбурливая воду передними плавниками и делала попытку отогнать малыша. Она чувствовала свою гибель, но что-то подсказывало ей, что китенок еще может спастись, уйдя вперед. Однако малыш глупо тыкался мордой в бок матери и, когда та затихала в бессилии, прижимался к ней. Вдруг китиха завалилась на бок, и в воздухе судорожно замелькал обнажившийся передний плавник. Тяжесть тела сдавила грудную клетку, дыхание остановилось.

Сосунок плавал рядом, пытался просунуть свой язычок в складки живота, где были спрятаны соски, но мать уже не чувствовала прикосновения детеныша и молоко не попадало в его рот. Несколько дней взвивались маленькие фонтанчики около черной громадины, но вот их не стало...

А ветер все гнал и гнал тучи, временами сыпал мокрым липким снегом и, наконец, наработавшись и выбившись из сил, уступил место морозу. Он крепко сковал плотно сжатый лед. И лишь тело громадного кита-великана с вытянутым в сторону передним плавником зловеще возвышалось над ледяным покровом Куйменской губы. Белоснежные чайки теперь уже смело садились на спину и желтыми крючковатыми клювами долбили кожу, добираясь до жира. Наступившие холода прогнали чаек, но по первому снежку к погибшим китам проложили тропинки песцы, которые нашли здесь корм на всю зиму.

ТРИ ЭЛЫПА

Пожилой, с сединками в волосах, высокий, Элып лучше всех на побережье Чукотки ловил нерп. Только один Элып мог в любое время года выбрать удачное место: то поставит сетки на ровном льду и продолбит пешней две лунки, то использует старые, покинутые нерпами, а иногда, на удивление всем, поставит сети у самых торосов. И не было случая, чтобы он возвратился домой без добычи.

— Счастье морское у тебя, — завидовали многие.

— Э-э, — отвечал Элып. — Знать надо. Думаете, под припаем нет нерпы. Есть. Там, под водой, лед нервный, воздушные ямы, особенно в торосах. Вот и выходит, что нерпе лунка нужна не всегда. А я хожу ночью и слушаю. Долго слушаю. Нерпа тоже без шума не плавает...

Однажды Элып проверял сети. Они стояли подо льдом на поле ровного льда совсем рядом с торосами. Увлечшись, Элып не заметил, как на торосах неожиданно появилась громадная фигура белого медведя-умки. Зверь тотчас навалился на охотника. Элып растерялся, оказавшись под медведем, но что-то вдруг оттолкнуло зверя от человека: возможно, запах табачного дыма или еще что-либо другое. Медведь рывком и отскочил в сторону. Охотник тут же схватил винтовку и всадил в медведя несколько пуль.

— Тоже сетки проверять пришел, — шутил Элып дома, рассказывая про умку.

На следующий день охотник снова отправился проверять сети.

Дул жгучий, морозный ветер, мела поземка. До места, где стояли сети, было недалеко. На этот раз Элып все же предварительно осмотрелся и вдруг опять вдалеке увидел медведя.

— Нэмэ, опять! — рассердился Элып.

Боясь, чтобы гость не пожаловал снова, — а охотиться на медведя запрещено, — Элып решил прибегнуть к маленькой хитрости. Он воткнул в снег охотничью палку и надел на нее камлейку — верхнюю свою меховушку.

— Вот еще Элып. Два Элыпа, — проговорил он.

Затем воткнул в снег свой охотничий посох с колечком из китового уса и надел на него меховой капюшон.

— Вот третий Элып. Три Элыпа, три человека. Умка увидит столько людей, испугается и убежит, — решил охотник и спокойно занялся проверкой сеток.

На снегу стояли два чучела. Ветер пошевеливал рукава камлейки и трепал полы, раздувал опушку и широкие завязки капюшона, а рядом копошился живой, настоящий человек.

Умка вышел из-за торосов, постоял, постоял на верхушке льдины, поводит черным носом по сторонам и нехотя ушел подальше от берега и странных существ.

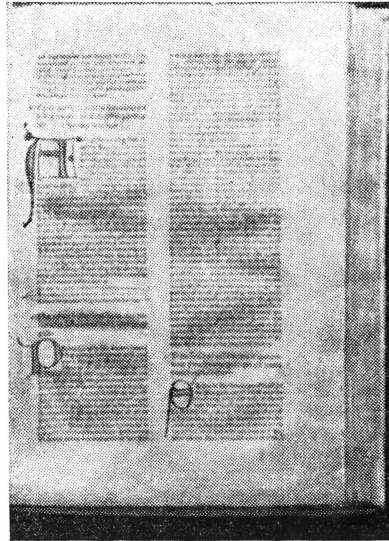
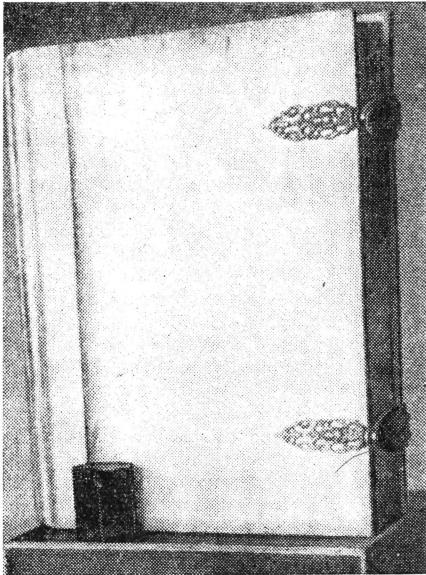
С тех пор медведи больше не досаждали Элыпу.

Владлен ЛЕОНТЬЕВ 65
Рисунки Эсге

Инкунабуле — пять столетий

С этой редчайшей книгой я встретился случайно. Как-то, будучи в Москве, зашел в букинистический магазин и попросил продавца показать что-нибудь из древностей. Он положил передо мною большую, хорошо сохранившуюся книгу в переплете XVIII века. Открываю — и не верю своим глазам: инкунабула!

Слово «инкунабула» в переводе с латинского означает — «в колыбели». Этим термином со второй половины XVII века стали называть книги, вышедшие «в колыбельный период» книгопечатания — до 1500 года включительно. Печатные книги XV века во многом отличаются от современных. Все они большого формата, напечатаны на особой бумаге с водяными знаками, буквы почти не отличаются от рукописных. В книгах того времени нет титульных листов. Заглавие и выходные данные помещались в конце книги, а иногда и в середине, там, где оставалось свободное место. Стра-

ницы инкунабулы не нумерованы, абзацев в тексте нет. С новой строки начинались только крупные разделы и главы книги, а внутри шел сплошной текст, так как точки и запятые в типографском деле были введены позднее.

Чтобы сделать такой текст расчлененным и удобным для чтения, особый мастер — рубрикатор — производил от руки разметку красных строк в виде вертикальных или наклонных красных черточек. Иллюстрировались книги также ручным способом. Художник врисовывал в оставленные печатниками белые квадраты первые буквы глав, а также делал рисунки на полях некоторых страниц.

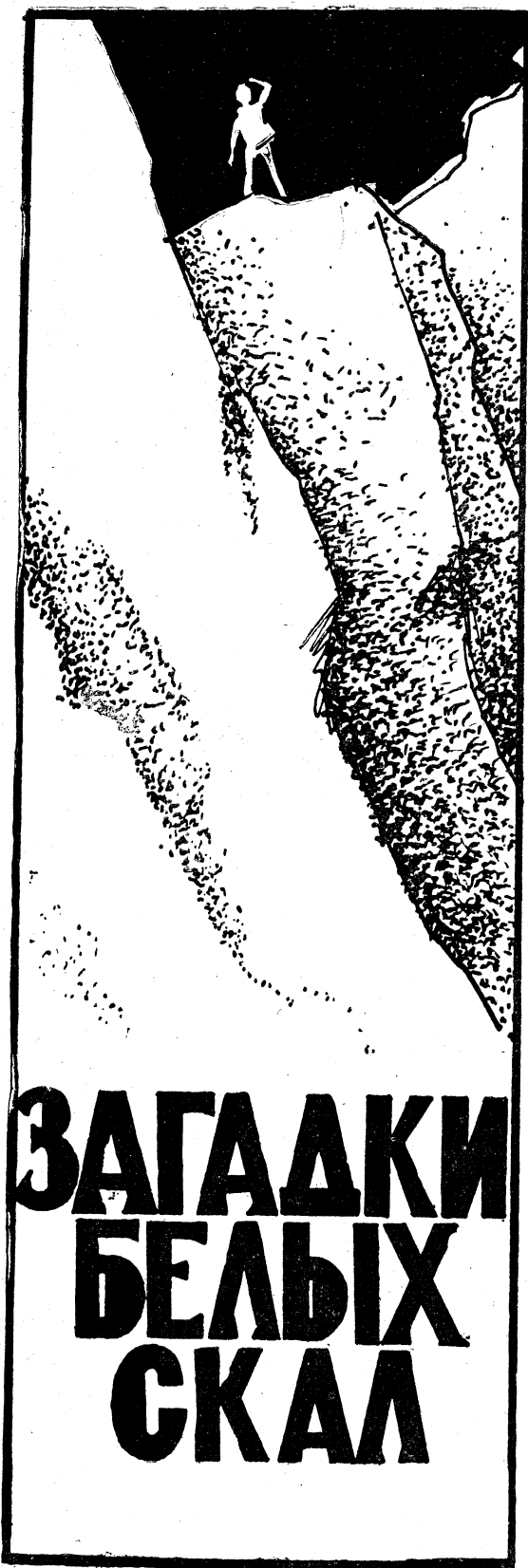
Но вернемся к нашей редкости. Для меня эта встреча с инкунабулой была «любовью с первого взгляда», и я не мог с ней расстаться. Вскоре книга перекочевала из букинистического магазина в редкие фонды научной библиотеки Томского университета.

Из заглавия, которое помещено в конце книги, мы узнали, что автором ее является Михаил Каркано, монах из ордена миноритов. Книга нравоучительного содержания и толкует о таких человеческих пороках как высокомерие, скупость, чревоугодие, пресмыкальство, гнев, ненависть, ревность и т. д. «Напечатана же хитроумным книгопечатным искусством в Базеле Михаилом Венesslerом в июне 1479 года». А переплетена, как видно, позднее, три века спустя.

Это, пожалуй, самая старая печатная книга в Томске, а может быть и во всей Сибири. И вот что интересно. Все инкунабулы давно учтены и зарегистрированы библиотекарями, имеются каталоги инкунабул. Однако найденная у букиниста книга нигде не значится.

М. ФИЛИМОНОВ

ЗАГАДКИ БЕЛЫХ СКАЛ

В дальнем углу одной из комнат нашего дома лежала целая гора моих сокровищ, по меньшей мере странных для постороннего. Да что там для постороннего — сколько раз машина моя собиралась выкинуть на улицу эти тяжеленные камни — грубые куски известняка, которые непонятно зачем приносил домой ее сын и которых на дворе валялось сколько угодно. Не я со слезами упрашивал ее не выбрасывать мои «драгоценности», и гора камней в углу комнаты продолжала расти.

Камни эти я подобрал неподалеку от дома. Часть города, где мы жили, располагалась на уступах известняковых скал. Каждый дом, каждый сарай и забор были сложены из этого же мягкого, похожего на грубый мел, белого камня. И родители дивились, для чего я стаскивал в угол комнаты мелкие осколки и тяжелые глыбы грубого, пачкающего одежду известняка.

Но мне эти камни представлялись чудесными и таинственными. Еще маленьким я увидел на изломе одного из них какие-то плоские белые кругляши, напоминающие монеты. Многие камни сплошь состояли из таких плотных белых «монеток» разной величины — некоторые с добрый пятак. Если расколоть камень, иные монетки отделялись, и тогда можно было хорошо разглядеть каждую из них. У меня накопилась целая пригоршня этих каменных дисков — тяжелых, то с гладкой, почти блестящей поверхностью, то с рельефным тонким узором в виде ровных концентрических колец или густой спиральной сеточки. Диски эти лежали друг на друге слоями, иногда сплошной слившейся массой.

Я раздумывал — отчего в простой глыбе образовались такие правильные кругляши, напоминающие загадочные монеты?

На камнях ограды нашего двора тоже виднелись эти плоские кружочки, но, кроме них, в двух-трех местах я заметил гладкие округлые выпуклости с ровными рядами аккуратных ямок. Похоже, что в толще камня «замурованы» какие-то большие круглые предметы, которые, если хорошо потрудиться, можно извлечь. Меня и застали однажды за этим занятием, но отобрали молоток и сказали, чтобы я больше не смел портить ограду.

Однако вскоре мне несказанно повезло. По соседству с нашим двором строили сарай и у ворот свалили большую кучу известняка. Проходя мимо, я обратил внимание, что один камень, откатившийся от общей кучи, выглядит совершенно необычно: большой — с детскую голову — и круглый, с почти гладкой поверхностью, испещренной рядами маленьких ямок, точь-в-точь таких же, как и на заинтересовавших меня странных выпуклостях в блоках нашей ограды. Я понял, что круглая каменная штукавина целиком выпала из скалы, когда ее разламывали на куски.

Прижав к груди тяжелую находку, я притащил ее домой. Долго и осторожно отколупывал оставшиеся на ее поверхности кусочки известняка, и, когда закончил работу, глазам предстало диво. Гладкий и почти круглый, словно выточенный на станке, белый голыш опоясывали правильные красивые ряды аккуратных неглубоких ямок, будто орнамент, сделанный чьей-то искусной рукой.

Что же это за диковины? Таинственные белые монеты, украшенные затейливыми узорами тяжелые шары — откуда они взялись в простом камне, из которого делают известь? Зачем и почему такое?

Неподалеку от дома — а улица наша проходи-

ла по самой высокой части города — был крутой скалистый обрыв, огромной ступенькой отделявший верхнюю часть города от нижней. Место опасное — с обрыва недолго и свалиться — и, конечно, меня туда не пускали. Но скалы эти, как и все запретное, неудержимо тянули к себе, и, побывав там однажды, я часто убегал к обрыву. Вдоль самого его края вилась узкая тропинка, ограниченная с одной стороны крутыми, поросшим травой склоном, а с другой — пропастью, и ходить по этой тропинке действительно было небезопасно.

Но оттуда, с высоты белых скал, я впервые увидел, как огромен окружающий меня мир: одним взглядом можно охватить полгоризонта. Часть города с зелеными улицами, черепичными крышами, густыми садами, высокими тополями, выстроившимися вдоль берега небольшой речушки, пересекавшей город, с грациными гнездами на этих тополях, с далекими, теряющимися в дрожащем мареве горбатыми каменистыми холмами, — все это я видел внизу, у своих ног, и дух захватывало от волнующего, гордого, незнакомого раньше чувства — чувства высоты. Казалось, стоит только раскинуть руки и чуть-чуть податься вперед, как упругие волны горячего летнего воздуха подхватят тебя, понесут, словно птицу, над белыми кубиками домов, а потом поднимут выше стройных тополей, выше стайки острокрылых стрижей, пронсящих в голубой вышине с пронзительным свистом...

Но и здесь, под самыми ногами, меня подстерегала прежняя загадка. Вся огромная масса скалы была сложена, если приглядеться повнимательней, из множества таких же белых дисков. Я обследовал скалы и подножие. Но и там, у самой земли, скала состояла все из тех же странных кружочков.

Однажды отец сводил меня в краеведческий музей. Там я увидел множество чудес — чучела животных и птиц, заспиртованные в банках крабы и медузы, коллекции насекомых. У потолка, подвешенные на бечевке, парили огромные орлы и грифы с распростертыми крыльями, а в больших витринах, будто выпиленные целиком из горы, возвышались дикие скалы, поросшие травой и кустарником, и на скалах тех, словно живые, стояли олени и другие животные.

Особенно поразила меня витрина, где под стеклом лежали камни, совершенно такие же, как и у меня. Были здесь и круглые каменные монетки, и большие белые шары, и другие диковины, мелкие и крупные, видимо добытые из тех же известняковых скал. А рядом, на отдельных подставках, расположились гигантские каменные спирали, похожие на чудовищно огромные домики улиток. Одна из них была такой большой, что разве только взрослый человек смог бы обхватить ее обеими руками.

Здесь, в музее, и открылась мне великая тайна природы.

Много миллионов лет тому назад, как раз на том месте, где стоит теперь наш город, плескались волны огромного синего моря. Не было тогда на земле ни тех животных, что водятся на ней сейчас, ни людей, зато в древних морях и океанах кипела жизнь. Многочисленные и разнообразнейшие существа населяли тогда и толщу теплых вод, и морское дно. Они плавали, ползали, поедали друг друга, размножались, а потом погибали, и твердые их оболочки опускались на морское дно. Шли века, и падали, падали на дно древнего моря

большие и малые раковины, панцири, остовы, скелеты морских созданий, ложились друг на друга, слой за слоем, и прессовались тяжестью других, опустившихся сверху остатков древних животных. Мелькали столетия, проходили миллионы лет, и слои эти становились все толще и толще, превращаясь в камень.

А потом с могучей земной твердью, держащей на себе и горы, и океаны, что-то стряслось. Вздрыбнулась она в этом месте, и древнее море отступило. Там, где когда-то было морское дно, зазеленели леса, потекли ручьи и реки. А огромные толщи камня-известняка, сложенные из спрессованных раковин и панцирей морских, давно уже исчезнувших животных, обернулись белыми древними скалами и открылись людям.

Я узнал, что круглые каменные диски — это не что иное, как раковины древних корненожек и что зовутся эти кругляши **нуммулитами**; большие же белые шары, замурованные в скалах, — это окаменевшие остатки ползавших по дну круглых созданий, усеянных колючими иглами, — древнейших **морских ежей**.

Я узнал, что жили эти существа в древних морях не сотни, не тысячи, а целые сотни миллионов лет тому назад, и что эти невообразимо далекие времена называются палеозойской и мезозойской эрами.

Вооружившись молотком и зубилом (я стал уже повзрослее и получил некоторую свободу), часто отправлялся я то к подножиям скалистых обрывов, то к дальним каменистым осыпям и, бродя по дну древнего моря, тщательно обследовал каждый подозрительный выступ и камень. И не было случая, чтобы не находил чего-нибудь интересного. Полчаса работы — и в одном из моих карманов, побелевших от известняка, оказывалось новое сокровище.

Коллекция древних окаменелостей быстро пополнялась, но даже сейчас, спустя тридцать лет, я хорошо помню многие ее экспонаты.

Круглые трубки, заостренные на конце, величиной с палец, называемые **белемнитами**, — окаменевшие остовы древних кальмаров.

Морские ежи двух видов — те, большие, с ямками, и другие, поменьше, похожие на яблоко. Кусок огромной раковины, с большими и острыми треугольными зубцами по краю.

Целые пригоршни **нуммулитов** — каменных «монеток».

Древнейшее морское членистоногое — **трилобит**, тоже окаменевший, похожий на личинку большого жука, свернувшуюся в шарик.

Часть гигантской, наверное полуметровой, спиральной раковины **аммонита** — вымершего головоногого моллюска.

Целых тонны небольшие ракушки самых разнообразных форм — плоские, витые, круглые.

И много-много разных других диковин.

Как было это здорово — проникать самому в сокровенные кладовые природы, извлекать отсюда клады, замурованные в толще скал — подумайте только! — согни миллионов лет тому назад, и принести эти клады домой!

Мои робкие, неумелые экскурсии в далекое прошлое нашей планеты... Им я обязан очень многим. Я понял, какая же она великая и древняя, эта планета, колыбель миллиардов и миллиардов жизней. Я ощутил бег времени, превратившего скромные останки этих жизней в величественные скалы, на уступах которых теперь стоят города и цветут сады. Я узнал, что природа — мудрый и

великий художник — даже в далеком прошлом умела наделять свои живые творения совершенными и многообразными формами.

У меня хранится небольшой камешек, подобренный у тех самых скал во время недавней поездки на родину. Маленький кусочек белого крымского известняка. У него волшебное свойство: глянешь на его ноздреватый излом — и до мельчайших подробностей воскресают в памяти картины далекого детства, чудесной поры с ее особым, неповторимо острым и ярким восприятием мира, с ее волнующей радостью познания и безудержной фантазией. Вспоминается далекая Таврида — древняя земля, страна моего детства. Думается о том, сколько же еще чудес скрыто от взгляда людей в недрах этой земли и всей нашей планеты.

И тут представилась мне еще одна картина. ...Ослепительно белеют на солнце гладкие ступени обнаженного известняка в глубине каменного карьера. Плывут по длинным лентам транспортеров прямоугольные блоки камня, похожие на огромные куски пиленого сахара. Жужжат десятки пил, врезаясь в мягкий известняк. И вдруг — звон, скрежет: что-то случилось с одной из пил. Поворот рубильника — стоп! В чем дело? Отчего вместо ровного ряда острых стальных зубьев — щербини?

На неотпиленный сыроватый пласт известняка опускается тяжелый лом с глухим мягким стуком, и злополучный камень раскалывается на куски. Что там такое? Обо что могли сломаться стальные крепкие зубья?

Тук, тук, — стучит лом, и вдруг — дзинь! Там, в камне, что-то очень-очень твердое. Еще удар, еще, еще... И тут будто ярко-зеленая искра вспыхнула между осколков камня.

Человек откладывает лом в сторону, нагибается, разгребает руками крошки известняка. И видит: какой-то цилиндрический толстый стержень из блестящего металла, отливающего необычным ярко-зеленым блеском, глубоко и прочно засел в толще камня.

Еще несколько осторожных ударов ломом, камень раскалывается, обнажая продолговатый металлический цилиндр с закругленными концами. Полированная зеленая поверхность его ослепительно сияет на солнце, отражает небо, камни, людей, столпившихся у находки.

Тяжелый холодный предмет передают из рук в руки, недоумевают. Кто-то поднимает осколок камня, и все видят на изломе его, среди слившихся окаменевших кругляшков древних раковин, глубокую, ровную, гладкую, местами позеленевшую впадину — гнездо, где лежал удивительный цилиндр.

У стальной пилы сломаны зубья, на зеленом цилиндре — ни следа. Люди озадачены. Один из них пробует царапать находку ножом, стучит лезвием по зеленому металлу.

— Крепкая штука, — говорит он. — Ни царапины!

— А пила-то новая. Только недавно сменили, — говорит другой.

— Глядите! — восклицает третий, чертя ногтем по узкой, едва заметной поперечной линии, отделяющей от цилиндра один из закругленных концов. — Это крышка, наверное, отвинтить ее можно!

Постойте, не отвинчивайте крышку зеленого цилиндра! Не торопитесь. Не здесь это нужно делать. И не печальтесь о сломанной пиле. Неужели никто из вас не подозревает, что в ваших руках — удивительная, невероятная, невообразимо ценная находка, ради которой не жалко сломать десяток тысяч таких пил?!

Вы думаете, цилиндр сделан людьми? Да, возможно. Но ведь скала разработана вглубь уже на много метров, и это значит, что металлический предмет лег на дно древнего моря вместе с раковинами корненожек сотни миллионов лет тому назад, когда на нашей планете не было и намека на человечество.

Люди, вам несказанно повезло! Пройди пила чуть левее, и, возможно, никто и никогда не увидел бы этого отполированного металлического футляра, выточенного из сплава необычайной прочности, — одну из множества таких же эстафет, разосланных в разные концы Вселенной жителями неведомого, невообразимо далекого мира. Футляра, внутри которого, несомненно, заключено послание вам, людям Земли.

...Прости меня, читатель. Это разыгравшаяся вдруг фантазия снова незаметно и коварно увлекла меня в свой заманчивый мир. И виной этому — все тот же белый камешек, что лежит сейчас на недописанной странице.

Маленький кусочек молчаливых древних утесов, хранящих — а я в это верю — еще много удивительных тайн.

В. ГРЕБЕННИКОВ

Рисунки Н. Мооса

ТУМАДАН И КАПИШКА

Хантыйское предание

Евгений ОСОКИН

Рисунки Н. Костиной

Прослышал хан Кучум про древнее и богатое хантыйское село Айполово. Послал лучников своих. Ехали, ехали ханские люди по тайге — перекалечили степные скакуны ноги. Еле назад лучники выбрались. В другой раз послал воинов хан — в болотах чуть не завязли. Вернулись. Хан совет собрал.

— Как так? — брызжет слюной от злости. — Полмира прошли кони великого Чингиза, а разве мои табуны не от тех кобылиц?

Молчат воины, виновато поникли головами. Тайга не меряна — ой-ей!! — не объедешь; болота, зыбуны не считаны — в год не обойдешь. — Дорогу найти надо, — произнес наконец один.

— Проводника изловить, — подсказал другой.

— Ищите, ловите! — скривил губы хан.

Поскакали лучники в разные стороны. На всех речках засады сели. Долго караулили. И видят: плывут на долбленке двое — один старый, другой молодой. Это шаман Капишка плыл с Тумаданом, сыном айполовского богатыря. Бросились ханские люди в воду, схватили их.

— Откуда?

— Айпо... — пробормотал Капишка и осекся под гневным взглядом Тумадана.

Обрадовались татары, посадили пленников на запасных коней, поехали. Привезли к хану. Капишку вывели вперед.

— Говори! Награжу! — приказал Кучум. — Где проехать на конях?

Молчит Капишка, вроде с мыслями собирается, а сам думает: «Приведу чужеземцев, родичи не простят... Вот если убрать Тумадана...»

Меж тем глаза хана наливаются кровью.

— Говори! Отрублю башку!

Просит Капишка разрешения покамлать. Кучум кивнул. Спешить некуда. Пусть его позабавит.

Капишка натянул на голову

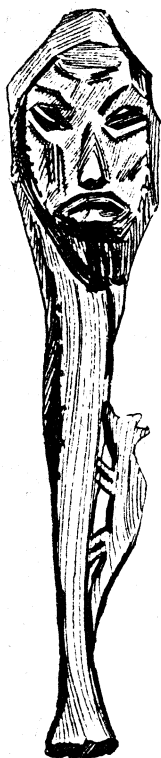
шаманью шапку, достал из турсука бубен и пьяный гриб панг. Съел гриб, потрянул бубном. Дряблые щеки порозовели, блеснули глаза... Пляшет он, мечется по кругу, воздевает руки к небу и то исступленно кричит, то, уподобясь змее, шепчет:

— Кызынчан ном, кызынчан сей, кызынчан мерг...¹.

И в такт словам бьет в бубен, закатывает глаза; на перекошенных губах выступает пена. Подлетая ближе к хану, Капишка по-собачьи преданно смотрит в глаза, шипит беззубым ртом:

¹ Небесный бог, небесный глаз, небесный ветер (ханг.).

— Скоро... осень — грязь мерзнет... По Кривому болоту...

Снова глухо взрывается бубен, и гортанный крик заставляет вздрагивать ханскую челядь:

— Ном тельнрн! Ном кеттемба!¹

Развеваются полы суконного халата, Капишка вихрем подлетел к хану.

— Осень... Айпол сам проведу... Ном ызэжин! Ном ызэжин!²

Капишка в изнеможении падает на колени, бормочет:

— Ном ызэжин, ном ызэжин...

Молод Тумадан, неопытен, смотрит на Капишку: большой шаман, настоящий. Сам бог говорит с ним!

Дал знак Кучум, и пленников отвели в юрту, стражу поставили.

Неделю так сидят они, другую. Кормят их, не обижают. Провертел Тумадан костью дырочку в шкуре, лежит, смотрит в небо. Думает о

родном Васюгане. Капишка спит, всхрапывает изредка. Вдруг Тумадан слышит: по-хантыйски шепчут. Смотрит, служанка хана присела у юрты.

— Брат...

— Слышу! Говори, — откликнулся.

— Капишка предал род свой. Как застынет болото, поведет ханских лучников в Айполово... «Капишка, большой шаман... С богом говорил...» — подумал он и бросил сердито:

— Врешь!

Пропала служанка с глаз — осерчала или стражу увидела. Обидно Тумадану. «Брат» — и обман. Зачем? Капишка все время с ним, на глазах. Когда предал, зачем предал? Эх, бабы, язык без костей...

Много ли, мало ли времени прошло — слышит Тумадан знакомый голос:

— Брат...

Привстал Тумадан, видит: в руках служанки кусок медвежьей шкуры.

— Если я обману, пусть найдет меня медведь и поступит со мной так же... — она рвет зубами шкуру, и летят клочья шерсти...

Знал Тумадан: нет слова верней, нет клятвы страшней присяги остяцкой. И верит и не верит Тумадан. Говорит:

— Ладно. Как звать тебя?

— Альника³. — И еще горячей шепчет: — Лепешки вот... Дай Капишке — умрет! И бежим с тобой.

Взял Тумадан лепешки, повторил:

— Ладно... Буду ждать тебя, Альникуль...

А ночь выдалась морозная, луна вышла. Оседлала ханские лучники лучших скакунов. Капишке

и Тумадану тоже дали коней. Взглянул Старшой на Капишку.

— Веди!

И без того сухопарый, бледный, вовсе побледнел Капишка, всхлипнул даже:

— Упаду... Разобьюсь...

«Хитрит старик, — думает Тумадан. — Ехать не хочет. Обманула Альника». Но лепешки спрятал за пазуху. Поговорили воины хана по-своему, и один, такой же худой, посадил Капишку позади себя. Поехали. Ночь скачут, а день пригреет — на еланях пищу варят, спят. Видит Тумадан: правильно едут, еще ночь — и Айполово будет. Решился, достал на привале лепешки, подал одну Капишке.

— Ешь. Вкусная.

Сунул Капишка лепешку в рот, а она зачерствела, высохла от тела молодого, горячего.

— Потом... Размочу, — виновато улыбнулся Капишка и сунул ее в турсук.

Поехали дальше. Как-никак, а двое — не один, устал конь под Капишкой и его хозяином, отставать стал. Оглянулся Старшой что-то спросить, а Капишка со своим чуть не в хвосте — в промозгом прудутреннем тумане лишь смутно маячат головы.

— Веди! — приказал он Тумадану.

Впереди падь непролазная, согры. А за кустами — ровный луг, за ним — высокий каменистый яр и родной Васюган плещется. А подалее чуть в полудне езд...

— Ты, не спи! — зло окликнул его Старшой, когда конь Тумадана наткнулся на куст.

«Предал Капишка, предал!» — с запоздалой болью понял Тумадан. Ехал он, прокладывая путь ханским воинам, а в глазах стояла Альникуль, веселые сородичи, отец с матерью...

Вот они минуют согру, свернут налево и...

— Айполово скоро, — сказал Тумадан.

— Айпол, — прокатился глухой говор по цепи. «Предал Капишка...»

Редует согра... Густой молочный туман валом катится с Васюгана.

Подтягиваются чужеземцы, пробуют в ножах сабли.

— В Айпол — мои враги, убили отца, — говорит Тумадан. — Сердце требует крови... Прикажи дать саблю!

— Мечь — хорошо! — улыбнулся Старшой, бросил ближнему: — Дай!

И у самого уже сабля в руках, у других луки наготове.

Тумадан хлестнул нагайкой коня, вскинул саблю:

— Вперед!

— Алла!

Вихрем взметнулась цепь; обгоняя друг друга, летели воины Кучума за Старшим и Тумаданом вперед, в молочный туман...

— А-а!.. А-а!

Рев, стон — не разберешь: то ли лучники вошли в боевой азарт, то ли жертвы их хрипят предсмертно...

Падали и падали ханские кони на Тумадана — сына богатыря — с десятисаженного яра, и только мертвые тела достигали чистых вод Васюгана...

¹ Бог светит! Бог наказывает!

² Бог сказал.

³ От альни куль — утренняя заря,

ABC — первые три буквы латинского алфавита. «ABC» — так называется в Чехословакии журнал для детей. Поразительные истории, невероятные приключения, всевозможные самоделки... Как, например, самому сделать модель вертолета? Или крокодила...

«Между прочим,— сказал Карел Дунда, заместитель главного редактора «ABC»,— наибольший интерес, как мы установили, вызывают «сладкие» истории...» И передал для «Уральского следопыта» очерк о том, как делают знаменитые на весь мир чехословацкие шоколадные конфеты...

ШОКОЛАДНЫЕ МИЛЛИОНЕРЫ

Формула CaCaO

В ту пору мы в школе одолевали основы неорганической химии, зубрили химические формулы, и вот тут-то Юрка приплел к окисям и кислотам свою загадочную формулу. Говорит: «Знаете, ребята, формулу CaCaO ?» Написал он эту формулу очень красиво на бумаге, и все давай голову ломать, что бы это за соединение могло быть? Перебирали в голове всевозможные окиси кальция, а кончилось все тем, что автор формулы вдруг объявил: речь идет о какао!

Но все же шутка нам очень понравилась. К сожалению, о какао и шоколаде, — который, как известно, из него делает-

ся, — многие из нас тогда знали только понаслышке. Война лишила детей лакомств. Сегодня любой мальчик или девочка запросто лакомится шоколадом — молочным, ореховым, горьким, «сказочным», различными шоколадными фигурками, конфетами и не знаю еще чем. А кроме того, каждый мальчишка мечтает попасть туда, где шоколад делается, ну хотя бы на шоколадную фабрику «Зори» Оломоуца. Вот бы было дело!..

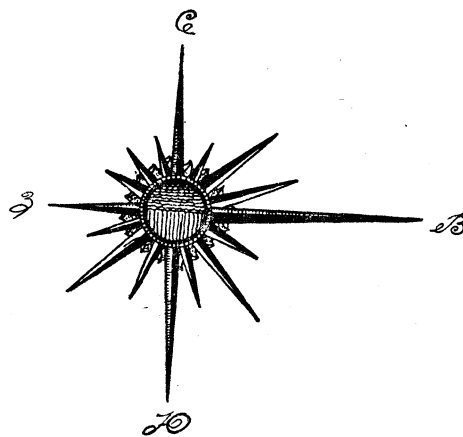
Шоколад на... ТОННЫ

Но когда на самом деле вы окажетесь среди ящиков и корзин шоколада, голова у вас пойдет кругом. Вы поражены прежде всего тем, как легко одна экскурсия может разрушить все ваши представления. Раза три-четыре снимать пробу — тут немножечко, там побольше, да еще надышитесь десятками и сотнями шоколадных запахов и ароматов — и с вас довольно.

Потом вы уже легко устоите перед остальными соблазнами и спокойно проходите мимо сосудов, подносов, коробок и ящиков с шоколадом.

Из цеха в цех, от больших месильных машин к другим, меньшим, или мимо большой продолговатой машины с конвейером, на который падает бесконечный поток жидкой шоколадной массы. В машине шо-

«РОЗА ВЕТРОВ»

колад охлаждается, идет все дальше и, наконец, по малому конвейеру попадает в упаковочные машины, из которых выходят плитки — в том виде, в каком мы покупаем их в магазине. Восемь тысяч килограммов извергает эта машина за одну смену. Восемь тонн!

Сладкие игрушки

Когда вы недавно лакомились шоколадными елочными фигурками, вас, наверно, очень заинтересовал вопрос: как же эти фигурки делаются?

На шоколадной фабрике есть особый конвейер. Металлические формы, установленные на нем, наполняются жидким шоколадом до самых краев, но едва шоколад прилипнет к стенкам форм, как формы переворачиваются, и еще не застывшая сладкая коричневая масса выливается. Шоколад остается только на стенках форм. Когда же он остывает окончательно, получаются зайчики, курочки, цыплятки, рыбки, автомобильчики, шишки или орехи, которые вы знаете по елочным коллекциям. Но это еще не целые фигурки, а только их половинки. Они соединяются в следующем цехе. Женщины в белых халатах делают это вручную и очень быстро. Берут две противоположные половинки, прижимают их к нагретой отвесной дощечке, затем одну половинку прикладывают к другой — и фигурка готова.

Упаковочная сверкает блестящей фольгой, благоухает и шуршит. Ловкие руки упаковщиц обворачивают тонким ста-

ниолом фигурки маленькие и большие, продолговатые и кругленькие. Те, которые побольше, они еще полируют, не продавливая их, хотя они и пустые внутри.

Фигурки поменьше полируются в барабанах, в которые насыпаются особые бобы. Когда барабан вращается, бобы падают на фигурки, поверхность которых постепенно теряет морщины и шероховатости и в конце концов становится безупречно блестящей. Но и выточенным фигуркам не хватает еще бантика на шее, черных глаз, красного гребешка или усов. Только в «художественной мастерской» зайчик становится зайчиком, курочка — курочкой, Микулаш — Микулашем¹.

Калачи из Африки

Под жарким солнцем, на обширных плантациях в Бразилии, в Гане, Гвинее и других тропических странах, выращиваются чуть ли не четырехметровые деревья с блестящими темно-зелеными листьями. Это какаовые деревья. На их стволах и крепких ветвях расположились цветочки, которые превращаются в громадные, до четверти метра длиной, плоды. Вот их-то и привозят к нам, в Чехословакию, из Африки.

В Оломоуце они обжариваются в особых печах с инфракрасными устройствами,

¹ Микулаш — подарок к Николину дню. Прим. переводчика.

растираются в дробилках, а затем из этой массы при помощи прессов выжимают какао-масло и штампуют круглые «калачи». «Калачи» и являются тем самым какао, из которого, добавляя в него сахар, молоко, орехи или какие-нибудь другие примеси, и получают шоколадное «тесто». Это «тесто» — начало начал всех сладких шоколадных изделий.

Стодесятикилограммовое яйцо

Стодесятикилограммовое яйцо! Нет, его не снесла ни курица, ни ящерица... Его изготовила пять лет тому назад Оломоуцкая шоколадная фабрика «Зорри». Яйцо было большое, пустое внутри, все из шоколада, а приобрел его на конкурсе один английский сержант из Лондона. Так как господин сержант был добрый человек и не лакомка, он подарил эти сто десять килограммов шоколада детским яслям, и детишки лакомились «яйчком» несколько недель.

Вкусы и желания покупателей весьма разнообразны. Ведь в Оломоуце изготавливаются десятки разных сортов шоколадных и нешоколадных конфет! Ежедневно это — триста тысяч шоколадных фигурок и триста тысяч штук вкуснейших вещей. А в году счет уже идет на шоколадные миллионы.

Перевод с чешского А. Громовой

Кормю вверх

В 1907 году трехмачтовая шхуна «Эверест Вебстера» потерпела кораблекрушение. Через пробоину в корпус хлынула вода. Нос шхуны все больше и больше уходил в море, пока, наконец, не погрузился почти до кромки палубы. Корма, наоборот, всплыла. Такое положение судна моряки называют «плавание свиньей». Казалось, «Вебстер» вот-вот нырнет в пучину.

Шхуна, однако, не затонула — корма имела еще достаточный запас плавучести. Уцелела и команда «Вебстера». Морякам удалось пробраться в кормовой кубрик. Вода сюда не проникла, кубрик не пострадал и был вполне пригоден для жилья.

Минуло двое суток. На рассвете третьего дня море немного успокоилось, и моряки «Вебстера» смогли пробраться в случившемся. Было потеряно почти все продовольствие и запасы пресной воды. Главное же заключалось в том, что моряки ли-

шились средств связи и оказались отрезанными от внешнего мира. К тому же, шхуну отнесло далеко от морских дорог. В качестве средств сигнализации можно было использовать оставшиеся несколько фальшфейеров и дымовых шашек. Их израсходовали в один день. Пустили в ход рупор и даже боцманский свисток. Но все оказалось тщетным.

Несколько недель власти искали «Вебстер», уже поговаривали о прекращении поиска, решив, что шхуна погибла в океане, как вдруг

«УМНАЯ, ХОРОШАЯ И ВО ВСЕХ ОТНОШЕНИЯХ ПОЛЕЗНАЯ...»

Я был у смерти в тисках,
В просторах, лишенных воды,
И в красных, и в черных песках,
В стране, где железные льды.
Но, верный мечте и труду,
Я всюду старался найти
И светлую соль, и руду,
И к ближнему морю пути...

Сергей Марков

Имя Сергея Маркова хорошо известно нашему читателю. Он — автор романа «Юконский ворон» и исследования «Летопись Аляски», сборников рассказов и стихов, книг о Чокане Валиханове, Пржевальском, Дежневе, Миклухо-Маклае... Объединяющей нитью через все эти книги проходит тема искания: автор и его герои всегда верны «мечте и труду», всегда в поиске.

Глаз Сергея Маркова — острейшее око следопыта — проникает в суть явлений, умеет обнаруживать глубинные, скрытые связи событий, на первый взгляд несовместимых, умеет находить пути в широкий мир из самого глухого захолустья. Герои его книг — это люди высокой цели, самоотверженные искатели, он восхищен подвигом их духа:

Ведь можно лишь рукою великана
В лазоревой высокогорной мгле
Куском нефрита выбить на скале
Рассказ о гордом подвиге Чокана!

И Сергей Марков не страшится принять на себя такой великанский труд. Недавно вышедшая из печати его книга — «Земной круг» — пример тому¹.

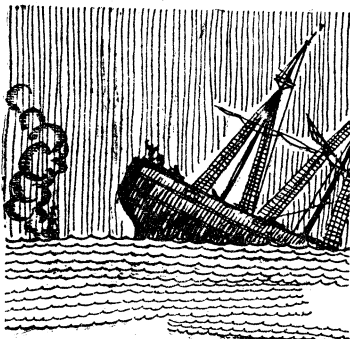
Необычна эта книга. Пожалуй, в нашей литературе не было еще подобной. Уже при первом знакомстве с ней поражаешься обилием содержащихся в ней сведений, оригинальностью ее композиции, той внутренней свободой, с которой автор сочетает историю и современность. Взором ученого он проникает в глубину времен, в тайны прошлого, находит там среди множества фактов, событий, лиц, ситуаций именно те, которые говорят его сердцу художника о закономерностях исторических связей, о мечтах пророческих, соединяющих прошлое с будущим, о преемственности поколений...

Черноморские ткани, обнаруженные в могиле хуннского вождя в южном Прибайкалье, свидетельствуют о связях Понта Эвксинского с Восточной Сибирью; находки в наше время пантикапейских монет на берегу безвестного камчатского озера Ушки позволяют предположить о существовании древних путей через весь азиатский материк; сказания о грифах и одноглазых аримаспах, стерегущих золото в приуральских степях, оказываются первыми сведениями древнего мира об Урале, Алтае, Тянь-Шане...

Легенда и строгое научное разыскание, археоло-

¹ Сергей Марков. Земной круг. Книга о землепроходах и мореходах. «Советский писатель», М., 1966 г. Стр. 656. Тир. 30000 экз. Цена 1 р. 24 к.

ее обнаружили моряки французского судна «Ковелли». Это судно возвращалось в свою базу Руан. Осматривая в бинокль горизонт, капитан обратил внимание на необычный предмет. Подойдя ближе, увидели, что это за-

дранная вверх корма какого-то корабля. Потом прочитали и его название: «Эверест Вебстер». Штормы разбили шхуну, от «Вебстера» осталась только корма.

На плавающем обломке не было видно никаких признаков жизни. Все же решили проверить. Несколько моряков с «Ковелли» на шлюпке подошли к борту шхуны и взобрались на ее палубу. В кубрике они обнаружили полуживых моряков «Вебстера».

Во время своего долгого странствования на обломке шхуны моряки испытали невероятные лишения. Каждое мгновение их плавучее жилище могло пойти ко дну. Мужественно переносили они все невзгоды. Ни на минуту не покидала их надежда на помощь и спасение. Это и могло им выстоять.

«Летучий голландец»

В последние годы плавание китобоец «Жорж Анри» и вспомогательное судно-база «Рескю» всегда находились рядом. Китобоец шел впереди, прокладывая дорогу во льдах следовавшему в кильватер «Рескю».

Когда-то «Рескю» тоже добывал китов. Он даже имел специальные укрепления на корпусе для плаванья во льдах. Но шли годы. Корпус судна изнашивался, получил течь, и теперь на промысле судно выполняло роль склада.

В 1860 году оба судна вели промысел в Гудзоновом заливе у северо-восточных берегов Канады. Этот район славится плавающими льдами, це-

гическая находка и забытая статья в старом журнале, древняя сказка и современные исследования этнографов, имя, мелькнувшее на страницах старинной рукописи, — все это будит мысль автора, ставит им в логический ряд, сочетается с другими данными, окрашивается творческим домыслом. Так создается связанная и живая картина познания планеты человеком.

В книге — сотни имен первопроходцев, пытливых искателей новых дорог. Это и легендарный Аристей Проконесский, первым из древних побывавший в просторах Зауралья, и уйгуры Саума и Маркос, достигшие из Ханбалыка в XIII веке берегов Сены, и томский казак Иван Петлин, прошедший через пустыни Центральной Азии в Пекин, и якутский пятидесятник Владимир Атласов, первым описавший Камчатку, и современные исследователи М. Грязнов, М. Алексеев, Р. Хениг и многие, многие другие...

«Земной круг» охватывает громадный период — с древних времен до путешествий «Колумба Росского» — Григория Шелихова. Однако это вполне современная книга. Она современна по стилю и языку, по идеям, заложенным в ней, по авторскому методу ее создания. Она могла быть написанной только в наши дни, когда время и пространство невероятно сблизились, когда в считанные минуты, с космических высот мы можем окинуть взглядом земной круг, видеть одновременно берега Африки и очертания Европы, снежные вершины Гималаев и россыпь Зондских островов, леса Сибири и просторы Тихого океана. Слово на сказочной машине времени, видя прошлое и настоящее, улавливая потаенные связи, находя забытые тропы, воссоздавая реальную картину поисков, Сергей Марков очерчивает земной круг...

Книга Сергея Маркова глубоко патриотична. Любовь к Родине, восхищение подвигами ее сыновей пронизывает книгу от первой до последней страницы. В ней разрушается одна из самых реакционных легенд о том, что Восток и Запад несовместимы, противостоят друг другу с древних времен, что Уральский хребет — роковая граница, за которой

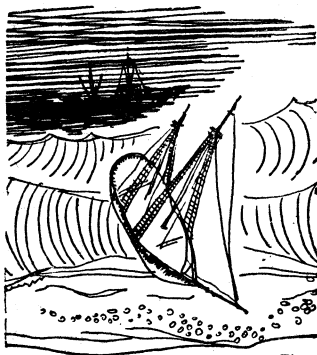
таится тьма и дикость, вечная угроза миру и цивилизации.

Нет нужды говорить о нелепости такого взгляда. Но Сергей Марков не только разбивает его, он идет дальше — убедительно доказывает, что Рифейские горы, как древние называли Урал, не только не были водоразделом культур и народов, нет, Урал был своего рода крепчайшим швом, соединяющим Запад и Восток, осью вращения важнейших событий мировой истории. Именно через Урал, через нашу страну, шли с древних времен прочные связи Востока и Запада, именно наша страна служила надежным мостом, соединяющим, а не препятствующим слиянию и взаимопроникновению культур разных народов.

«Земной круг» состоит из множества увлекательных новелл об открытиях и заблуждениях, о поисках и путешествиях, о забытом и восстановленном. Многие из них снабжены комментариями, позволяющими любому читателю углубить свои знания и самостоятельно продолжить работу, начатую автором. Написаны они в свойственной Маркову-прозаику лаконичной манере, емкой и образной.

Велика сумма знаний и мыслей, которую получает из этой книги читатель. И нельзя не присоединиться к покойному академику Д. И. Щербакову, который писал в предисловии к «Земному кругу» — «это монументальное, научно-художественное, историко-географическое повествование, умная, хорошая и во всех отношениях полезная книга».

Виктор УТКОВ

редко встречаются сплошные ледяные поля.

И вот в один из дней капитан «Рескю», предчувствуя особенно жестокий шторм, решил не рисковать. Еще долго до того, как море ра-

зыгралось, он приказал команде перебраться на борт китобойца. «Рескю» оставили на якорах недалеко от берега.

Опасность на этот раз действительно оказалась реальной. Волны и ветер безжалостно разделились со старым «Рескю». Сначала ударили три пришедших друг за другом гигантских волны, обрушившихся на его палубу, были сломаны мачты. Затем судно вместе с якорами стало относить к берегу. В конце концов полуразрушенный корабль оказался выброшенным на мель. Так старый «Рескю» закончил свой век.

Прошел год. Китобоец «Жорж Анри» вновь оказался в Гудзоновом заливе, и, к своему удивлению, почти рядом моряки увидели плавающий «Рескю». Он упорно следовал за китобойцем.

Поднявшийся шторм и льдины настолько сблизили суда, что они чуть не столкнулись.

Команду «Жоржа Анри» охватил страх. И вдруг «Рескю» отстал и исчез. Однако ненадолго. Через сутки, ночью, буквально у самого борта китобойца вновь, как призрак, возник корабль с обломанными мачтами.

Капитану «Жорж Анри», который предполагал зимовать в Гудзоновом заливе, не оставалось ничего другого, как самому потопить «Рескю».

Взобравшись на борт «призрака», он открыл один из днищевых кингстонов, и на глазах у всей команды «Жоржа Анри» «Рескю» был похоронен подо льдами.

Д. ЭЙДЕЛЬМАН

НА ВЬЮЧНОЙ ТРОПЕ

Черт бы побрал тайгу — я, кажется, по горло сыт ею. Июнь, а здесь по-осеннему холодные дожди. Тропа раскисла, лошади вязнут, приходится выносить вьюки на себе. Осточертела сырость, я уж не помню, когда был сухим. Пуще всего мы берегли спальные мешки, но и они напитались влагой. Даже спать по-человечески не удается. А тут еще комары. В дождь они ненавистнее всего. Съезжился в седле, устроился вроде удобно, пригрелся, вдруг — точно иголкой в лицо или шею. Хлоп рукой, а рука холодная, мокрая. Пошевелился — и тотчас чувствуешь, как струйки воды пробираются по спине, по груди, по ногам. Бр-р-р!..

Когда дождь и холодно, не хочется даже говорить. Мы ехали молча. Лошади тянулись одна за другой, чавкая по грязи копытами.

Вначале мы еще любовались тайгой. Но все быстро надоело. Бесконечные горы, болотистые, пустынные пади, кочкастые мари, речушки и небольшие озера с дикими берегами, бескрайний лес, в большинстве своем только лиственница. Однообразно и скучно.

Старый звенк — проводник Яков Николаевич ворчал:

— Говорил, что ненастье будет. Вороны каркали. Руки-ноги болели. Говорил, что плащи плохие, весь дождь на вас будет. Советовал на самолете лететь, два часа — и там. Все говорил. Ничего не послушали. Какие-такие люди? Сидели бы сейчас в избе, чай пили, табак курили...

Да, было бы чудесно сидеть в теплой комнате и пить чай.

В довершение беды мы не могли пережить непогоду. Впереди и сзади были реки, которые от дождей сильно разливаются. Если упустим время — ни проехать вперед, ни вернуться назад, придется сидеть, ждать неведомо сколько. Время же у нас ограничено.

— Вот теперь мокните! — Яков Николаевич сердито сплевывал. — Сами себе плохо сделали.

Я и Андрей Петрович угрюмо отмалчивались. Что тут скажешь? Точно специально о нас поговорили — «Дурная голова ногам покоя не дает». На самолете давно были бы на Витиме. Экзотики захотели!

Только третий наш спутник, «чудо-архивариус» Сергей Сергеевич возражал тихим, извиняющимся голосом:

— Но ведь все очень хорошо, товарищи! Смотрите, как интересно: тучи над самой головой, ползут и ползут — без конца, без края. С деревьев такие крупные капли шлепают — как горох. Природа будто прислушалась к дождичку и дремлет, дремлет. Видите, вот люттик: какой он сонный-сонный и... чуть-чуть глупый...

Сергей Сергеевич, смущенно улыбаясь, близоруко оглядывал нас.

Андрей Петрович кривил в усмешке свои тонкие губы.

— Архивариус впадает в лирику. Мокрый до

пула — и любит цветочками. Скоро начнет писать стишки... Нет, с меня этого великолепия достаточно. Предлагаю, пока не поздно, вернуться обратно.

— Ну, зачем же обратно? — несмело возражал Сергей Сергеевич. — Дальше надо.

Его поддерживала Нина, девочка-эвенка.

— Столько проехали — и обратно! — краснея и смущаясь, говорила она. — Дальше поедем!

Нину мы понимали. Она спешила домой. Где-то за хребтами кочевали с оленьим стадом ее родители. Она не видела их почти год. Ради нее мы только и не вернулись. Поворчим, поворчим — и трогать дальше.

Нину мы все успели полюбить. Крохотная даже для своих двенадцати лет, она уверенно сидела в седле, не терялась на переправах через бурные горные речушки и в таких гиблых местах, где, казалось, не только лошадь — дьявол ноги поломают. Нина добровольно взяла на себя ту часть работы на таборе, которую больше всего не любят выполнять мужчины: приготовление пищи и мытье посуды. Она это делала неторопливо, но очень умело. Ни разу у нее ничто не сплыло и не подгорело. Миски, кружки, ложки постоянно чистые. Просто удивительна ее аккуратность в такой обстановке и при такой погоде. Сами мы, кажется, даже умывались не каждое утро...

Нина любила напевать. Укутанная в огромный плащ, плавно покачивается в седле и тянет себе, тянет тоненьким голоском. А дождь льет, холодно, руки заокоченели, едва повод держат.

— О чем поешь, Нина? — спросили мы как-то. Покраснела она, улыбнулась мило.

— Так... — ответила. И добавила: — Дом скоро.

— Соскучилась?

— Ой, сильно соскучилась. Ой, сильно!

— Но ведь и дома у вас скучно. Несколько палаток, больше ничего.

— А что еще надо?

— Ну, там, где ты училась, есть клуб, школа-интернат, пионерская комната. Поселок большой, чуть не городок...

Задумалась на минуту Нина. Опять покраснела и улыбнулась:

— Дома все равно хорошо. Очень хорошо... — Она замялась, подыскивая слово. — Там красиво. Вот как здесь. Посмотрите, разве не хорошо?

Нина повела рукой. Изуродованная миллионами кочек падь. Рыжие плешины болотин. Извилистая и бурливая, заросшая тальниками речушка. У кустов от прошлогодних разливов кучи лесного хлама. И однообразные лес, лес и горы...

— Красиво? — Нина, улыбаясь, смотрит на нас.

— Красиво, — вежливо согласился я.

— Ничего, — проговорил Андрей Петрович, только Сергей Сергеевич промолчал.

В придачу к тихому, извиняющемуся голосу у Сергея Сергеевича самая непримечательная наружность. Словно бы работа в учреждении, отгороженном от шума, движения, от машин и людей, наложила на него свой отпечаток. Сергей Сергеевич низенький, худой, щуплый. Плечи узкие, голова кажется непропорционально большой. Волосы жидкие, редкие и совершенно седые, хотя лет ему не так уж и много — сорок пять. Красил его разве только лоб, открытый, высокий.

Было бы естественно, если бы и поведение его оказалось соответствующее — скромное, незаметное, такое, когда говорят: «Воды не замути». Но нет. Сергей Сергеевич «помутил воды!» Попортил нам нервы! Он и тонул, и срывался со скалы, и блуждал. Одежда его в заплатках: вечерами он, близоруко щурясь, неизменно портняжит. Лицо и руки в царапинах и синяках. Все это не потому, что в пути нас постоянно подстерегают опасности и невзгоды. Просто Сергею Сергеевичу везде нужно сунуть свой нос.

Каждый час он выкидывает что-нибудь новое. То смотрим, карабкается на дерево, — заинтересовался, видите ли, что там чернеется у самой вершины. То забирается по осыпи на гору, падает, спотыкается и все-таки лезет. Или вдруг видим: плывет по потоку на каких-то бревешках, едва перевязанных прутьями. Плот соорудил! А то пойдет за дровами. Десять минут, полчаса — ни дров, ни человека. Начинаем волноваться, сердимся. Тайга же, мало ли что может случиться. Да и за дровами кому-то другому теперь идти надо, а на таборе работы хватает всем...

— Я, знаете, слышал, как вы кричали, звали меня, — оправдывается он потом, виновато улыбаясь, — да нельзя мне было откликнуться: птичка интересная. Я за ней, она от меня. Никак не подпускает близко. Такая забавная.

Все «фокусы» получались у него как-то неловко. Ну, полез на дерево, так пошутил бы хоть, что ли. Ничего подобного. Он все делал с самым серьезным видом. Только когда начинали ворчать, улыбался смущенно и слабо оправдывался.

Конечно, все это вносило некоторое разнообразие в нашу жизнь, иногда веселило. Но даже мне казалось, что надо вести себя степеннее. Пожилой же человек, под пятьдесят уже. Да и забывать нельзя, что хоть не друзья, а вместе едем, не можем не переживать: вдруг утонет или заблудится.

А Андрей Петрович просто кипел, до того сердился на Сергея Сергеевича. И постоянно подкусывал:

— Необыкновенной красоты птичка. Мы отборимся, поработаем, а вы тем временем посмотрите ее перышки?

Или:

— Воронье гнездо, уважаемый Сергей Сергеевич. Обязательно слезьте поглядеть его. Необычайно важно знать, как оно устроено.

Сергей Сергеевич страшно рассеян, неумеха или же просто бестолковый. Начнет ли седлать лошадь, упаковывать вещи, закреплять вьюки — обязательно что-нибудь напутает. Мы с Андреем Петровичем посмотрели раз-два — и запомнили. Невелика премудрость. А он — никак.

Тут сердился Яков Николаевич.

— Опять седло задом наперед, — ворчал наш проводник. — Три раза говорил, как надо. Снова неправильно. Все перевязывать придется... Какой-то такой человек!..

— Этот человек работает в архиве, да еще и начальник. Архивариус! — со своей язвительной улыбкой говорил Андрей Петрович.

— Э-э, видишь, еще и начальник. Сильно плохо с таким начальником. Коня седлать не умеет!

Сергей Сергеевич оправдывался своим извиняющимся голосом:

— Знаете, Яков Николаевич, никак не могу запомнить. Совсем не отличается у седла перед от зада.

— Как не отличается? — недоумевал Яков Николаевич. — Совсем разный. Где перед — круто сделано. А где зад — полого. Колечки, ремешки для торока — тоже позади, впереди ничего нету. Сильно отличается. Понял?

— Понял... — отвечал Сергей Сергеевич. А в следующий раз опять путал.

Ко всему прочему Сергей Сергеевич оказался поразительно упрямым. Не переубедить его, не уговорить.

Однажды мы остановились на ночлег у безымянной речушки. Горы круто сбегали к нам. Голые, мрачные вершины их кутались в медленно ползущие тучи. Ниже туч начинался лес, переходивший у подножий в заросли карликовой березы, которая только называется карликовой, а здесь достигала высоты в два человеческих роста.

Дождь перестал, лишь едва моросило. Воспользовавшись этим, Яков Николаевич ушел на охоту. Мы оборудовали табор. Нина чистила картошку. Вдруг она показала рукой: метрах в ста от нас шевелились вершинки кустарников. Там ходил какой-то большой зверь. Видимо, медведь.

Ружья у нас не оставалось: карабин и малокалиберку взял Яков Николаевич. Да нам ничто и не угрожало, конечно.

Мы соблюдали тишину, надеялись, что зверь подойдет ближе или выйдет на более чистое место и покажется нам. Но тот не приближался. Андрей Петрович свистнул негромко. Движение на минуту прекратилось, потом началось снова.

— Нет, его, знаете, не дожدهмся, — сказал Сергей Сергеевич. — Надо пойти самим, товарищи.

— Зачем пойти?

— Ну, посмотреть. Подкрасться осторожно и посмотреть.

— Вы исключительный человек! — взорвался Андрей Петрович. — Медведь, бывает, опытных, вооруженных охотников задирает, настоящих следопытов, а вам, видите ли, удастся подойти, полюбоваться и спокойно уйти обратно?

— Не всех же, знаете, медведь задирает.

— Пощадит архивариуса?

Я тоже доказывал, что ходить не следует. Одно дело смотреть от костра, совсем другое — встретиться со зверем в лесу. Да еще без оружия. Медведь не заяц, не козочка...

Но оказалось, с таким же успехом можно было говорить все это спальному мешку.

— Вы постойте, товарищи, а я все-таки посмотрю, — выслушав, своим извиняющимся голосом сказал Сергей Сергеевич и пошел от костра.

Андрей Петрович был вне себя от возмущения.

— Щелчком убить — и на медведя! Полюбоваться, видите ли! В музее у чучела стоял — и то, наверное, душа в пятки убежала. Тьфу!

Я тоже выругался, взял топор и пошел за Сергеем Сергеевичем. Вдруг что случится — никогда не простишь себе.

Андрей Петрович прихватил увесистую палку и, чертыхаясь, зашагал за нами.

Через минуту мы забрались в такую чащу, что случись необходимость, не удалось бы пустить в ход ни топор, ни палку.

А Сергей Сергеевич еще шептал, оборачиваясь:

— Тише, пожалуйста... Чтобы не спугнуть...

— О-о!..— стонал Андрей Петрович.— Что ты пропал!

К счастью, медведь — это был он, потом установили по следам — ушел от нас.

— Сто лет, однако, живу, а без карабина к медведю не ходил,— рассуждал вечером Яков Николаевич.— Зверь же! Не олешек домашний — любоваться ходить. А медведица со щенками, ребятишками маленькими, была бы? Совсем худо могло кончиться.

— Ему, Яков Николаевич, говорили. Но что для нашего Сергея Сергеевича какая-то медведица с медвежатами? Тьфу!— Андрей Петрович пренебрежительно махнул рукой.

— Медведица с парнишками — тьфу? О-о... Вроде не встречал такого человека. В разговоре тоже не слышал...

— Еще сто лет проживете — не встретите и не услышите.

— Однако, правду говоришь,— согласился, подумав, Яков Николаевич.

Так мы ехали по витимской тайге. Три городских жителя, случайно встретившихся в районном центре и решивших добраться до Витима не самолетом, а тропой. Эвент-проводник Яков Николаевич. И девочка Нина.

Дождь мочил и мочил нас. Перестанет на часок-другой — и опять. Тянулись лошади, чавкая по грязи копытами. Оставались позади хребты, пади, распадки. Мари, топкие ключи, бурные речушки.

Тоненьким голоском напевала Нина. И все нетерпеливее поглядывала вперед.

— Далек еще твой дом, Нина?

Покраснеет девочка, улыбнется:

— Сейчас уже близко, наверное.

— А не проедем мимо?

— Нет, не проедем! Близко от тропы живут в это время. Знают, что я приеду, ждут.

На пятый день нашего путешествия мы, наконец, увидели оленей. Самцы с большими ветвистыми рогами, безрогие самки, телята. Было их всех, наверное, больше тысячи. Взрослые олени переходили молча, пощипывали траву, кустики. Озирались по сторонам, настороженно смотрели на нас. Малыши, вдруг потеряв мать, издавали громкие, отрывистые и самого грубейшего баса звуки. Можно бы подумать, что так кричать в состоянии разве только слон, но уж никак не оленята.

— Олени! Олени!— приговаривала Нина.— Близко дом! Близко!

Скоро мы действительно приехали.

У кромки леса, недалеко от речушки, — три палатки. Три семьи. Пять человек взрослых, человек восемь ребятишек — мальчишек и девочек. Все они высыпали встречать нас.

Нину с лошади точно ветром сдуло. Спрыгнула еще в нескольких десятках метров от людей. Побежала, смеясь, что-то быстро говоря по-своему. Пожилая женщина, протянув руки, шла ей навстречу.

Через полчаса мы пили чай в просторной, жарко натопленной палатке и разговаривали с

приветливыми хозяевами. Нас угощали мясом, оленьим молоком, лепешками.

Нина переходила, нет, не переходила, перелетала из палатки в палатку — сияющая, счастливая. Присаживалась на минутку и, радостно блестя черными глазенками, переговорив вежливо со взрослыми, перебросившись несколькими словами с ребятишками, убегала в другую палатку.

Потом все восемь ребятишек — такие, как Нина, и совсем еще карапузики — играли на полянке в мяч. Потом в прятки. Прятались здесь было раздолье: деревья, кусты, валежины, кочки, трава — все рядом.

Веселью не было конца.

Сергей Сергеевич похаживал около ребятишек. Мне казалось, он был не прочь поиграть с ними.

Мы с Андреем Петровичем сидели у костра. Кусали комары, и дым ел глаза.

Рано утром мы тронулись дальше.

Нина провожала, стояла в сторонке со своими товарищами.

Сергей Сергеевич улыбался смущенно. Ему опять попало. Он решил прокатиться на олене, благо один стоял оседланным. Никто не успел и глазом моргнуть, как наш приятель взгромоздился на животное. Олень побегал. Сергей Сергеевич силился удержаться, но свалился на виду у всех, напугав и нас, и хозяев.

— Не умеешь ездить, так зачем садиться?— недоумевал Яков Николаевич.

— В следующий раз, вот увидите, он попробует прокатиться на собаке,— пообещал Андрей Петрович.— Хоть бы на цепную нарвался...

— Но я никогда не катался на олене, товарищи,— извиняющимся голосом оправдывался Сергей Сергеевич.

Лошади были готовы, мы уселись.

Вдруг Нина, пунцовая от волнения, подбежала к Сергею Сергеевичу.

— Дядя Сережа...— проговорила она.— Дядя Сережа, до свидания... Чтобы у вас все хорошо было... Я желаю вам...

— Ты ему, Нина, облагоражуйтесь пожалуйста,— сказал Андрей Петрович.— Надоели его чудачества.

Нина посмотрела на нас. Опять подняла лицо к Сергею Сергеевичу.

— До свидания, дядя Сережа,— повторила она. И убежала в лес, который начинался сразу за палатками.

Я не сразу понял, что с нами Нина так и не простилась.

Скоро мы снова ехали по тропе. Полчаса — и уже не слышно оленей, не видно дымка. Опять ничего не напоминает о человеке. Пустынная падь. Речка с дикими берегами, на которых не встретишь рыболова. Горы, горы. И бесконечный лес: лиственницы, лиственницы... Редко где забелеет ствол березки, еще реже — сосна. Северная тайга.

Лошади тянулись одна за другой, чавкая копытами.

Начал накрапывать дождь.

Яков Николаевич сердито взглянул на серое низкое небо.

— Говорил, что ненастье будет. Вороны кричали. Руки-ноги болели. Нет, не послушали, ехать надо...

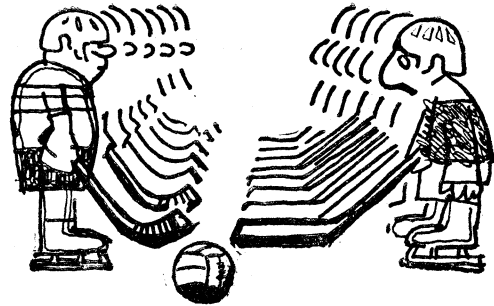
Но через минуту махнул рукой:

— Однако хватит сердиться. Витим близко. Теперь доедем, ничего.

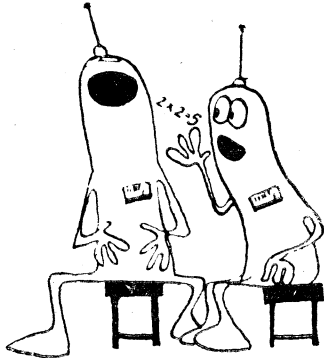
Ю М О Р

Ю М О Р

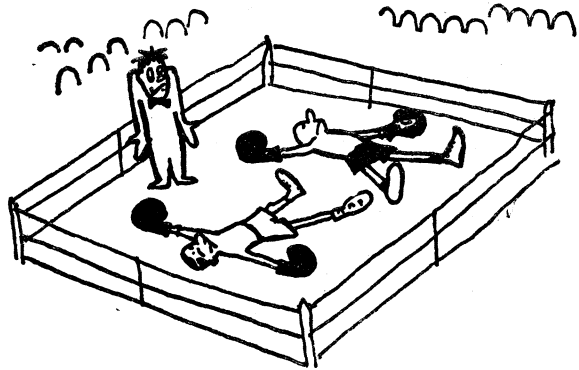
Ю М О Р

Без слов.

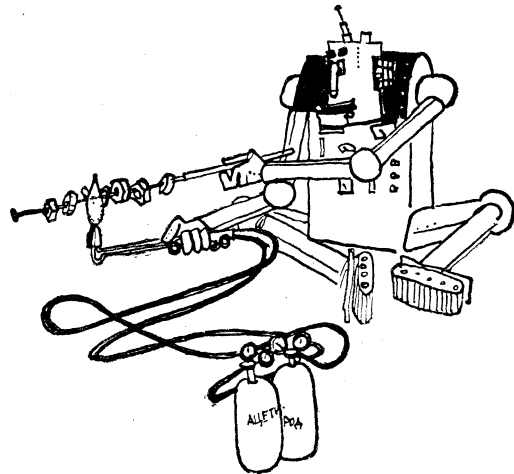
Анекдот.

Без слов.

— Лысеем, брат, лысеем.

Шашлык.

Как строится и растет Советская жизнь в СССР? — В поисках ответа на этот вопрос, а не на пари, или вознаграждение, как это делается в буржуазных странах, я Гурьев Алексей 26 лет от роду, по профессии — журналист, 1-го Июля 1925 г. оставил Грузию, чтобы в течение 3-х лет пройти пешком и на лыжах весь Союз ССР и лицом к лицу увидеть всю нашу необъятную страну, со всем многообразием жизни и быта на ее бесконечных пространствах.

По грубым подсчетам мой маршрут равняется 20.000 километров: Кавказ, Крым, Украина, Бессарабия, Белоруссия, Северный край, Урал, Сибирь, Дальний Восток, Туркестан, Бухара, Хива, Закавказье.

До настоящего времени я прошел 13 республик и областей, т. е. 9000 километров.

Настоящую карточку продаю с целью сбора средств для путешествия. Рассчитываю на Вашу доброжелательность.

П. С. Дабы убедить Вас в том, что я действительно прошел республики, могу предъявить контрольную книгу от ВСФК Закавказья с 400 визами (печатами) местных властей тех республик, через которые я уже прошел пешком и на лыжах.

Счастливо оставаться, путешественник Гурьев.

Цена 15 коп.

СУВЕНИР ПУТЕШЕСТВЕННИКА

Жительница поселка Таватуй пенсионерка Зайцева передала мне эту открытку и рассказала ее историю.

В 1926 году однажды вечером к путеобходчику Зайцеву зашел путник. Он назвался Гурьевым и шел из Тагила в Свердловск. Переночевав, Гурьев при расставании подарил хозяевам на память эту открытку и двинулся дальше.

Как видно из текста открытки, А. А. Гурьев тогда совершал необычный пеший переход протяженностью 20 тысяч километров. Позади уже было более 9 тысяч километров по дорогам 13 республик и областей. В то время советскому государству не было еще и 9 лет, и путешественник-журналист смог увидеть своими глазами замечательную картину строительства молодой страны социализма.

Интересно, жив ли сейчас А. Гурьев, описал ли он в печати свое путешествие? Кто и где его видел еще?

С. ЧАЧИЛО

В НОМЕРЕ:

ОБЛАКАТ.	1
<i>П. Сальников. Рассказ.</i>	
АЛЕКСАНДРОВСКИЙ ДНЕВНИК.	6
<i>С. Выгон.</i>	
СЛЕДОПЫТСКИЕ ДЕЛА.	12
СНЕЖНЫЙ РЕЙД	16
<i>А. Мурзин. Очерк.</i>	
Н. К. КРУПСКАЯ НА УРАЛЕ.	22
<i>На приз нашего журнала.</i>	
СТИХИ.	24
<i>Л. Татьяничева. А. Еранцев.</i>	
НОЧЬ ТЕМНАЯ-ТЕМНАЯ	26
<i>В. Астафьев. Рассказ.</i>	
ОТ БЕРЕСТЫ К...	40
<i>В. Бугров. Мой друг — фантастика.</i>	
ЭКЗАМЕН.	43
<i>А. Валентинов. Фантастический рассказ.</i>	
ОТКУДА ЭТО СЛОВО	47
<i>В. Житников.</i>	
И ОДИН В ПОЛЕ ВОИН.	49
<i>Ю. Дольд-Михайлик. Приключенческий роман.</i>	
ПО СЛЕДУ «ТИГРИНОГО ГЛАЗА».	63
<i>М. Рыбаков.</i>	
КОВАРСТВО КУИМЕНСКОЙ ГУБЫ. ТРИ ЗЛЫПА.	64
<i>В. Леонтьев.</i>	
ЗАГАДКИ БЕЛЫХ СКАЛ.	67
<i>В. Гребенников.</i>	
ТУМАДАН И КАПИШКА.	70
<i>Е. Осокин. Хантыйское предание.</i>	
ШОКОЛАДНЫЕ МИЛЛИОНЕРЫ.	72
<i>Карел Дунда. Очерк.</i>	
НА ВЬЮЧНОЙ ТРОПЕ.	76
<i>В. Лавринайтис.</i>	

РУКОПИСИ НЕ ВОЗВРАЩАЮТСЯ

Технический редактор Э. Максимова
 Адрес редакции: Свердловск, ТСП-353, ул. Малышева, 36,
 комн. 79 и 87. Телефон Д1-22-40.
 Средне-Уральское Книжное Издательство.

НС 18517. Подписано к печати 9/Х 1967 г.
 Бумага 84×108/16=2,62 бум. л.—8,82 печ. л.
 Уч.-изд. л. 10,04.
 Тираж 110 000. Цена 30 коп. Заказ 454

Типография издательства «Уральский рабочий».
 СВЕРДЛОВСК, проспект Ленина, 49.
 Обложка и вкладыш отпечатаны на Свердловской
 фабрике офсетной печати.

Визитная карточка КРАЯ

Для туристов и экскурсантов, совершающих путешествие по Приобью, в Тюмени приготовлен оригинальный памятный подарок. Это маленькая красочная этикетка, своеобразная визитная карточка края.

Карточек пока восемь. На них символично показаны Тюмень старая и Тюмень наших дней, легендарный Тобольск, лежащий на Полярном круге Салехард, суровый полуостров Ямал, центр рыбной промышленности края Ханты-Мансийск, туристская база Верхний бор, проект строящегося курорта „Тараскуль“.

Такую этикетку в память посещения Тюменской области можно наклеить на чемодан, использовать как закладку для книги, пополнить ею коллекцию географических сувениров.

Ю. Рябов

Л. ВЕЙБЕРТ

ОКТАБРЬ

30 коп

73413

Главный редактор И. АКУЛОВ

Редколлегия: В. АЛЬТОВ, А. АСС, В. АСТАФЬЕВ, А. БОГАЧЕВ (зам. главного редактора), М. ГРОССМАН, О. ЛЕОНОВА, А. МАЛАХОВ, МУСА ГАЛИ, В. НИКОНОВ, Н. НИКОНОВ, Л. РУМЯНЦЕВ, И. ТАРАБУКИН (ответственный секретарь), Ю. ХАЗАНОВИЧ, В. ШУСТОВ

Поздравляю

с праздником

„Уральский следопыт“

